

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
Совет молодых ученых ИДВ РАН

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО МИРОПОРЯДКА

Доклады, представленные
на V международной
конференции
молодых востоковедов
в Институте
Дальнего Востока РАН
(Москва, 16 – 17 ноября 2017 года)

Москва
ИДВ РАН
2018

УДК 082(5-012)(082)
ББК 94.3(55)я4
В78

*Утверждено к печати
Ученым советом ИДВ РАН*

Редакционная коллегия:

к.э.н. Л.В. Захарова (отв. редактор), к.и.н. К.В. Асмолов,
с.н.с. А.Ч. Мокрецкий, м.н.с. А.Л. Поленова, Ю.В. Кулинцев

В78 Восточная Азия и изменения глобального миропорядка : Доклады, представленные на V международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН (Москва, 16—17 ноября 2017 года) / Совет молодых ученых ИДВ РАН. — М. : ИДВ РАН, 2018. — 288 с.

ISBN 978-5-8381-0332-1

В сборнике материалов V международной научной конференции молодых востоковедов, состоявшейся в Институте Дальнего Востока РАН в ноябре 2017 г., представлены доклады по различным аспектам развития и сотрудничества стран Восточной Азии на фоне нарастающих процессов изменения глобального миропорядка. Рассмотрены актуальные проблемы политического и экономического развития России, Китая, Японии, Южной и Северной Кореи. Особое внимание уделено концепциям внешней политики ключевых стран региона, а также потенциалу международного экономического сотрудничества с учетом современных тенденций национального и глобального развития. Рассмотрены актуальные вопросы исторического наследия, а также изучение социокультурного пространства государств Восточной Азии.

Ключевые слова: Восточная Азия, Россия, Китай, Корея, Япония, безопасность, сотрудничество.

Мнение авторов может не совпадать с позицией редакционной коллегии.

**УДК 082(5-012)(082)
ББК 94.3(55)я4**

ISBN 978-5-8381-0332-1

© Коллектив авторов, 2018
© ИДВ РАН, 2018

Содержание

ПОЛИТИКА

<i>Мокрецкий А. Ч.</i> Международное влияние китайской концепции безопасности	6
<i>Цык А. В.</i> К вопросу о внешнеполитических концепциях Китая в начале XXI века	16
<i>Семенов А. А.</i> Трансформация внешней политики Китая	21
<i>Кулинецв Ю. В.</i> Перспективы сотрудничества России и Китая в АТР с точки зрения национальных интересов	28
<i>Балданова Р. А.</i> Основные тенденции современной иммиграционной политики Китая	37
<i>Игнатов А. А.</i> КНР, Республика Корея и Япония в «Группе двадцати»: интересы и приоритеты	44
<i>Дьячков И. В.</i> Ядерная проблема Корейского полуострова в 2017 г.: политика и технологии	53
<i>Куприянов А. В.</i> Отношения Индии и КНДР на современном этапе	60
<i>Логиновский Е. Л.</i> Особенности взаимоотношений Тегерана с корейскими государствами	68
<i>Значкова А. П.</i> Военно-техническое сотрудничество Республики Корея со странами ЮВА	76
<i>Киреева А. А.</i> Интересы России и Японии в улучшении отношений и ограничения российско-японского сближения	85
<i>Добринская О. А.</i> Основные направления эволюции японо-американского союза безопасности	94

<i>Вода К.Р.</i> Азиатские сети экспертно-аналитических центров . . .	103
<i>Малашевская М.Н.</i> Феномен японо-монгольского военно-экономического сотрудничества в «Большой Евразии» в 2000-е — 2010-е годы	110

ЭКОНОМИКА

<i>Заклязьминская Е.О.</i> Актуальные вопросы туристической статистики КНР	117
<i>Петелин Е.Н.</i> Развитие потребления природного газа в Китае и возможности для российских компаний	126
<i>Михайлова Е.В.</i> Эндогенные и экзогенные проблемы приграничного сотрудничества на российско-китайской границе на примере Благовещенска и Хэйхэ	137
<i>Дондокова М.Ю.</i> Проект «Степной путь» и его туристическая привлекательность для Байкальского региона	145
<i>Оу Кайфэй (КНР).</i> Страны Восточной Азии в Арктике: соперничество или сотрудничество?	150
<i>У Цзы (КНР), Сазонов С.Л.</i> Сотрудничество РФ и КНР в транспортном освоении Арктики	157
<i>Синякова А.Ф.</i> Президент Пак Кынхе: обещания vs достижения	165
<i>Карячкин Я.И.</i> Перспективы новой энергетической политики Мун Чжэ Ина	175
<i>Зуева А.Г.</i> Сотрудничество Республики Корея и Российской Федерации на современном этапе развития Расширенной Туманганской инициативы	183
<i>Лешакова Н.П.</i> Перспективы развития южнокорейских компаний на российском рынке	192
<i>Захарова Л.В.</i> Изменение социальной структуры северокорейского общества на современном этапе	200
<i>Шарафетдинова А.И.</i> Россия—КНДР: состояние сотрудничества в условиях санкций	208

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

<i>Яковкин Е.В.</i> Кио-Ва-Кай и российская эмиграция: 1932—1945 гг.	217
<i>Нелидов В.В.</i> Заключение японо-американского договора 1960 г. и характерные черты внешнеполитического процесса в послевоенной Японии	224
<i>Лобов Р.Н.</i> Внешнеполитический курс КНДР после V съезда ТПК (1970): просчеты и достижения	232
<i>Матвеева Е.Ф.</i> Статус учителя в азиатских странах-лидерах: социокультурный фактор или особенности государственной политики?	240
<i>Мозоль Т.С.</i> «Мягкая сила» высшего образования Республики Корея: успехи и задачи на пути интернационализации	249
<i>Поленова А.Л.</i> Стратегия регулирования Интернета в Республике Корея: возможности для политической цензуры ..	257
Список авторов	266
Author's team	270
Abstracts	273

ПОЛИТИКА

---

*Мокрецкий Александр Чеславович,
старший научный сотрудник Центра изучения
и прогнозирования российско-китайских отношений
ИДВ РАН*

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Важным аспектом в китайской версии глобализации является пространство национальной безопасности. КНР заинтересована в обеспечении государственного суверенитета, территориальной целостности и коренных интересов развития. Для реализации данных целей был учрежден Комитет государственной безопасности в 2014 г., принята концепция государственной безопасности (1 июля 2015 г.). Проанализированы внутренние и внешние факторы, формирующие китайскую концепцию безопасности, а также ее значение для развития мира.

Ключевые слова: Китай, безопасность и развитие, концепция государственной безопасности, китайская концепция безопасности.

Современный мир полон неясностей и неопределенностей, а складывающаяся обстановка запутана чередой непредсказуемых факторов. Эксперты все чаще прибегают к термину «событие типа черный лебедь», чтобы как-то охарактеризовать редкий феномен, который имеет непосредственное влияние на международные отно-

шения. Примером «черного лебедя» может быть победа Д. Трампа на выборах в США в 2016 г. В таких условиях обеспечение безопасности становится приоритетной задачей для любого государства.

Безусловно, в бурных водах мировой политики значительно раздается «голос Китая». КНР стала второй экономикой мира еще в 2010 г., ее глобальное влияние объективно возрастает. Поэтому все события, которые происходят внутри страны, и все те действия, что связаны с активностью Китая, будут привлекать внимание международного сообщества.

С момента проведения XVIII съезда КПК прошло 5 лет. Китай стал действовать более активно и решительно на международной арене. За это время мировое сообщество услышало немало китайских концепций, которые появлялись одна за другой. С международных трибун были объявлены инициатива «один пояс, один путь», теория международных отношений нового типа, строительство человечества как сообщества судьбы, создание сети партнерств и др.

В конечном счете, китайские эксперты и средства массовой информации сформировали некую комплексную идею, или «концепцию Китая» (*Чжунгогуань*). Она представляет собой общую систему идей и взглядов КНР о себе и окружающем мире в международных отношениях. В данном докладе остановимся на еще одной, немаловажной инициативе — китайской концепции безопасности (*аньцюаньгуань*).

Интерпретация безопасности в Китае

Перед тем, как изложить новую концепцию безопасности Китая, отметим, на наш взгляд, основные особенности «безопасности» в понимании китайского общества:

1. Органическая связь безопасности и готовности к проблемам хорошо отражается в философском мышлении «*цзюй ань сы вэй*» (居安思危), т. е., «живя в спокойствии, думай об опасности», или мыслить хладнокровно и помнить о кризисе¹. В частности, древний китайский трактат «Цзо чжуань», охватывающий события с 722 до 468 г. до н.э., использовал идею о том, что «вода может как нести лодку, так и опрокинуть ее»². Другими словами,

любая вещь может принести вред при недостатке внимания. Древнекитайский мыслитель Хань Фэй был убежден, что необходимо уделять внимание мелочам, потому что «тысячеверстная дамба разрушается из-за муравьиного гнезда». Классический текст «Книга перемен» гласит: благородный муж «успокаиваясь /в безопасности/, не забывает о риске /угрозе/, в существовании не забывает о гибели; упорядочив /управляя/, не забывает о беспорядке /смуте/»³. В «Дао дэ цзине» говорится:

«Что безмятежно, умиротворённо —
нетрудно поддержать,
Что свойств не проявляет, сонно —
легко предугадать.
Всё то, что мелкое — легко рассеять,
Что хрупкое — легко разбить, что деет?
Порядок наводи, пока нет смуты,
Не жди, когда хаос набросит путы»⁴.

2. Преимущество и работа над ошибками позволили китайскому руководству осознать, что государственная безопасность — наиважнейшая и самая фундаментальная предпосылка для существования и развития государства. Концепция безопасности сформировалась благодаря опыту, полученному из смен династий, агрессии внешних врагов, внутренних потрясений (периодов хаоса и смуты). В ретроспективе можно наблюдать жизненную философию: идти путем проб и ошибок, извлекать опыт из успехов /побед/ и уроки из поражений /провалов/.

3. Тезис о том, что экономическое и финансовое влияние становится политическим, очень хорошо отражается в отождествлении китайских успехов с мировым чудом, сделанным генерал-полковником ВВС НОАК Лю Ячжоу. По его словам, мир стал свидетелем «китайского чуда» («*Чжунго чицзи*»), восхищается «китайской силой» («*Чжунго лилян*»), пристально следит за «китайскими проектами» («*Чжунго тьянь*»). Сегодня «Китай» — не только название государства, но и слово, ассоциированное с надеждой и жизненной силой⁵.

4. Понимание того факта, что никто не любит слабых, или «если слаб, будешь битым». Экспертное сообщество придерживается мне-

ния, что сегодня коллективный Запад сдерживает возрождение Китая, и поэтому мирное развитие страны терпит серьезное давление и вызовы⁶.

Внутренние факторы китайской концепции безопасности

Стоит обратить внимание на то, что важным аспектом в китайской версии глобализации является континуум, или пространство государственной безопасности. В немалой степени КНР заинтересована в обеспечении государственного суверенитета, территориальной целостности и прав развития (коренных интересов развития). Для реализации данных целей был учрежден решением 3-го пленума XVIII съезда КПК Комитет государственной безопасности в 2014 г. (таким образом Си Цзиньпин объединил в своих руках пять функций), принята концепция государственной безопасности (1 июля 2015 г.). Кроме того, 15 апреля каждого года стал отмечаться новый государственный праздник — День образования государственной безопасности КНР (*цяоаньминь гоцзя аньцяоань цзяюйжи*)⁷.

Согласно «Концепции государственной безопасности Китайской Народной Республики», данный закон призван «защищать государственную безопасность, охранять политическую власть демократической диктатуры народа и китайскую самобытную социалистическую систему, охранять основные интересы народа, обеспечивать успешную реализацию реформ и открытости, социалистическую модернизацию, осуществить великое возрождение китайской нации». К важным интересам государства относятся «государственная власть, суверенитет, единство и территориальная целостность, благосостояние народа, устойчивое социально-экономическое развитие»⁸.

Вместе с тем сформировалась система комплексной государственной безопасности (*цзунти гоцзя аньцяоань тиси*), которая включает в себя 11 видов безопасности, в том числе политическую (*чжэньчи аньцяоань*), территориальную, или безопасность территории государства (*готу аньцяоань*), военную (*цзюньши аньцяоань*), экономическую (*цзинцизи аньцяоань*), культурную (*вэньхуа аньцяоань*), общественную

(*шэцхуэй аньцюань*), научно-технологическую (*кэцзи аньцюань*), информационную (*синьси аньцюань*), экологическую (*шэнтай аньцюань*), ресурсную (*цзыюань аньцюань*) и ядерную (*хэ аньцюань*)⁹.

17 февраля 2017 г. в Пекине прошел рабочий семинар по вопросам государственной безопасности. Руководство КНР считает, что Китай должен идти собственным самобытным путем обеспечения государственной безопасности, и главное — предоставлять твердые гарантии безопасности для осуществления мечты Китая о великом возрождении китайской нации¹⁰. Си Цзиньпин подчеркивает, что страна находится «в новой обстановке» (*«цзай синьши ся»*): в постоянном поиске ответов на всевозможные риски и серьезные вызовы, ведется великая борьба, полная множества новых исторических трендов. Все это в совокупности выдвигает новые требования и предлагает новые шансы.

В целях обеспечения государственной безопасности необходимо понимать закономерности, опираясь на значительные изменения международного порядка, планировать в условиях профилактики рисков, действовать в соответствии с важным периодом стратегических возможностей. Си Цзиньпин полагает, что три основных мировых тренда — полицентричность (по-китайски многополюсность — *«доцзихуа»*), экономическая глобализация (*«цзинци цюаньцюхуа»*) и демократизация международных отношений — существенно не изменились. Поэтому необходимо вести международное сообщество к совместному созданию более справедливого и рационального международного порядка. Вместе с тем оговариваются условия для обеспечения государственной безопасности — предоставлять гарантии для защиты важного периода стратегических шансов. «Несмотря на изменения в международной обстановке, мы должны сохранять стратегическую решительность, уверенность в своих силах и терпение, придерживаться глобального мышления (*цюаньцю сывэй*)..., планировать развитие и безопасность, отстаивать мышление нижней черты, единство принципов и тактики, право на активную стратегию защиты государственной безопасности крепко держать в своих руках»¹¹.

Примечательно, что упоминается внешняя среда как важный элемент обеспечения государственной безопасности. В частности, на семинаре обсуждался тезис об активном создании внешней среды

безопасности, необходимости кооперации в этой области и сопровождении международного сообщества на пути совместного обеспечения глобальной безопасности.

Внешнеполитические аспекты китайской концепции безопасности

Международные площадки используются как «полигоны» для «обкатки» китайских идей. В частности, 17 февраля 2017 г. в Мюнхене сотрудник МИД КНР Ван И выделил четыре точки зрения¹², характерные для международного научного сообщества. **Во-первых**, мнение, что экономическая глобализация — главный виновник многочисленных глобальных проблем, поэтому необходимо вернуться к протекционизму и изоляционизму. **Во-вторых**, мир находится в бесплюсном состоянии и отсутствии какого-либо мирового порядка, следовательно, необходимо перезапустить миропорядок и международную систему. **В-третьих**, терроризм достиг такого развития, что его уже невозможно остановить, в результате чего мир сотрясают новые волны региональных беспорядков и столкновения цивилизаций. **В-четвертых**, противоречия между великими державами (или крупными государствами) и вновь поднимающимися (формирующимися) экономиками сложно урегулировать, таким образом стремительно возрастает вероятность конфликтов в мире.

На четыре вышеперечисленных точки зрения китайская дипломатия предлагает пять ответов¹³:

1. Необходимо вести и совершенствовать глобализацию, чтобы она была более сбалансированной, инклюзивной, благоприятствующей и устойчивой. То есть озвучивается тезис о том, что глобализация не первоисточник настоящих проблем, и Китай с такой постановкой вопроса не согласен.

2. В мире отсутствует беспорядок, напротив, необходимо поддерживать и защищать тот сложившийся мировой порядок и международную систему, которая по-прежнему играет незаменимую роль в гарантии международного мира и развития. В основе этого миропорядка находятся ООН и система международного права.

3. Нет универсальных моделей и путей развития, как и «конца истории». Необходимо соответствовать положению в стране, получить народную поддержку, вместе с тем, опираясь на дух взаимного уважения, обмениваться и учиться, дополнять пробелы и совместно прогрессировать.

4. Терроризм и другие глобальные вызовы разрешимы. Главное — найти источник проблем и эффективно отвечать на них посредством международного сотрудничества и комплексного управления.

5. Мир и развитие — по-прежнему главные тренды современности. Важно, чтобы все государства руководствовались целями и принципами устава ООН, решали мирно споры, избегали конфликтов и противостояния, осуществляли сотрудничество и обоюдный выигрыш на основе мирного сосуществования.

К последнему тезису о мире и развитии в последние годы добавляются взаимная выгода и обоюдный выигрыш. Немаловажная роль отводится концепции безопасности. С одной стороны, она включает внутренние аспекты, в том числе решительную защиту государственного суверенитета, территориальной целостности и морских прав, отстаивание единства государства. С другой стороны, носит универсальный характер, который, прежде всего, базируется на принципе невступления в союзы. Вместо этого Пекин предлагает заводить широкий «круг друзей» и создавать «сеть партнерства», охватывающую весь мир. Китай рассматривает практику невступления в союзы в качестве модели или примера для других стран.

Кроме того, китайская концепция безопасности была в той или иной степени озвучена представителями КНР на разных международных форумах: в Мюнхене (конференция по безопасности), Гааге (3-й саммит по ядерной безопасности), Шанхае (Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии), Сингапуре (Диалог Шангри-Ла) и др. При этом подчеркивается, что безопасность носит общий (*гунтун*), комплексный (*цзунхэ*), кооперационный (*хэцзо*) и устойчивый (*кэчисюй*) характер. Вместе с тем безопасность (ядерная, экологическая, экономическая, информационная и др.) увязывается со словом развитие. Формула «безопасность и развитие» воплощается на практике следующим образом: «безопасность — условие для развития», а «развитие — гарантия безопасности». В частности, по-

нятие безопасность «аньцюань» в докладе Си Цзиньпина на XIX съезде КПК употребляется 55 раз (в том числе «государственная безопасность» — 18 раз), а развитие — 233 раза. Что касается международного аспекта, формула «безопасность и развитие» дополняется следующими определениями как единое или комплексное планирование, учет всех мер и возможностей, одновременное лечение и причины, и симптомов заболевания.

Китай неизменно декларирует решение международных проблем путем диалога и консультаций, призывает конфликтующие стороны быть сдержанными и действовать в соответствии с целями и принципами Устава ООН и основными нормами международного права. В решении региональных «горячих точек» Пекин отводит для себя роль конструктивного посредника-медиатора. Это видно как на Корейском полуострове, в Сирии, так и во время решения иранской ядерной проблемы. В частности, КНР призывает возобновить шестисторонние переговоры на корейском направлении, а также активно предлагает идею «двусторонней приостановки действий» (т. е. одновременная остановка ядерных действий КНДР и крупномасштабных военных учений США и Республики Корея). В последнее время Пекин считает актуальной необходимость «сбалансированного решения разумных озабоченностей всех заинтересованных сторон», что позволит восстановить мир и стабильность на Корейском полуострове, а также учесть интересы основных региональных игроков.

* * *

Пекин стремится действовать более активно. Заветы Дэн Сяопина из 28 иероглифов не канули в лету, были забыты. Напротив, они перешли на обновленную версию (как говорят в Китае — «шэньцибань»). Ее коротко можно описать четырьмя иероглифами «фэнь фа ю вэй», т. е. действовать вдохновенно, со всей энергией. Весьма точно характеризуется внешняя политика современного Китая выдающимся российским экспертом Ю.М. Галеновичем как «глобальная, трансконтинентальная, трансокеаническая, включающая в свою орбиту и Арктику, и Антарктику»¹⁴.

Под руководством новой концепции безопасности Китай активно включился в международное сотрудничество, участвует в миро-

творческих операциях под эгидой ООН, выступает за «одновременное лечение и причины, и симптомов заболевания», держит руку на пульсе времени, рассматривает проблемы безопасности под глобальным углом, формирует динамичную, открытую, полностью отражающую (по представлению китайских экспертов) современные международные отношения систему государственной безопасности.

Возникает следующий вопрос: как международное сообщество воспримет развитие Китая и его более активное участие в глобальных делах. Будет ли оно встречено объективно, восторженно или с тревогой и опасением, зависит от самого Китая. В конечном счете, декларируемые Китаем на международной арене идеи (в том числе и концепция безопасности) не вступают в противоречие с инициативами других государств, если первые (идеи Китая) учитывают национальные интересы всех участников международного сообщества. В таком случае диалог цивилизаций, народов и государств будет плодотворным и способствует решению сложных проблем. В противном случае, будет возникать ответная реакция отторжения китайских идей в той или иной форме.

Примечания

¹ Само китайское слово «кризис» («вэйцзи») состоит из двух частей: опасности «вэй» и шанса «цзи». Другими словами, кризис — это шанс для преодоления опасности.

² Древнекитайская философия. Собрание текстов, в 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 153.

³ И цзин — Чжоу И. Система перемен — Циклические Перемены / перев. с кит. Б.Б. Виноградского; сост. В.Б. Курносовой. М., 1999. С. 390.

⁴ *Абраменко В.П.* Китайская философская классика в поэтических переводах: в 2 т. / «Дао дэ цзин», «Ши цзин» (Канон поэзии). М.: ИДВ РАН, 2017. Т. 1. С. 87.

⁵ *Ли Дагуан.* Гоцзя аньцюань (Государственная безопасность). Пекин, 2016. Предисловие. С. 1.

⁶ Там же. Предисловие. С. 2.

⁷ URL: http://www.qsttheory.cn/2016-07/05/c_1119167482.htm (дата обращения: 19.10.2017).

---

⁸ URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2015-07/07/content_1941161.htm# (дата обращения: 19.10.2017).

⁹ *Ли Дагуан*. Указ. соч. С. 1—15.

¹⁰ Си Цзиньпин чжучши чжаокай гоцзя аньцюань гунцзо цзотаньхуэй : [Си Цзиньпин открывает рабочий семинар по вопросам государственной безопасности] / Синьхуа. 17.02.2017. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2017-02/17/content_1120486809.htm (дата обращения: 23.02.2017).

¹¹ Там же.

¹² URL: <http://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1439589.shtml> (дата обращения: 23.02.2017).

¹³ Там же.

¹⁴ *Галенович Ю.М.* Глобальная стратегия Китая. М., 2016. С. 1159.

*Цвык Анатолий Владимирович,
кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры теории и истории международных отношений
факультета гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов*

К ВОПРОСУ О ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ КИТАЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Аннотация. Проанализированы концептуальные основы и внешнеполитические теории Китая в начале XXI века. Рассмотрены концепция «идти вовне», теория «гармоничного мира» Ху Цзиньтао, теория глобальной ответственности Китая, а также идея о сообществе с общей судьбой.

Дается вывод, что идея о построении «сообщества с общим будущим для человечества», выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином, является важным шагом на пути реформирования действующей системы глобального управления. Этот факт подтверждает возрастающие амбиции Китая на глобальном уровне.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, сообщество с общей судьбой.

В марте 2000 г. на 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 9-го созыва председателем КНР Цзян Цзэмином была обозначена концепция «идти вовне», которая сводится к «выходу вовне» китайского бизнеса, многократному увеличению китайского экспорта, росту ВВП, освоению природных ресурсов других стран и необходимости развития связей с китайской диаспорой, ко-

торая является самой многочисленной в мире. Была разработана формула «идти вовне», использовать «два вида сырья, два рынка» (сырье страны и других государств, внутренний и мировой), «два импорта, один экспорт» (импорт сырья и капиталов, экспорт капитала). Реализация концепции «идти вовне» была ускорена после вхождения КНР во Всемирную торговую организацию в 2001 г.

К числу внешнеполитических концепций КНР четвертого поколения китайских лидеров можно отнести доктрину «мирного возвышения», основные положения которой излагались председателем КНР Ху Цзиньтао весной 2004 г. Концепция предполагала опираться на собственные внутренние силы для взаимовыгодного взаимодействия с мировым сообществом. В качестве ориентира «мирного возвышения» китайское руководство видело экономическое сотрудничество с лидерами мировой экономики — США, странами Западной Европы, в том числе с ФРГ, и Японией. Сама идея «возвышения» Китая была экстраординарно воспринята международным сообществом в условиях роста комплексной мощи Китая, в экспертных кругах западных стран вновь обрел свою актуальность тезис о «китайской угрозе».

В русле тех же идей — необходимости использования механизмов сотрудничества в области экономики для достижения поставленных внешнеполитических целей — осенью 2011 г. были опубликованы Белые книги «Мирное развитие Китая» и «Помощь Китая зарубежным странам».

В связи с этим В.Я. Портяков отмечает, что с середины 2000-х гг. с ростом реальной мощи Китая там разрабатывалась теория «ответственной глобальной державы»¹. Некоторые эксперты считают появление определения «ответственной державы» в китайских исследовательских и экспертных кругах откликом на рекомендации американских политиков об увеличении вовлеченности Китая в международные дела. В частности, известный американский финансист и дипломат Р. Зеллик одним из первых призвал Китай стать «ответственным пайщиком в мировых делах». В связи с этим серьезной вехой в развитии внешнеполитических концепций Китая нам представляется 2005 г., когда Ху Цзиньтао с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН озвучил основные тезисы «теории гармоничного мира». Впервые постулаты «теории гармоничного мира», а имен-

но необходимость создания «долгосрочного мира и всеобщего процветания», были выдвинуты Ху Цзиньтао еще в 2003 г. во время его выступления перед студентами МГИМО. В Нью-Йорке председатель КНР призвал всех участников международных отношений к обеспечению «всеобщей безопасности» для достижения долгосрочного мира и всеобщего процветания. Необходимо отметить, что «теория гармоничного мира», как и другие инициативы Ху Цзиньтао — «теория общей ответственности», «сообщество общих судеб», в целом находились в русле тенденции интенсификации внешнеэкономической деятельности КНР, проникновения Китая на рынки развивающихся стран — прежде всего США и европейских государств, в том числе ФРГ, и т. д., при этом не отходя от заветов Дэн Сяопина «держаться в тени»². В то же время данная теория стала важным шагом китайского руководства в формировании образа «ответственной глобальной державы», ее положения затронули вопросы миропорядка и взаимодействия на глобальном уровне.

Изменения в теоретических подходах реализации внешней политики Китая произошли в ноябре 2012 г., спустя несколько недель после завершения XVIII съезда КПК, когда новый председатель КНР Си Цзиньпин выступил с программной речью о желании осуществить «китайскую мечту о великом возрождении китайской нации». В январе 2013 г. Си Цзиньпин обозначил роль внешней политики страны в реализации этой идеи: «Мы будем решительно идти по пути мирного развития, но категорически не станем отказываться от наших законных прав и интересов, не будем жертвовать коренными интересами государства... Ни одна страна не должна рассчитывать на то, что мы будем вести торговлю своими ключевыми интересами, ни у кого не может быть ни малейшей надежды на то, что мы вкусим горькие плоды ущемления суверенитета, безопасности и интересов развития государства»³. Таким образом, внешней политике и дипломатии отводилась традиционная задача создания благоприятного международного окружения, причем не только для «мирного развития Китая», но и для предстоящего «великого возрождения китайской нации».

Во время выступления на Рабочем совещании по вопросам внешней политики ЦК КПК 28—29 ноября 2014 г. Си Цзиньпин КНР характеризовал внешнеполитические действия Пекина как

«дипломатию державы с китайской спецификой», выделив в качестве основных целей «шесть отстаиваний» и реализацию «целей двух столетий» (2021 и 2049 гг.). По нашему мнению, «дипломатия державы с китайской спецификой» предполагает новый уровень интересов Китая на международной арене и увеличение глобальной ответственности в решении международных проблем.

Так, по мнению В.Я. Портякова, к настоящему времени статус Китая как ответственной глобальной державы в первую очередь проявился в участии в международных организациях и обеспечении международной безопасности, в решении кризисов системы мирового хозяйства и в противодействии глобальным климатическим изменениям.

Определенные изменения произошли в представлении Китаем архитектоники международных отношений. По мнению Е.Н. Грачкова, Китай выдвигает глобальные инициативы по формированию миропорядка, которые основаны на традиционных для китайцев ценностях⁴. Китай предлагает традиционные для своей внешней политики принципы — мир, развитие, справедливость, демократия, свобода на глобальном уровне, обозначая, что они также являются основополагающими принципами ООН. Так, выступая на 70-й сессии Генассамблеи ООН 28 сентября 2015 г., Си Цзиньпин выделил роль ООН в поддержании мира и безопасности, призвав все государства мира к согласованным многосторонним действиям, созданию «общества с единой судьбой» (данная формулировка применялась в выступлениях китайских руководителей на двусторонней основе, прежде всего, с азиатскими государствами), развитию партнерских отношений на основе принципов и норм Устава ООН, построению системы международных отношений нового типа, в которой основными принципами будут равноправие, взаимовыгодное сотрудничество, обоюдный выигрыш⁵.

Идея формирования «сообщества общего будущего для всего человечества» была озвучена Си Цзиньпином на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2017 г., а также в его выступлении на XIX съезде КПК в октябре 2017 г., в котором председатель КНР заявил о построении «нового типа международных отношений», основанных на взаимной выгоде и обоюдном выигрыше⁶. Таким образом, идея «сообщества с общей судьбой» неоднократно отмечалась

руководством КНР, пройдя путь от концепции регионального (в отношениях со странами Азии) до концепции глобального уровня. Симптоматично, что инициативе «один пояс, один путь» отводится одно из центральных мест в построении «сообщества общего будущего для человечества». Таким образом, «сообщество общего будущего для человечества» для руководства страны — это начало «новой эры», важный шаг в процессе реформирования системы глобального управления, который служит подтверждением глобальных амбиций Китая.

Примечания

¹ *Портяков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 16.

² *Цвык А.В.* Эволюция внешнеполитических доктрин КНР (1950—1990-х гг.) // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2015. № 1. С. 53—59.

³ *Тавровский Ю.В.* Китайская мечта и ее составляющие // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/ideas/2015-12-04/5_ideas.html (дата обращения: 20.11.2017).

⁴ *Грачиков Е.Н.* Внешняя политика Китая: стратегии в контексте идентичности и глобальной перспективы // Международные отношения. 2015. № 3. С. 290—306.

⁵ Выступление председателя КНР Си Цзиньпина на саммитах ООН / Сайт Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zitbd/QQ13> (дата обращения: 20.11.2017).

⁶ The 'Community of Common Destiny' in Xi Jinping's New Era. The Diplomat. 25.10.2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/10/the-community-of-common-destiny-in-xi-jinpings-new-era> (дата обращения: 20.11.2017).

*Семенов Алексей Александрович,
младший научный сотрудник Центра политических исследований
и прогнозов Института Дальнего Востока РАН*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Аннотация. После прихода к власти Си Цзиньпина в китайском руководстве началась дискуссия о необходимости трансформации внешней политики страны. Новая стратегия внешней политики Китая начинает сильно отходить от традиционной концепции «*таогуан янхуэй*» (т. е. держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя) и заключается в принципе «*фэньфа ювэй*» (т. е. стремиться к достижениям, проявлять себя). В течение всей новейшей истории главной долгосрочной целью внешней политики Китая было восстановление статуса страны на международной арене, и теперь китайская дипломатия начинает проявлять более активные и лидерские качества и использовать весь спектр дипломатических методов для реализации целей внешней политики: от экономической дипломатии до «мягкой силы». Повестку внешней политики Си Цзиньпина можно охарактеризовать как попытку переписать нынешний геополитический ландшафт. Одним из примеров таких амбиций является развитие ШОС и инициативы «один пояс, один путь».

Ключевые слова: Китай, Си Цзиньпин, внешняя политика, «Экономический пояс Шелкового пути», Шанхайская организация сотрудничества.

После прихода к власти Си Цзиньпина в китайском руководстве началась дискуссия о необходимости трансформации внешней политики страны. На фоне растущего националистического дискурса

все больше экспертов высказывались за отказ от, по их мнению, устаревших концепций, которые больше не соответствовали возросшей силе Китая и изменениям в международной ситуации¹.

Усиление КНР привело к росту уверенности в себе на национальном уровне и вызвало широкое обсуждение неэффективности используемых ресурсов и возможностей, что, в конечном счете, привело к более активной и настойчивой внешней политике, направленной на увеличение глобальной роли Китая².

Новая китайская дипломатия начинает сильно отходить от традиционной концепции «*таогуан янхуэй*» (韬光养晦, т. е. держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя), сформулированной Дэн Сяопином. Оценивая реальные возможности Пекина в то время, Дэн считал, что Китай должен держаться в стороне от конфронтации, не пытаться брать на себя роль лидера, не заниматься решением чужих проблем, не присоединяться к конфликтующим фракциям, не вступать в альянсы и союзы даже с идеологически близкими странами.

Однако в течение всей новейшей истории главной долгосрочной целью внешней политики Китая было восстановление статуса страны на международной арене, и теперь китайская дипломатия начинает проявлять более активные и лидерские качества.

Новая внешнеполитическая стратегия заключается в принципе «*фэньфа ювэй*» (奋发有为, т. е. стремиться к достижениям, проявлять себя). Степень участия КНР в международной политике быстро растет. Пекин стремится улучшить имидж страны за рубежом и начинает использовать весь спектр дипломатических методов для реализации целей внешней политики: от экономической дипломатии и военных связей до «мягкой силы» и публичной дипломатии³.

Новая внешняя политика ориентирована на активное включение Китая во все глобальные процессы, а также на создание собственных интеграционных проектов.

Повестку внешней политики Си Цзиньпина можно охарактеризовать как попытку переписать нынешний геополитический ландшафт, конечная цель которой — привести Китай к тому же уровню, что и мировые державы, которые устанавливают правила игры. Одним из примеров таких амбиций является развитие Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и проектов «Шелкового пути».

Кроме того, Китай стал уделять больше внимания отношениям с Россией, рассматривая ее как важного партнера в Евразии, и сотрудничеству со странами Средней Азии.

Заложение основ ШОС в 1996 г. стало первой попыткой создания региональной организации со стороны Китая, которая сегодня превратилась в крупнейшую политическую, экономическую и военную организацию в Евразии. Однако развитие ШОС имеет ряд серьезных проблем, среди которых исламский фундаментализм, гипотетические варианты экономического поглощения части Евразии Китаем, а также конфликты интересов ключевых участников⁴.

У членов организации нет очевидных предпосылок к сотрудничеству. Объединяющим фактором является нежелание России и Китая, а также государств Средней Азии, принимать политику США в регионе. Члены ШОС имеют серьезные разногласия по политическим вопросам: между Индией и Пакистаном, между Индией и КНР, но самым серьезным для развития организации является расхождение экономических и политических интересов России и Китая.

Китай активно использует развитие сотрудничества в рамках ШОС для достижения своих целей. Пекин рассматривает ШОС как перспективный рынок сбыта и считает, что приоритеты ШОС должны распределяться поровну между антитеррористическим и экономическим направлениями, и в долгосрочной перспективе экономическая деятельность организации должна занять главенствующее положение. Россия, напротив, считает, что ШОС должна сохранять традиционное направление в сфере безопасности и противодействия терроризму, экстремизму и сепаратизму. Кроме того, Россия опасается установления экономической гегемонии Китая в Средней Азии, поскольку Москва не в состоянии соперничать с Пекином в этом вопросе ввиду серьезного экономического превосходства КНР.

Тем не менее, расширение возможностей ШОС и рост роли Китая внутри организации приводит к замене Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в экономической сфере и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в сфере региональной безопасности, что не отвечает интересам России, поскольку возглавляемые Китаем интеграционные проекты постепенно замещают российские.

Осенью 2013 г. во время визитов Си Цзиньпина в Индонезию и страны Средней Азии китайский лидер объявил об инициативе по созданию проекта «один пояс, один путь» (ОПОП), который состоит из двух основных компонентов: «Морского Шелкового пути XXI века» и сухопутного «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП).

Си выразил идею создания ОПОП как новой формы углубления сотрудничества между Китаем, государствами Средней Азии и Россией. Китайский лидер сформулировал программу действий из пяти пунктов: политическая координация, взаимосвязь инфраструктуры, либерализация торговли, свободное передвижение капитала и укрепление взаимопонимания между государствами посредством публичной дипломатии.

Предполагается, что инициатива ОПОП будет содействовать установлению устойчивых связей между азиатским, европейским и африканским континентами и их прилегающими морями, налаживанию и укреплению партнерских отношений между странами-участницами проекта, а также способствовать созданию универсальных многоуровневых и сложных связей и устойчивому развитию этих стран⁵. Это, в свою очередь, должно обеспечить новые рынки для КНР, а также создать для нее новую сферу влияния.

ЭПШП рассматривается как возможность содействовать экономическому развитию Средней Азии, что поможет стабилизировать этот регион. В результате это снизит политические риски и создаст возможности для углубления экономического сотрудничества со странами региона.

Тем не менее, реализация ЭПШП может стать новым этапом экономической экспансии Китая в Средней Азии. Китай уже начал развивать «мягкую силу» в этом направлении, расширяя сотрудничество в области образования: Пекин активно продвигает изучение китайского языка, чтобы смягчить языковые барьеры и активизировать сотрудничество.

Сначала Россия демонстрировала озабоченность относительно китайского проекта из-за растущих опасений, что интеграционные проекты под руководством Китая будут постепенно замещать российские, такие как ЕАЭС.

Однако 6 февраля 2014 г. во время беседы президента России Владимира Путина с Си Цзиньпином на зимних Олимпийских играх в Сочи председатель КНР пригласил Россию принять участие в разработке проекта ОПОП. Интересно, что китайский лидер пренебрег традицией своих предшественников не участвовать в крупных спортивных мероприятиях за пределами Китая ради этой встречи. Это был первый случай, когда китайский лидер посетил крупномасштабное зарубежное спортивное мероприятие. После этой встречи отношение России к ОПОП резко изменилось, и Путин пообещал поддерживать инициативу КНР⁶.

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути» от 8 мая 2015 г. стало важной вехой в истории двусторонних отношений между Россией и Китаем. Стратегия, объявленная Си Цзиньпином и Владимиром Путиным, оказалась шире, чем просто «подключение» ЕАЭС к ЭПШП⁷. В пункте, в котором излагаются шаги, которые Россия и Китай намерены предпринять для содействия региональному сотрудничеству, можно увидеть предварительный вариант концепции совместного развития в Евразии с учетом интересов континентальных держав. Этот список охватывает широкий круг вопросов: от совместного создания промышленных парков и трансграничного экономического сотрудничества до создания благоприятных условий для малого и среднего бизнеса. В евразийском регионе появляются условия для дальнейшего воплощения идеи о совместном развитии России, Китая и стран Средней Азии⁸.

Масштабы китайской инициативы «Шелкового пути» позволяют нам сказать, что экономическая политика КНР приобрела геополитический аспект как на региональном, так и на глобальном уровнях.

Однако перспективы реализации проекта на нынешнем этапе все еще не ясны. Для проекта есть две основные проблемы.

Первая — политические риски, связанные с проблемами международного терроризма в Средней Азии.

Вторая — это противоречие между стремлением Китая активно сотрудничать со своими соседями и очевидной тенденцией к более

жесткой позиции по территориальным спорам с некоторыми из них, что вызывает серьезные опасения в соседних государствах. Если Пекин продолжит продвигать идею «Шелкового пути», ему придется серьезно переосмыслить подходы к этим двум проблемам.

Страны Средней Азии, в том числе Казахстан (член возглавляемого Россией Евразийского таможенного союза), поддержали китайские проекты. Это было сделано для соблюдения баланса интересов между Москвой и Пекином и сохранения многовекторной политики.

При этом расширение российской военной инфраструктуры в регионе (в Таджикистане и Кыргызстане) не вызывает беспокойства Пекина, поскольку, во-первых, она обеспечивает региональную безопасность, во-вторых, она служит сдерживающим фактором для усиления влияния США, и, в-третьих, это снимает обвинения в геополитических устремлениях Пекина в глазах лидеров Средней Азии и повышает привлекательность Китая как ключевого инвестора в инфраструктурные и экономические проекты в регионе.

Однако существует вероятность, что дальнейшее расширение военно-политического потенциала Китая будет включать практику развертывания военных баз и объектов в различных регионах мира, включая Среднюю Азию, в целях защиты своих экономических интересов в регионе.

Важность евразийского направления для Китая значительно возросла в последние годы, в первую очередь в связи с проектами «Шелкового пути», которые постепенно становятся ключевыми внешнеполитическими проектами Си Цзиньпина.

Основными особенностями внешней политики Китая при Си Цзиньпине являются активная экономическая экспансия, расширение применения «мягкой силы» и готовность к конфронтации. Пекин начинает вести гораздо более активную дипломатию, чем раньше.

Китай стремится искать новые модели международного сотрудничества и глобального управления. Китайские лидеры заявляют, что страна заняла новое место в глобальной системе и что она приобретает новый уровень глобальной ответственности и новые сферы интересов.

Примечания

¹ Денисов И.Е. Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине // *Международная жизнь*. 2015. No. 5. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1253> (дата обращения: 20.11.2017).

² Blackwill, Robert D.; Campbell, Kurt M. Xi Jinping on the Global Stage: Chinese Foreign Policy Under a Powerful but Exposed Leader. Council on Foreign Relations' Special Report № 74. 2016. URL: <http://www.cfr.org/china/xi-jinping-global-stage/p37569> (дата обращения: 20.11.2017).

³ Ян Цземьянь. Чжань цзай синь цидянь дэ чжунго вайцзяо чжаньюэ тяочжэн : [Стратегическая адаптация внешней политики Китая в новой отправной точке] // *Гоцзи Чжаньван (Международное обозрение)*, No. 1. 2014. URL: http://en.sis.org.cn/shgjwt201512107417/UploadFiles/file/20161228/201401003_杨洁勉.pdf (дата обращения: 20.11.2017)

⁴ Лузянин С.Г. ШОС, китайский проект «Шелкового пути» и Евразийский экономический союз: варианты взаимодействия/сопряжения в Евразии // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. Т. 21. 2016. № 21. С. 78—84.

⁵ Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. National Development and Reform Commission of the PRC, 2015. URL: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html (дата обращения: 20.11.2017).

⁶ Li, Ziguo. Meetings between Xi and Putin boost China-Russia ties. China Network Television, 11 May, 2014. URL: <http://english.cntv.cn/2014/11/05/ART11415181746091225.shtml> (дата обращения: 20.11.2017).

⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути.

⁸ Российско-китайский диалог: модель 2016: доклад No 25/2016/ [С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам. М.: НП РСМД, 2016. С. 40.

*Кулинцев Юрий Викторович,
аспирант Центра изучения стратегических проблем
СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН*

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В АТР С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Аннотация. Рассмотрена попытка представить краткий обзор национальных интересов России и Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе на современном этапе. На основе анализа предпринимаемых Москвой и Пекином геополитических действий выявляются перспективные направления регионального сотрудничества двух стран на политическом уровне. Особое внимание уделено прогнозированию развития международной ситуации в АТР в контексте возможной конкуренции мировых держав за глобальное лидерство.

Ключевые слова: Китай, Россия, национальные интересы, Азиатско-Тихоокеанский регион, международные отношения.

Возможности взаимодействия на двусторонней и многосторонней основе в Азиатско-Тихоокеанском регионе для Москвы и Пекина определяются долгосрочными интересами двух стран. При этом характер взаимодействия стран региона оказывает непосредственное влияние на расстановку сил в АТР, поскольку регион представляет собой одну из важнейших геополитических и экономических зон, где переплетаются национальные интересы ведущих мировых держав.

На современном этапе российско-китайское сотрудничество в АТР характеризуется неравнозначностью экономических возможностей и затрачиваемых политических усилий. Китай занимает одно из ведущих мест в мире по размеру ВВП, по объему военного бюджета, по количеству патентов на изобретения, по показателям привлекаемых и отправляемых за рубеж инвестиций. Возможности России ограничиваются наличием мощного военного потенциала и значительной геополитической ролью, которую она играет на международной арене.

Начиная с 2010 г. Китай является ведущим торговым партнером России. К настоящему времени Пекин стал ведущим кредитором и одним из крупнейших инвесторов Москвы. А для Китая — Россия занимает 16-ю строчку в списке торговых партнеров, с достаточно низкой долей в товарообороте. Например, доля России в китайских инвестициях не превышает 3 %¹. Но, несмотря на относительно малый объем взаимной торговли (которая в 7—8 раз меньше объема торговли Китая с США), многие интересы двух стран в АТР пересекаются, а по большинству важнейших международных вопросов позиции Москвы и Пекина совпадают или очень близки, что делает возможным поиск взаимовыгодных стратегий и моделей совместного поведения.

Продолжающийся конфликт на Украине и санкции Запада подтолкнули Россию к сближению с Китаем, повышая вероятность того, что обе страны будут координировать свои действия на глобальной арене и в региональных вопросах. Однако санкции не стали первопричиной разворота России в Азию, который выразился в географической переориентации рынков сбыта, но они однозначно ускорили его в количественном и качественном выражении, сузив спектр торгово-экономических партнеров Москвы и условий для развития сотрудничества. В наиболее выигрышном положении в результате сложившейся ситуации оказался Китай, который получил выгодную возможность доступа к различным секторам российской экономики, особенно в богатой природными ресурсами азиатской части России. В то же время страны Запада лишили себя возможности осуществлять инвестиции в экономику России, тем самым значительно усилив стратегические позиции Китая в АТР.

Рассматривая нынешнюю внешнеполитическую деятельность России на восточном направлении, необходимо учитывать заявления высших политических руководителей, которые были сделаны в течение последних нескольких лет. Еще в 2011 г. лидеры России и Китая озвучили амбициозную цель — вывести товарооборот между двумя странами на уровень 200 млрд долл. к 2020 г.² В 2013 г. в Послании Федеральному Собранию президент России четко дал понять, что восточный вектор развития нашей страны является доминирующим не только на ближайшую, но и на отдаленную перспективу³. Введенные после событий на Украине 2014 г. ограничительные политические и экономические меры лишь стимулировали развитие нашего сотрудничества с Китаем, но никак не явились их первопричиной.

Китай является политическим и экономическим союзником России в АТР. Беспрецедентно высокая частота официальных двусторонних встреч лидеров России и Китая, (напомним, что в 2014 и 2015 гг. В. Путин и Си Цзиньпин провели 10 официальных встреч) продемонстрировала обоюдную заинтересованность стран друг в друге. Премьер Госсовета КНР назвал Китай и РФ стратегическими партнерами, отношения которых не зависят от международной политической обстановки⁴. Обе страны сближает общий взгляд на необходимость сохранения миропорядка, установленного после Второй мировой войны, в котором главенствующая роль принадлежит ООН. Из постоянных членов СБ ООН Китай единственный проявляет себя как надежный партнер, который занимает схожую позицию по важнейшим вопросам международной повестки.

В обновленной Концепции внешней политики РФ указано, что регион рассматривается «как стратегически важное направление своей внешней политики»⁵, но он идет не первым в списке приоритетов Москвы. Хотя в 2013 г. в послании президента РФ Федеральному Собранию было отмечено, что «разворот России к Тихому океану» и развитие Дальнего Востока являются «национальным приоритетом на весь XXI век»⁶.

На данный момент в России действует федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года»⁷, принят федеральный закон «О развитии Сибири и Дальнего Востока», созданы

«Территории опережающего социально-экономического развития» (ТОР)⁸, запущен льготный налоговый режим для резидентов свободного порта Владивосток⁹.

Но наиболее амбициозным российским проектом является выдвигание идеи создания Большого Евразийского партнерства, которое, с одной стороны, объединяет большинство существующих в АТР концепций развития, включая ЭПШП, ЕАЭС, ШОС, АСЕАН, с другой стороны — на момент своего выдвигания являлось своеобразным ответом на американскую инициативу ТТП.

Суммируя вышесказанное, можно отметить, что экономические интересы России в АТР заключаются в создании условий для долгосрочного экономического роста; во встраивании в региональные цепочки создания добавленной стоимости; в развитии инфраструктуры, обеспечивающей связность региона и более тесную интеграцию в него Сибири и Дальнего Востока; в выстраивании торговой архитектуры, максимально обеспечивающей участие России и ее партнеров по Евразийскому экономическому союзу в выработке новых правил международной торговли¹⁰. Геополитические интересы России в АТР сводятся к обеспечению безопасности своей территории и формированию бесконфликтной среды в непосредственной близости от собственных границ; борьбе с международным терроризмом, а также к недопущению развертывания в регионе систем ПРО, которые могут угрожать национальной безопасности РФ.

Стратегические цели Китая в АТР во многом схожи с российскими, но имеется и ряд специфических интересов, отличающихся от приоритетов Москвы. Эти отличия обусловлены положением Пекина, во-первых, как крупнейшей державы в регионе, непосредственно вовлеченной во многие конфликты, во-вторых, как гораздо более тесно интегрированного в региональную экономику игрока.

Китай является участником большинства территориальных споров в регионе, включая конфликтную ситуацию в Южно-Китайском море относительно островов в Парасельском архипелаге и архипелаге Спратли, спор с Японией в Восточно-Китайском море о принадлежности островов Дяюйдао/Сенкаку, не решены пограничные споры с Индией, кроме того, остается нерешенным «тайваньский вопрос».

Урегулирование этих территориальных конфликтов не относится к числу национальных приоритетов России. Москва стремится к поддержанию хороших отношений со всеми участниками споров, которые выступают для нее значимыми экономическими партнерами. Япония является важным торговым партнером и инвестором России; Вьетнам, Индонезия и Малайзия, участвующие в конфликте в ЮКМ, являются ключевыми партнерами в Азии для российских экспортных компаний. Собственные интересы в этих странах имеют «Росатом», «Газпром», «Роснефть», «Рособоронэкспорт».

Вместе с тем Россия крайне заинтересована в том, чтобы ни один из указанных конфликтов не привел к открытому военному противостоянию и полномасштабной войне в регионе с участием ядерных держав. Москва не сможет остаться в стороне, кроме того, активный военный конфликт сведет к нулю перспективы экономического развития Восточной Азии, которое рассматривается в качестве одного из драйверов роста всей экономики России, особенно Дальнего Востока.

Для Пекина АТР является важнейшим регионом в сфере его национальных интересов. Их реализация во внешней политике Пекина, как и во всех других сферах деятельности правительства Китая, осуществляется на основе сформулированного Дэн Сяопином принципа «переходить реку, ощупывая ногами камни», т. е. постепенное, осторожное движение вперед с постоянным анализом возможных последствий предпринимаемых действий.

Пятое поколение китайских лидеров во главе с Си Цзиньпином оказалось перед лицом вызовов, связанных с общим замедлением роста мировой экономики, возрастающей конкуренцией мировых держав в АТР и ухудшением внешнеполитических отношений с рядом соседних стран. Выход Китая на лидирующие позиции в международных торгово-экономических отношениях естественным образом привел к росту зависимости Пекина от импорта энергоносителей и от маршрутов морской торговли. В условиях усложнения характера многосторонних международных отношений, характеризующихся наличием большого числа факторов неопределенности, политическое руководство вынуждено было искать адекватную реакцию на новые вызовы экономической и внешнеполитической стабильности Китая как растущей державы.

При этом важно понимание того, что приоритетом у правительства Китая является внутренняя ситуация в стране, поэтому внешний мир должен не усугублять внутренние проблемы Китая, а лучше всего помогать их решать. На достижение этой цели направлены основополагающие принципы китайской дипломатии, которыми она руководствуется при реализации внешней политики.

Особенности мировоззрения и различия в менталитете обуславливают тот факт, что долгосрочные цели Китая в программных документах традиционно указываются в общих понятиях, поэтому требуются дополнительные экспертные комментарии, чтобы конкретизировать их в терминах, понятных западным экспертам.

В ходе XVIII съезда КПК в 2012 г. были заложены основы понятия «китайская мечта» и приняты «две 100-летние цели» — построить общество малого благоденствия и создать модернизированное социалистическое государство, достижение которых намечено на 2021 и 2049 гг. соответственно. К столетию КПК планируется удвоить показатели ВВП до 10 тыс. долл. на человека и сделать экономику Китая первой в мире, а также превзойти США по показателю ВВП на душу населения¹¹.

Поскольку Китай заявил о своих притязаниях на лидерство в глобальной экономике, следует ожидать рост конкуренции Пекина и Вашингтона в АТР. Однако нет оснований говорить о стремлении Китая любой ценой вытеснить США из АТР или о его желании создать китаецентричный торговый блок, который исключал бы участие США в сотрудничестве с другими странами региона. Наоборот, прошедший в сентябре 2017 г. в китайском Сямэне саммит БРИКС наглядно продемонстрировал, что Китай призывает все страны региона наращивать объемы взаимной торговли и играть более весомую роль в мировых делах.

К перспективным направлениям сотрудничества Москвы и Пекина, которое отвечает общим интересам, относится взаимодействие по решению северокорейского вопроса. Россия и Китай являются странами, которые способны оказать реальное экономическое давление на КНДР, поскольку они единственные поставщики энергоресурсов в страну и ведущие торговые партнеры для нее. При этом, ракетная программа КНДР дает повод для развертывания сис-

темы ПРО в Южной Корее, что вызывает обоснованное беспокойство как в Китае, так и в России.

Ситуация в ЮКМ также открывает пространство для взаимодействия двух стран. Россия поддержала китайское решение не участвовать в работе Гаагского трибунала. Но у России имеются свои мотивы, связанные с тем, что Украина может пытаться, используя конвенцию ООН по международному морскому праву, подать иск против России в тот же трибунал и доказать свои притязания на Крым.

Еще одним перспективным направлением совместного сотрудничества является выработка новых форматов экономического взаимодействия. Россия и Китай в целом поддерживают идею свободной торговли, это общий интерес. Создание зон свободной торговли (ЗСТ) является одной из конечных целей ШОС и приветствуется в рамках ЕАЭС. Первое соглашение о ЗСТ уже подписано с Вьетнамом.

Всестороннее развитие отношений с Китаем — одно из основных внешнеполитических приоритетов России. За последние 20 лет они вышли на совершенно новый уровень и характеризуются как *всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие*¹².

Сформирована прочная договорно-правовая база, охватывающая практически все области двустороннего взаимодействия. Эффективно функционирует многоуровневый механизм доверительно-политического диалога, проводятся заседания четырех межправительственных комиссий, налажено взаимодействие по линии Администрации Президента России и Аппарата ЦК КПК, на системной основе осуществляются межпарламентские обмены, регулярно проходят совместные военные и военно-морские учения.

Тесная координация усилий во внешнеполитической сфере является важной составной частью российско-китайского стратегического взаимодействия. Выход на беспрецедентно высокий уровень взаимного доверия позволил открыть новые возможности для диалога по широкому кругу актуальных проблем и сформировать общую повестку по целому ряду глобальных и региональных вопросов, включая такие сферы, как развитие институтов глобального управления и обеспечение безопасности в АТР.

Отсутствие геополитических противоречий, то, что обе страны не рассматривают друг друга как соперников и конкурентов, от которых исходит потенциальная стратегическая угроза, растущие двусторонние экономические и торговые связи, участие в совместных интеграционных проектах — факторы, которые являются основой взаимовыгодного сотрудничества и объективно будут и в будущем способствовать сближению двух стран.

Примечания

¹ Российско-китайский диалог: модель 2017: доклад № 33/2017 / [С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017. 167 с.

² Пресс-конференция президента России Д.Медведева и председателя КНР Ху Цзиньтао // Официальный сайт Президента России. 16.06.2011. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/11594> (дата обращения: 10.11.2017).

³ Усс А. Разворот на Восток // Независимая газета. 12.02.2015. URL: http://www.ng.ru/ideas/2014-02-12/5_east.html (дата обращения: 10.11.2017).

⁴ Пресс-конференция Премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна по итогам сессии ВСНП в Пекине // МИА «Россия сегодня». 16.03.2016. URL: http://ria.ru/tv_politics/20160316/1391076738.html#ixzz43dsdgcJS (дата обращения: 10.11.2017).

⁵ Концепция внешней политики РФ (от 30 ноября 2016 г.) // МИД РФ. 01.12.2016. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 10.11.2017).

⁶ Послание президента РФ В. Путина Федеральному Собранию // Российская газета. № 6258 (282). 13.12.2013. URL: <https://rg.ru/2013/12/12/poslanie.html> (дата обращения: 10.11.2017).

⁷ Министерство РФ по развитию Дальнего Востока. URL: <http://minvostokrazvitiya.ru/upload/iblock/75a/DVBR2025.pdf> (дата обращения: 10.11.2017).

⁸ Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ» // Государственная система правовой информации. ФЗ-473 от 29.12.2014. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201412290024> (дата обращения: 10.11.2017).

⁹ Свободный порт Владивосток. Министерство РФ по развитию Дальнего Востока. URL: <https://minvr.ru/activity/svobodnyy-port-vladivostok/> (дата обращения: 10.11.2017).

¹⁰ *Габуев А.* Интересы России и Китая в Северо-Восточной и Южной Азии // Вторая международная конференция «Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений». Москва, 30—31 мая 2016 г. С. 21—22.

¹¹ *Мозжухин А.* Китай и Россия в XXI веке // Лента.ру. 08.06.2015. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/06/08/china/> (дата обращения: 10.11.2017).

¹² Формулировка закреплена в Совместном заявлении РФ и КНР по итогам официального визита Си Цзиньпин в Москву 8—10 мая 2015. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4969> (дата обращения: 10.11.2017).

*Балданова Раджана Александровна,
аспирант Института стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова*

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Аннотация. Рассмотрены основные тенденции современной иммиграционной политики Китая — трансформация Китая в глобальном миграционном порядке, борьба с нелегальной миграцией, политика по отношению к зарубежным китайцам, привлечение международных специалистов, отношение к беженцам, проблемы миграционного законодательства.

Ключевые слова: иммиграционная политика, нелегальная миграция, зарубежные китайцы, высококлассные специалисты в Китае, беженцы в Китае, миграционное законодательство.

Учитывая долгий период закрытости границ, предшествовавший эпохе реформ, Китай прошел длинный путь от полной изоляции своих граждан от внешнего мира до высокой степени передвижения через границы в настоящее время. Место Китая в глобальном миграционном порядке было преобразовано за три десятилетия стремительного экономического развития. Политика реформ и открытости страны, начатая в 1978 г., ускорила китайскую эмиграцию и внутреннюю миграцию в сторону индустриально развитого побережья. Хотя эти тенденции остаются актуальными, наметился еще один тренд: все большее число иностранцев направляется в Китай.

Категории приезжающих иммигрантов в Китай чрезвычайно разнообразны. Благодаря устойчивой экономике, гостеприимству университетов и низким ценам на проживание, страна начала привлекать людей со всех уголков мира. А относительно мягкая визовая политика позволила въезд мигрантам из разных стран. Однако принятие нового законодательства в 2012 г. ознаменовало собой шаг к ожесточению иммиграционного контроля.

О миграции в Китай

В течение почти трех десятилетий миграция в Китай регулировалась Законом об управлении въездом и выездом иностранцев 1985 г. Несмотря на то что Китай в значительной степени известен как страна эмиграции, с момента принятия закона количество иностранных визитов (долгосрочных и краткосрочных) увеличилось в 35 раз, включая количество туристов, студентов и деловых путешественников. В 2010 г., согласно проведенной национальной переписи, первой зарегистрировавшей число иммигрантов-резидентов, в Китае проживало около 594 тыс. иммигрантов. В основном это были выходцы из КНДР, Японии, Мьянмы и Вьетнама. Но даже при активном росте иммиграции, это капля в море в стране с населением 1,379 млрд¹.

Экономические выгоды от иммиграции в Китай неоспоримы. Иностранные бизнесмены помогают производству из экспортно-ориентированного производственного сектора выйти на рынки за рубежом. Туристы стали важным источником дохода. Зарубежные студенческие сборы вносят существенный вклад в бюджеты китайских университетов. Международный имидж Китая повышается благодаря содействию иностранных высококвалифицированных рабочих кадров.

Но в то же время социальные последствия иммиграции стали общественным и политическим источником беспокойства. В 1990-х гг. беспокойство о «некачественных» мигрантах, не способствовавших модернизации Китая, в основном было сосредоточено на крупномасштабной нерегулярной иммиграции из КНДР и Вьетнама. Однако, несмотря на экономический кризис 2008 г., поразивший боль-

шую часть земного шара, беспокойство стали приносить мигранты со всего мира, включая Европу и Северную Америку. Относительно недавние протесты и беспорядки африканских мигрантов в Китае также способствовали появлению страха перед иммиграцией как угрозы социальной стабильности. В крупных городах Китая начались громкие официальные компании по борьбе с «незаконными мигрантами».

Первые попытки

В 2004 г. Министерство общественной безопасности создало рабочую группу для пересмотра миграционного законодательства 1985 г. Перед группой поставили задачу найти баланс между необходимостью содействия экономическому развитию, защитой национальной безопасности и социальной стабильности. Внедрение всеобъемлющего миграционного законодательства считалось частью общеполитических реформ по созданию «социалистической правовой системы с китайской спецификой».

В результате восьмилетнего процесса в июне 2012 г. ПК ВСНП принял новый Закон об управлении въездом и выездом², который вступил в силу на следующий год. Его первая статья воплощает идею поиска баланса между минусами и плюсами от иммиграции: «Настоящий Закон принят в целях нормативно-правового регулирования въезда и выезда, охраны суверенитета, безопасности и общественного порядка Китайской Народной Республики, содействия внешнему обмену и внешней открытости».

Борьба с тремя нелегальностями

Одна из целей закона — борьба с незаконным въездом, проживанием или работой в Китае — так называемыми «тремя нелегальностями». Закон ужесточил наказания за нарушение миграционного законодательства. Штраф за просрочку визы раньше стоил 5000 юаней, а сейчас удвоен до 10 000. Нарушитель также может быть задержан на срок от 5—15 дней (ранее срок составлял 3—10 дней). При наличии отягчающих обстоятельств такой срок может быть увеличен

до 60 дней. Однако обращение с мигрантами на практике не всегда соответствует этим положениям.

Закон также привлекает к ответственности тех, кто оказывает помощь несанкционированным мигрантам. Штраф может взиматься с лиц, предоставляющих фальшивую документацию, либо с работодателей, нанимающих нелегалов. Согласно ст. 45, любой, кто знает иностранцев, которые пребывают, проживают или работают на нелегальном основании в Китае, должен уведомить местное бюро общественной безопасности. Некоторые местные органы власти пошли дальше в мотивировании граждан в борьбе с «тремя нелегальностями», выплачивая вознаграждение осведомителям.

Некоторые методы, используемые для контроля иностранцев, изначально были предназначены для управления собственным населением, например, система регистрации домашних хозяйств (*хукоу*). Иностранцы должны зарегистрировать арендуемое жилье в местном полицейском участке в течение 24 ч с момента прибытия. Таким образом, местные власти располагают информацией о том, где живут иностранцы, и когда истекает срок действия их визы. Правительство контролирует расселение иностранцев путем отказа регистрировать проживание иностранцев в определенных районах³.

Решение китайского правительства поставить задачу перед работодателями, арендодателями и широкой общественностью контролировать миграционный статус иностранцев представляет собой де-факто децентрализацию миграционного законодательства.

Привлечение зарубежных китайцев

Хотя общая тенденция заключается в более строгом контроле, Закон 2012 г. облегчает въезд и пребывание некоторых групп в Китае⁴. Некоторые аспекты нового закона направлены на укрепление связей с китайцами, рожденных на территории Китая и уехавших в свое время, и с этническими китайцами, проживающими в других странах. Многие из этих диаспор обладают навыками, необходимыми Китаю для обновления его экономики. Поэтому закон расширил права этнических китайцев на покупку недвижимости и

позволил пользоваться социальными, медицинскими и образовательными услугами. Кроме того, были введены две новые категории виз (Q1 и Q2) для визита родственников.

Привлечение международных специалистов

Одной из долгосрочных целей Китая является привлечение квалифицированных иностранцев. Закон 2012 г. ввел новую категорию виз для облегчения въезда специалистов. Тем не менее, нет унифицированных процедур или квалификационных критериев, и в настоящее время виза выдается в зависимости от индивидуальной ситуации. Рабочие визы предназначены для специалистов в отраслях с профессиональным дефицитом. Не ясно, сохранится ли такое в будущем, учитывая, что огромное количество выпускников китайских университетов не может найти работу по специальности.

Беженцы в Китае

Хотя Китай ратифицировал конвенцию о статусе беженцев 1951 г. и Протокол 1967 г., в Законе о регулировании въезда и выезда 1985 г. не упоминалось о праве подавать ходатайство о предоставлении убежища. Закон об управлении въездом и выездом 2012 г. включает положения о том, что иностранный гражданин, обращающийся за получением статуса беженца, в период проведения проверки вправе пребывать на территории КНР на основании временного удостоверения личности, выданного органом общественной безопасности.

Другие проблемы

Среди несанкционированных мигрантов в Китае — жертвы торговли людьми. Во многих африканских странах крайне низкая осведомленность о жизни в Китае. Торговцы людьми используют это невежество, чтобы побудить женщин, особенно выходцев из Восточной Африки, отправиться в Китай на заработок. В Китае такие женщины

зачастую подвергаются долговой кабале, принудительной проституции и лишению свободы. Китайское правительство ратифицировало Протокол ООН о пресечении торговли людьми 2009 г. Однако в Законе 2012 г. не включены положения о жертвах торговли людьми.

Закон 2012 г. был создан с целью обеспечения более согласованного управления миграцией, но все задачи решаются по-разному по всей стране. Это, отчасти, объясняется непоследовательными и расплывчатыми формулировками в законе. Структуры государственного финансирования препятствуют единому исполнению миграционного законодательства. Местные органы власти финансируют полицейские департаменты, отвечающие за повседневное соблюдение миграционной политики. С размытыми национальными и провинциальными пунктами закона полиция следует указаниям местных властей со своими политическими приоритетами.

Примером может служить г. Гуанчжоу. В то время как Гуанчжоу и соседний район Фошань работают по тем же национальным и провинциальным правилам, их осуществление законодательства сильно отличается. Нелегальные мигранты начали переезжать из Гуанчжоу в Фошань, чтобы избежать строгого контроля действия виз и регистрации жилья в Гуанчжоу, поскольку полиция Фошань славится своей лояльностью в обращении с иностранцами. Но, в конечном итоге, административное и социальное бремя, возложенное на Фошань в результате притока несанкционированных мигрантов, привело к более строгим методам визовых проверок, аренды жилья и т. д.

С момента вступления в силу Закона 2012 г. до сих пор сложно оценить последствия его применения на практике. Напоминаю в некоторых случаях западные стандарты, законодательство 2012 г. также отличается китайской спецификой в части его содержания и способов осуществления. Самое главное — это предоставление широких полномочий на местном уровне, где политики, а также сотрудники правоохранительных органов подвержены влиянию общественного мнения. В настоящее время растет недовольство иммиграцией в обществе, из-за чего многим иностранцам становится все труднее въезжать и пребывать в Китае. Будет ли Китай проводить сдерживающую политику по отношению к мигрантам, считающимся нежелательными, а также поддерживать благоприятную среду для тех, кто считается наоборот желательными, еще предстоит выяснить.

Примечания

¹ National Bureau of Statistics of China. 2011. Major Figures on Residents from Hong Kong, Macao and Taiwan and Foreigners Covered by 2010 Population Census. Press release, April 29, 2011. URL: http://www.stats.gov.cn/english/NewsEvents/201104/t20110429_26451.html (дата обращения: 12.06.2017).

² Zhonghua renmin gongheguo churujing guanlifa (Закона КНР «Об управлении въездом и выездом») от 30.06.2012 г. // Zhongyang zhengfu wangzhan. URL: http://www.gov.cn/flfg/2012-06/30/content_2174944.htm (дата обращения: 12.06.2017).

³ Синь Чуньин, Хуан Вэй. Zhonghua renmin gongheguo churujing guanlifa jiedu // Анализ Закона КНР об управлении въездом и выездом (30.06.2012). Китайское юридическое издательство, 2012.

⁴ Chodorow, Gary. 2014. FAQ: China's New Visa Law. URL: <http://lawandborder.com/faq-new-china-visa-law/> (дата обращения: 12.06.2017).

*Игнатов Александр Александрович,
младший научный сотрудник Центра исследований
международных институтов Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

КНР, РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ И ЯПОНИЯ В «ГРУППЕ ДВАДЦАТИ»: ИНТЕРЕСЫ И ПРИОРИТЕТЫ

Аннотация. На сегодняшний день «Группа двадцати» признается одной из ведущих переговорных площадок, объединяющей 20 крупнейших экономик мира. В силу структурных особенностей, в частности, отсутствия постоянного Секретариата, повестка работы ежегодного форума лидеров и министров стран-участниц во многом определяется страной-председателем объединения. Ведущие страны Северо-Восточной Азии — Китай, Южная Корея и Япония являются членами «Группы двадцати». Южная Корея и Китай принимали на своей территории саммиты объединения в 2010 и 2016 гг.; ожидается, что Япония станет страной-председателем «Группы двадцати» в 2019 г. Анализ повестки работы предыдущих саммитов, а также прогноз национального развития Японии позволяют сделать предположение относительно приоритетов будущего председательства.

Настоящий доклад посвящен анализу итогов председательства Южной Кореи и Китая в «Группе двадцати», а также определению

наиболее вероятных приоритетов Японии в качестве будущей страны-председателя объединения.

Ключевые слова: «Группа двадцати», Южная Корея, Китай, Япония.

«Группа двадцати» как форум для обсуждения вопросов глобального управления в различных сферах представителями ведущих развитых и развивающихся стран берёт своё начало в 1999 г. Изначально повестка многостороннего обсуждения на уровне профильных министров включала преимущественно вопросы поддержания макроэкономического роста, финансовой стабильности и преодоления долгосрочных последствий азиатского экономического кризиса 1997 г. В 2008 г. формат министерских встреч был дополнен форумом лидеров стран-участниц, что превратило «Группу двадцати» в одну из наиболее авторитетных дискуссионных площадок. Повестка обсуждения и характер принимаемых по итогам встреч решений также претерпели значительные изменения и на сегодняшний день включают в себя широкий круг вопросов, среди которых развитие электронной торговли, проблема статуса беженцев и др.¹ В силу особенностей организационной структуры «Группы двадцати», а именно отсутствия постоянного Секретариата, наибольшее влияние на повестку обсуждения и принимаемые решения оказывает страна-председатель объединения, на территории которой, как правило, проходят наиболее важные министерские встречи, форум лидеров стран-участниц «Группы двадцати», а также встречи в формате outreach: «Гражданская двадцатка», «Деловая двадцатка», «Женская двадцатка», «Научная двадцатка» и др. Среди достижений «Группы двадцати» — существенное увеличение ресурсов МВФ (до 750 млрд долл.), создание Совета финансовой стабильности, решение о перераспределении квот МВФ в пользу стран с формирующейся рыночной экономикой².

Ведущие страны Северо-Восточной Азии — Китай, Южная Корея и Япония являются членами «Группы двадцати». Южная Корея и Китай принимали на своей территории саммит объединения в 2010 и 2016 г. соответственно. Япония, в отличие от Китая и Южной Кореи, до сих пор не принимала на своей территории саммит «Группы двадцати». Ожидается, что Япония станет председателем

«Группы двадцати» в 2019 г., в связи с чем возникает вопрос о предполагаемых приоритетах председательства страны в контексте собственных приоритетов национального развития, прогнозируемых международных процессов, а также дискуссии внутри самой «Группы двадцати».

Республика Корея стала первой страной, не являющейся членом «Группы семи» (G7), которая приняла на себя роль председателя «Группы двадцати» и провела саммит объединения на своей территории. Сеульский саммит 2010 г. проходил в сложных условиях, когда последствия глобального экономического кризиса, который привел к сильнейшей рецессии со времен Великой депрессии, все ещё были достаточно ощутимы в ряде регионов планеты. Лозунгом саммита стал «Shared growth beyond crisis» — «Совместный рост вопреки кризису»; основными темами саммита стали монетарная и фискальная политика, торговля и развитие, финансовые и структурные реформы экономик стран-членов объединения.

В общем массиве документов, принятых в ходе председательства Республики Корея в «Группе двадцати», наибольшее внимание было уделено вопросам финансового регулирования (51,92 %); приблизительно одинаковая доля приходится на общие вопросы экономического развития (19,76 %) и содействия международному развитию (19,13 %). Следует отметить, что в ходе последующих саммитов доля вопросов финансового регулирования продолжала снижаться и на саммите в Гамбурге (2017 г.) достигла своего минимума (7,02 %), а доля двух последних категорий, напротив, значительно возросла.

Председательство Южной Кореи в «Группе двадцати» в плане распределения функций продемонстрировало большую склонность стран-участниц принимать конкретные решения (функция «decision making», 25,57 %) и обсуждать вопросы долгосрочного развития (функция «direction setting», 26,44 %). В то же время доля функции «deliberation», т. е. обсуждения тех или иных вопросов, не сопровождающегося принятием определенных решений, достигла одного из самых низких значений за все время проведения саммитов объединения (4,16 %)³.

Страны «Группы двадцати» по итогам саммита приняли 153 обязательства, что несколько ниже среднего показателя всех сам-

митов объединения (194). Характер обязательств, принятых в Сеуле, обусловлен влиянием мирового экономического кризиса. Участники договорились осуществлять совместные действия в интересах обеспечения непрерывного восстановления и устойчивого роста, укрепления стабильности финансовых рынков; расширения финансовой и технической поддержки в отношении развивающихся стран; внедрения новых стандартов ликвидности в банковском секторе; наращивания инвестиций в инфраструктуру для устранения препятствий экономическому росту. Ряд решений был принят в сфере содействия развитию многосторонних банков развития, модернизации системы управления МВФ, реформирования рынка труда в интересах создания новых рабочих мест, повышения занятости и развития человеческого капитала, повышения производительности труда⁴.

Сбор и последующий анализ данных о действиях стран-членов «Группы двадцати», соответствующих принятым в ходе саммита обязательствам, выявили наибольшие показатели в таких сферах, как инфраструктурное развитие, бюджетная политика, развитие «чистых» источников энергии (средний уровень исполнения — 86 %); средние результаты были достигнуты в вопросах укрепления финансовой стабильности и содействия международному развитию (уровень исполнения варьируется от 45 до 75 %)⁵.

Китай принял эстафету председательства в 2016 году в условиях снижения темпов экономического роста, вызванного недостаточным уровнем инвестиционной активности, что нашло своё отражение в приоритетах национального развития страны (13-й пятилетний план на 2016—2020 гг.), где целевой показатель роста ВВП был зафиксирован на уровне 6,5 % в год, т. е. ниже целевого показателя предыдущих периодов. Содержательно пятилетний план выделяется ориентацией на инновационное развитие, «зеленые» стандарты, экономическую открытость, что оказало влияние на приоритеты работы саммита «Группы двадцати» в г. Ханчжоу. Лозунг саммита был сформулирован как «За стабильное развитие мировой экономики»; темой саммита стало совместное движение стран мира «навстречу инновационной, сильной, взаимосвязанной и инклюзивной мировой экономике» («Towards innovative, invigorated, interconnected and inclusive world economy»)⁶.

Анализ распределения функций в документах, принятых за время председательства Китая в «Группе двадцати», продемонстрировал определенную схожесть с итогами южнокорейского председательства: принятые документы были в значительной степени посвящены формулированию конкретных решений (функция «decision making», 24,07 %) и обсуждению долгосрочной политики (функция «direction setting», 35,94 %); доля обсуждения без принятия решений достигла отметки 18,49 %, что в целом ниже среднего показателя всех саммитов «Группы двадцати» (20,49 %).

Члены «Группы двадцати» приняли в Ханчжоу 135 конкретных решений по вопросам макроэкономической политики, инновационного развития, технологического обмена, реформ финансового сектора (стандарт Базель III), требования к совокупной способности глобально системно значимых банков поглощать убытки (TLAC), налогового сотрудничества и противодействия BEPS (Base Erosion and Profits Shifting), противодействия коррупции, повышения энергоэффективности, дальнейшему снятию торговых барьеров.

Контент-анализ документов саммита свидетельствует о существенном росте внимания к вопросам инновационной политики, содействия развитию и торговых отношений в общем дискурсе. Имеющиеся исследования⁷ показывают, что доля обсуждения вопросов инновационного развития возросла в 10 раз (приблизительно до 7 %); обсуждение вопросов содействия развитию практически достигло показателя 43 % при среднем уровне 15 %, характерного для предыдущих саммитов; доля вопросов торговли составила 7,3 % при среднем показателе 2,8 %; средний показатель обсуждения вопросов окружающей среды также превысил среднее значение (2,2 против 1,42 %).

Участники саммита в Ханчжоу провели активную работу в формате outreach. На полях саммита состоялись встречи «Деловой двадцатки», «Трудовой двадцатки», встречи министров труда и финансов. Усилилось взаимодействие с международными организациями, к которым участники саммита обратились за экспертной поддержкой — одним из итогов подобного взаимодействия стал доклад Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по вопросам цифровой трансформации национальных экономик и рисками, связанными с этим процессом⁸. По поручению стран «Группы

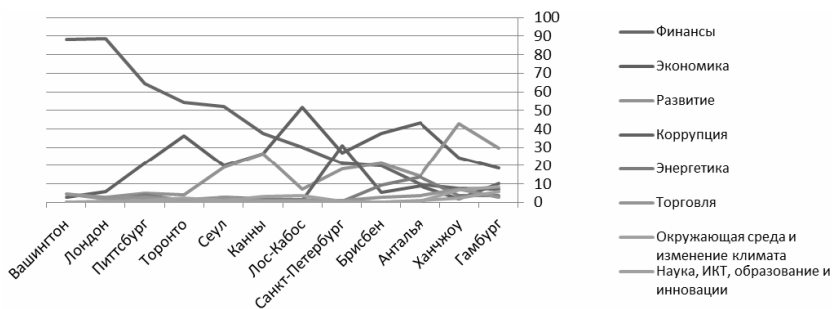
двадцати» свои доклады также представили Международный валютный фонд, Совет финансовой стабильности, Всемирный банк, Международная организация труда, Всемирная торговая организация, специализированные органы ООН, Базельский комитет по финансовому надзору.

По итогам саммита в Ханчжоу странами-членами «Группы двадцати» был достигнут наиболее высокий к настоящему моменту средний уровень исполнения обязательств — 80 %. Отдельные обязательства, такие как улучшение качества корпоративного управления и содействие распространению знаний и технологий, были выполнены в полном объеме; высокий уровень исполнения был достигнут в вопросах содействия макроэкономическому росту (88 %), противодействия финансированию террористической активности (90 %), содействия достижению Целей устойчивого развития 2030 г. (93 %); средние результаты были достигнуты в сфере развития эффективной энергетики (78 %), достижения гендерного равенства в вопросах трудоустройства (63 %), смягчения последствий изменения климата (73 %), борьбы с протекционизмом (65 %). Наихудший результат (10 %) был зафиксирован в обязательстве о постепенном отказе от использования неэффективных ископаемых источников энергии⁹.

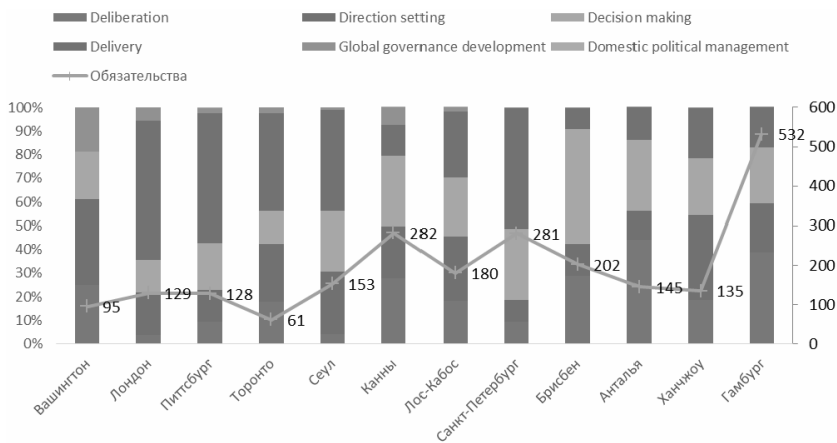
В отличие от Южной Кореи и Китая, Япония до сих пор не принимала на своей территории саммит «Группы двадцати», в связи с чем список вероятных приоритетов страны на срок председательства в объединении носит гипотетический, оценочный характер и во многом основывается на анализе прогнозируемых показателей национального развития, а также опыта обсуждения, принятия и исполнения решений предыдущих саммитов объединения. Ожидается, что Япония получит статус страны-председателя «Группы двадцати» в 2019 г.; тогда же будут объявлены официальные приоритеты председательства.

Согласно прогнозу долгосрочного глобального экономического развития, подготовленному PwC¹⁰, многие экономически развитые страны, в том числе Японию, ожидает период сдержанного экономического роста — в случае Японии этот показатель ограничивается 1—2 % ежегодно. Ещё одним определяющим трендом развития Японии может стать постепенное снижение показателя естественного

роста населения. Важным фактором, сдерживающим долгосрочный экономический рост, является показатель государственного долга, который в случае Японии не потеряет своей актуальности; ожидается снижение притока инвестиций в японскую экономику. Предполагается, что прежние экономические гиганты уступят свои позиции новым быстрорастущим экономикам, таким, как Индонезия, Иран и Нигерия, для которых станут актуальными вопросы структурной

Приложение 1. Динамика распределения решений «Группы двадцати» по ключевым сферам

Приложение 2. Динамика распределения функций и количество обязательств в документах саммитов «Группы двадцати»

перестройки национального хозяйства в соответствии с глобальными трендами и достижениями технического развития.

Можно предположить, что в повестку японского председательства в «Группе двадцати» войдут темы, продиктованные как данными прогноза долгосрочного экономического развития, так и традиционные для «Группы двадцати» вопросы. Приоритетами председательства Японии в «Группе двадцати» могут стать содействие макроэкономическому росту, привлечению инвестиций, улучшения качества бюджетной политики, наращивания эффективности энергетического сектора, борьбы с протекционизмом и поддержка технологического обмена. Кроме того, Япония, будучи одной из ведущих стран мира по абсолютному показателю финансовой помощи, выделяемой на цели международного развития (более 9 млрд долл. США по итогам 2016 г.)¹¹, может выдвинуть содействие развитию в качестве приоритета работы «Группы двадцати».

Примечания

¹ Приложение 1. Динамика распределения решений «Группы двадцати» по ключевым сферам.

² *Ларионова М.В.* Россия в «Группе двадцати»: факторы успеха и задачи на будущее. // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения», 2017. Т. 17. № 2. С. 349—371.

³ Приложение 2. Динамика распределения функций и количество обязательств в документах саммитов «Группы двадцати».

⁴ Декларация саммита «Группы двадцати» в Сеуле 12 ноября 2010 г.

⁵ 2010 Seoul G20 Summit Final Compliance Report, 13 November 2011. URL: <http://www.ranepa.ru/images/media/g20/analytics/2010seoul-final-all.pdf> (дата обращения: 22.11.2017).

⁶ G20 Summit 2016, China. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2016/151201-xi-en.pdf> (дата обращения: 22.11.2017).

⁷ *Ларионова М.В., Колмар О.И.* Ханчжоуский консенсус: наследие для Китая, «Группы двадцати» и мира // Вестник международных организаций (в печати).

⁸ Key Issues for Digital Transformation in the G20, OECD. URL: <https://www.oecd.org/g20/key-issues-for-digital-transformation-in-the-g20.pdf> (дата обращения: 22.11.2017).

⁹ Draft — 2016 G20 Hangzhou Summit Final Compliance Report, 6 September 2016 to 25 May 2017. URL: [http://www.ranepa.ru/images/media/g20/analytics/2016-DRAFT-hangzhou-compliance%20\(1\).pdf](http://www.ranepa.ru/images/media/g20/analytics/2016-DRAFT-hangzhou-compliance%20(1).pdf) (дата обращения: 22.11.2017).

¹⁰ The Long View. How will the global economic order change by 2050? URL: <https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-the-world-in-2050-full-report-feb-2017.pdf> (дата обращения: 22.11.2017).

¹¹ OECD statistics. URL: <https://data.oecd.org/oda/net-oda.htm> (дата обращения: 22.11.2017).

*Дьячков Илья Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры японского,
корейского, индонезийского и монгольского языков
МГИМО (У) МИД России*

ЯДЕРНАЯ ПРОБЛЕМА КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА В 2017 г.: ПОЛИТИКА И ТЕХНОЛОГИИ*

Аннотация. В 2017 г. существенно обострилось противостояние КНДР и США по ядерной и ракетной проблематике. Немалое беспокойство вызывают взаимный обмен угрозами между Вашингтоном и Пхеньяном, а также общий тон их общения. Несмотря на обострение проблемы, сейчас реальная степень развития северокорейской ракетной и ядерной программы уже почти не важна. Неопределенность оказывается удобной как для американских, так и для северокорейских политиков.

Нынешние события хорошо показывают, насколько опасна и ненормальна сложившаяся ситуация. Страны региона становятся заложниками затеянной Пхеньяном и Вашингтоном проверки прочности нервов. Именно поэтому исключительно своевременными и остро востребованными являются российско-китайские предложения, изложенные в совместном заявлении министерств иностранных дел двух стран от 4 июля 2017 г. Не менее остро стоит вопрос о построении в регионе системы мира и безопасности в соответствии с решениями шестисторонних переговоров. Это позво-

---

* Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 16-03-00602.

лило бы заинтересованным сторонам, во-первых, контролировать свою и общую безопасность, во-вторых, начинать и поддерживать переговоры без рискованных предварительных проверок оппонента на прочность, в-третьих, гарантировать устойчивость урегулирования посредством многостороннего одобрения решений.

Ключевые слова: безопасность, КНДР, США, ядерная проблема Корейского полуострова, ядерное нераспространение, шестисторонние переговоры.

По справедливому наблюдению Г.Д. Толорая, регулярные обострения ситуации вокруг Корейского полуострова доказывают одно: какой бы плохой ситуация ни казалась, все может стать еще хуже.

В 2017 г. противостояние Северной Кореи и США по ядерной и ракетной проблематике существенно обострилось. Проведенные КНДР летом 2017 г. ракетные пуски, часть из которых, по словам Пхеньяна, были испытанием межконтинентальной баллистической ракеты, шестое ядерное испытание в сентябре и резкая реакция Вашингтона на эти мероприятия создали крайне напряженную ситуацию. Обе стороны регулярно обмениваются взаимными выпадами, угрозами и всячески демонстрируют друг другу и миру военную мощь и решительность.

Администрацию Барака Обамы регулярно (и справедливо) критиковали за политику «стратегического терпения» — игнорирования Пхеньяна после провала «високосной сделки» с ним в 2012 г.¹ Дональд Трамп же еще в ходе предвыборной кампании дал понять, что корейский вопрос станет одним из основных для его внешней политики. Однако пока его действия на данном направлении трудно назвать конструктивными.

Некоторые специалисты считают, что крепкие заявления американского лидера в социальных сетях и демонстрации силы США есть своего рода симметричный и стилистически идентичный ответ Белого дома на цветистую риторику и военно-политические акции КНДР². Но если такое поведение Пхеньяна за полвека стало привычным, новый стиль работы Вашингтона одинаково нервирует как партнеров, так и оппонентов США.

Основным поводом для обращения администрации Д. Трампа к корейскому вопросу стала перспектива создания в КНДР межконтин-

нентальной баллистической ракеты (МБР), способной «достать» основную территорию США. Предполагается, что такая ракета будет нести ядерный заряд, но, несмотря на все успехи северокорейских инженеров, пока о достижении ими этого уровня говорить трудно. Такие не отработанные в должной мере на испытаниях «мелочи», как точность наведения, термоизоляция корпуса ракеты, ее грузоподъемность, наличие у КНДР миниатюрных ядерных боеприпасов и достаточного для чувствительного обстрела США количества ракет вслед за требуемой дальностью «дорисовываются» северокорейской и американской прессой в поразительно похожем и крайне оптимистичном ключе. Скептики же всегда были не в чести у широкой общественности. На фоне демонстративных северокорейских действий, ярких американских оценок и журналистских преувеличений более осторожные высказывания смотрятся заведомо проигрышно.

Причиной обострения ситуации летом 2017 г. послужило июльское испытание ракеты «Хвасон-14», которую северокорейцы назвали межконтинентальной — и американцы решили реагировать соответственно (эксперты Министерства обороны России полагают, что в июле запускалась ракета средней дальности, этой оценкой оперирует и президент России В. Путин³). Что интересно, майский пуск «Хвасона-12» с очень похожими параметрами мало кого заинтересовал в Вашингтоне, возможно, потому что конструкторы «не продумали маркетинг испытываемого изделия», назвав его не межконтинентальной баллистической ракетой, а лишь новым стратегическим оружием большой дальности.

Чтобы о любой ракете можно было говорить как о полноценном оружии, требуется несколько *десятков* успешных испытаний. Пхеньяну же в силу объективных причин (в частности, отсутствия полигонов) приходится ограничиваться лишь несколькими пусками на модель. Тем не менее, за последний год можно отметить существенную активность КНДР на этом направлении и успешность наиболее заметных северокорейских ракетных акций.

В связи с этим ряд западных СМИ в августе 2017 г. опубликовали выводы американского исследователя Майкла Эллемана, что Северной Корее стали тем или иным образом доступны разработки украинского конструкторского бюро «Южмаш»⁴. Упомянутые М. Эллеманом факты, в частности, «прощупывание» этого предприятия

северокорейской разведкой в начале 2010-х гг.⁵, в принципе, хорошо известны. Вполне логичен вывод, что в последние годы политический хаос в стране сделал украинские военные секреты более доступными. Немало подозрительного было и в первоначальной реакции руководства «Южмаша» на появившуюся информацию.

Другой вопрос — какую форму могло принять такое «сотрудничество». Трудно согласиться с одним из предположений американского учёного, что северокорейцы могли каким-то образом перевезти готовый ракетный двигатель через Россию. Ни о какой российской «помощи» северокорейцам здесь речи идти не может, да и незаметно такая вещь едва ли проскользнёт. Контроль весьма строг: стоит вспомнить, что в 2016 г. российские таможенники пресекли даже попадание в КНДР небольшой партии запрещённой санкциями синтетической нити⁶, — стоит ли говорить о возможности тайно провезти ракетный двигатель. Более реалистичным сценарием представляется получение северокорейцами доступа к украинским специалистам или чертежам. Последнее более вероятно, учитывая историческую тягу Пхеньяна к независимости от иностранной помощи в таких вопросах и то, что в 2012 г. северная разведка хотела получить именно чертежи⁷.

После принятия в начале августа очередной жесткой санкционной резолюции Совета Безопасности ООН № 2371⁸, КНДР выступила с планом ответа Америке (другие страны не рассматриваются как противник и достойный адресат). Пхеньян заявил, что «изучает» план ракетного обстрела акватории у острова Гуам, где находится американская военная база (откуда взлетают стратегические бомбардировщики, периодически облетающие Корейский полуостров), с пролетом над Японией — союзником США и еще одним местом дислокации американских военных⁹. Северокорейское руководство в итоге отказалось от своего плана.

Среди прочего, эти пуски стали бы испытанием активно развертываемой американцами в Азии системы противоракетной обороны. Тем не менее, США не спешат этой системой пользоваться, что показал август 2017 г., когда северокорейская разработка впервые после 1998 г. перелетела Японию.

В начале сентября 2017 г. КНДР провела шестое ядерное испытание, заявив, что вновь был взорван «водородный заряд», да ещё и

такой, который может быть использован как боевая часть для МБР¹⁰. Последнее особенно интересно, поскольку речь идёт о подземном взрыве, а не испытании, например, габаритно-весового макета с ракетой. Каким образом северокорейские специалисты пришли к выводу о совместимости нового устройства с МБР, не слишком ясно, но, опять же, «маркетологический» смысл очевиден.

Мощность нового взрыва была весьма велика (по разным оценкам — от 100 до 150 килотонн), и даже 150 килотонн — более, чем вдвое меньшая мощность, нежели у испытанной советской водородной бомбы (400 килотонн). В любом случае, шестой тест показывает, что Пхеньян, скорее всего, действительно осваивает технологии бустирования ядерного заряда водородом, хотя говорить о появлении у КНДР ядерных боевых частей для ракет, как нередко делают журналисты и иные политики, пока нельзя.

Парадокс, однако, в том, что сейчас реальная степень развития северокорейской ракетной и ядерной программ уже почти не важна. Характеристики ракет или ядерных устройств на деле интересны небольшому сообществу узких специалистов. Другая небольшая группа — военные эксперты, разбирающиеся в этих технических данных. В правящем истеблишменте заинтересованных стран и те, и другие почти не представлены. Те, кто принимает внешнеполитические решения в Вашингтоне и, как ни странно, в Пхеньяне тоже, похоже, не только не обладают полной осведомленностью, но и не стремятся к ней. Неопределенность оказывается удобной для обеих сторон. При этом и США, и КНДР делают всё возможное, чтобы накалить обстановку, сузить самим себе пространство для маневра и вызвать у всех стран региона обоснованное беспокойство за свою безопасность.

Северокорейские ракеты (и ядерные технологии) — в первую очередь не оружие, а политический инструмент, что, однако, не делает их менее опасными. Поэтому не следует и обсуждать реалистичность обстрела вод около Гуама ракетами «Хвасон-12», в активе которых одно успешное испытание из всего четырех, или ядерной атаки по материковой части США. Если вооруженные силы США выполняют пугающие обещания Д. Трампа, Азии и миру уже будет безразлично, какими были дальность и грузоподъемность ракет, насколько опасной могла быть их «начинка». Более того, станет не

важным, существовала ли ракета в принципе — как уже не вспоминается повод для ввода войск в Ирак.

Нынешние события хорошо показывают, насколько опасна и ненормальна нынешняя ситуация. Россия, Южная Корея, Япония и даже Китай, якобы «всемогущий» в северокорейском вопросе, становятся заложниками затеянной Пхеньяном и Вашингтоном взаимной проверки прочности нервов. Остальным странам региона остается лишь довольствоваться ролью наблюдателя и уповать на разумность американского и северокорейского руководства. Едва ли можно позавидовать положению союзников США — Сеула и Токио, для которых альянс с Вашингтоном превращается скорее в фактор риска, нежели средство укрепления безопасности.

Сейчас для урегулирования ядерной проблемы используются два одинаково малоэффективных средства — угрозы и санкции (так, после шестого ядерного испытания была принята очередная беспрецедентно жесткая резолюция Совбеза ООН № 2375¹¹). Именно поэтому исключительно своевременными и остро востребованными являются российско-китайские предложения, изложенные в совместном заявлении министерств иностранных дел двух стран от 4 июля 2017 г.¹² Сторонам необходимо как можно скорее прекратить высказывания и действия, вызывающие беспокойство у других государств. Это, среди прочего, с одной стороны, северокорейские ядерные и ракетные испытания, с другой — американско-южнокорейские военные учения. Однако еще важнее начать работу по созданию давно предлагавшегося Россией механизма мира и сотрудничества в Северо-Восточной Азии — возможно, на базе остановившихся в 2008 г. шестисторонних переговоров.

Появление такой работающей структуры позволило бы всем странам региона, во-первых, контролировать свою и общую судьбу, а не только полагаться на благополучный исход американско-северокорейской пикировки, во-вторых, начинать и поддерживать переговоры без рискованных предварительных проверок оппонента на прочность, в-третьих, гарантировать устойчивость урегулирования посредством многостороннего одобрения решений. Хочется надеяться, что практическое развитие получают эти идеи, а не грозные — и столь похожие по формулировкам — заявления Пхеньяна и Вашингтона.

Примечания

¹ Дьячков И.В. «Немирный атом» Северо-Восточной Азии: корейский узел. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 190.

² Ланьков А. Северная Корея и Трамп: далеко ли до войны. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=68682> (дата обращения: 30.10.2017).

³ Пресс-конференция Владимира Путина по итогам саммита БРИКС. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55535> (дата обращения: 30.10.2017).

⁴ См., напр.: *Broad W., Sanger D.* North Korea's Missile Success Is Linked to Ukrainian Plant, Investigators Say // *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2017/08/14/world/asia/north-korea-missiles-ukraine-factory.html> (дата обращения: 30.10.2017).

⁵ *Elleman M.* The secret to North Korea's ICBM success. URL: <http://www.iiss.org/en/iiss%20voices/blogsections/iiss-voices-2017-adeb/august-2b48/north-korea-icbm-success-3abb> (дата обращения: 30.10.2017).

⁶ Доклад Группы экспертов, учрежденной резолюцией 1874 (2009). 27 февраля 2017 г. С. 48—49.

⁷ *Лихолетов А.А.* Охотники за «Сатаной» // Независимое военное обозрение. URL: http://nvo.ng.ru/armament/2017-08-25/1_962_satana.html (дата обращения: 30.10.2017).

⁸ Резолюция 2371 (2017), принятая Советом Безопасности на его 8019-м заседании 5 августа 2017 г. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/246/71/PDF/N1724671.pdf?OpenElement> (дата обращения: 30.10.2017).

⁹ Мы сделаем США суровое предупреждение посредством реальных военных действий. Заявление командующего стратегическими ракетными силами КНА генерала Ким Наккёма (Раккёма) // Нодон синмун. 10.08.2017. URL: <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?type=igisa3&no=1137816> (дата обращения: 30.10.2017).

¹⁰ Заявление Института ядерного оружия КНДР. Полный успех испытаний водородного заряда, который может быть использован с МБР. URL: http://www.rodong.rep.kp/ko/index.php?strPageID=SF01_02_01&newsID=2017-09-04-0002 (дата обращения: 30.10.2017).

¹¹ Резолюция 2375 (2017), принятая Советом Безопасности на его 8042-м заседании 11 сентября 2017 г. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDO C/GEN/N17/283/70/PDF/N1728370.pdf?OpenElement> (дата обращения: 30.10.2017).

¹² Совместное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU (дата обращения: 30.10.2017).

*Куприянов Алексей Владимирович,
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Отдела международно-политических проблем
Национального исследовательского института мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН*

ОТНОШЕНИЯ ИНДИИ И КНДР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. При правительстве Манмохана Сингха индийско-северокорейские связи развивались весьма активно. КНДР оказывала Индии поддержку в международных организациях, Индия, в свою очередь, обучала северокорейских физиков-ядерщиков, военных, специалистов по IT и английскому языку. Индия вышла на третье место среди торговых партнеров КНДР. Придя к власти в 2014 г., Нарендра Моди сперва продолжал этот курс, однако весной 2017 г. неожиданно объявил о разрыве торговых связей и сокращении до минимума дипломатических контактов.

Предпринята попытка проанализировать причины, побудившие Моди пойти на этот шаг, и обрисовать возможные контуры дальнейшей индийской политики на Корейском полуострове.

Ключевые слова: КНДР, Индия, Моди, санкции, торговля, США.

С момента образования Индии и КНДР как независимых государств отношения между ними развивались достаточно сложно. Не в последнюю очередь это произошло из-за позиции, занятой руководством Индии после начала Корейской войны 1950—1953 гг.: не-

смотря на то, что Нью-Дели декларировал нейтралитет, он поддержал резолюции СБ ООН 82 и 83, осудив агрессию КНДР, при этом отказавшись поддержать резолюцию 84 о военной помощи Южной Корее. В Корею была направлена индийская воинская часть — 60-й полевой военный госпиталь Парашютного полка. Ее персонал состоял преимущественно из сикхов, командовал частью полковник А.Г. Рангарадж. В задачи индийских военных медиков входило оказание помощи раненым южнокорейским солдатам, военнослужащим войск ООН и мирным жителям. На них также возлагалась помощь попавшим в плен раненым солдатам КНА, а позже — китайским народным добровольцам.

Организационно госпиталь входил в состав дивизии Британского Содружества (сперва 27-й, затем 28-й бригады) вместе с британскими, австралийскими, новозеландскими и канадскими подразделениями¹. Несмотря на подчеркнуто гуманитарный характер миссии и неоднократные заверения Нью-Дели о нейтралитете², индийским военным пришлось принять участие в одной из боевых операций: 23 мая 1951 г. они участвовали в десантировании 187-го американского полка в тылу китайских народных добровольцев. За все время войны индийцы потеряли 4 человек убитыми и 23 ранеными.

Несмотря на фактическое участие индийских военных в конфликте, декларируемый нейтралитет Индии позволил ей выступить с предложением о прекращении огня, принятом обеими враждующими сторонами. После заключения перемирия индийский генерал Кодандера Субайя Тимайя возглавил Комиссию нейтральных стран по репатриации пленных. Кроме того, Индия предоставила усиленную бригаду — Силы охраны военнопленных (англ. Custodian force), которые обеспечивали охрану и транспортировку пленных, подлежащих обмену.

Вскоре после окончания Корейской войны, в 1955 г., по предложению Джавахарлала Неру была созвана Бандунская конференция, где Индия заявила о себе как о потенциальном лидере движения неприсоединения, создав по сути широкий антиколониальный и антиимпериалистический фронт, имеющий при этом подчеркнуто внеблоковую природу. КНДР на это мероприятие не пригласили: индийское руководство сочло, что Пхеньян занимает отчетливо просоветскую позицию.

Консульские отношения между Индией и КНДР были установлены 1 марта 1962 г., однако полноценные дипломатические отношения — лишь 10 декабря 1973 г. В 1976 г. КНДР вступила в Движение неприсоединения, в котором Индия занимала одно из лидирующих мест. После этого отношения двух стран существенно улучшились. Тесные контакты продолжались в течение всего периода холодной войны, невзирая на интенсивное сотрудничество Пхеньяна и Исламабада в военной сфере, вызывавшее в Индии известное беспокойство. При этом отношения между Индией и КНДР носили двойственный характер: налаживая торговые и культурные связи, Нью-Дели неизменно осуждал любые северокорейские ракетные и ядерные испытания.

Существенную роль в укреплении двустороннего сотрудничества сыграло Общество индийско-корейской дружбы, созданное в феврале 1970 г., еще до установления дипломатических отношений. По сути, оно стало одним из инструментов индийской «мягкой силы», пропагандировавшим в КНДР культуру Индии. Министерство культуры Индии активно поддерживало деятельность Общества, выделяя ему гранты.

С окончанием холодной войны, однако, отношения КНДР и Индии заметно ухудшились. Распад СССР полностью переконфигурировал систему союзов и ориентаций в Азии. В итоге КНДР начала сближаться с Пакистаном, сотрудничая с ним, прежде всего, в ракетно-ядерной сфере. Индия же, в свою очередь, начала налаживать связи с Южной Кореей в надежде получить оттуда инвестиции и технологии, а также изучить южнокорейский опыт, позволивший стране войти в число «азиатских тигров». Помимо этого, и государственный, и частный сектор Индии не видели выгоды от сотрудничества со слабой северокорейской экономикой. Смущала индийских политиков и приверженность КНДР идеологии чучхе, слабо подходившей, как тогда казалось, новому, кардинально изменившемуся миру.

Десятилетие спустя Индия, совершив экономический скачок, вернулась к своим претензиям на статус великой державы. В этих условиях улучшение отношений с КНДР было необходимо: оно позволяло Индии потенциально претендовать на статус миротворца на Корейском полуострове, что значительно укрепляло ее позиции.

Первые шаги в этом направлении сделало правительство А.Б. Ваджапай, но наибольшее сближение пришлось на время пребывания на посту премьер-министра Индии Манмохана Сингха.

Во многом этому способствовала общность взглядов Пхеньяна и Нью-Дели на многие мировые проблемы, включая необходимость развития связей между странами глобального Юга. Был создан механизм консультаций между внешнеполитическими ведомствами.

КНДР поддержала претензии Индии на постоянное место в Совете Безопасности ООН, а также высказалась в пользу ее кандидатуры в качестве непостоянного члена СБ ООН в 2011—12 гг., члена Совета ИКАО, Исполнительного комитета ЮНЕСКО и ряда органов других международных организаций. В случаях, когда КНДР не являлась членом какой-либо организации, она использовала свое влияние на дружественные страны, чтобы они выступили в поддержку притязаний Индии. В декабре 2004 г. Пхеньян пожертвовал 30 тыс. долл. в помощь людям, пострадавшим от цунами в Индии.

В свою очередь, Индия поддержала предложения по оказанию мер помощи КНДР по линии Всемирной продовольственной программы (пожертвовав 1 млн долл., на которые были закуплены 900 т соевых бобов и 450 т пшеницы) и Фонда ООН в области народонаселения и воздерживалась от голосования по любым резолюциям по нарушению прав человека в КНДР. Индия также оказывала КНДР гуманитарную помощь в случаях нехватки продовольствия и при стихийных бедствиях и катастрофах, поставляя одеяла, рис, пшеницу, детское питание и т. п. В период с сентября 2002 г. по февраль 2008 г. Индия передала КНДР 7 тыс. т белого риса. После взрыва товарных составов на станции Рёнчхон 22 апреля 2004 г. индийская сторона безвозмездно пожертвовала КНДР 200 тыс. порций дексаметазона, а также другие медицинские препараты³.

Помимо этого, Индия осуществляла подготовку северокорейских специалистов по программе ИТЕС (Indian Technical and Economic Cooperation) с особым упором на ИТ и английский язык. Если в 2003—2004 гг. Индия предоставила соискателям из КНДР 5 мест, то в 2008—2009 — 18, в последующем норма составляла 10 мест. По этой программе, в частности, северокорейцы проходили подготовку в стенах Центра космических исследований и технологии образования в странах Азии и Тихого океана (CSSTEAP) в Дехрадуне,

изучая космические технологии и технологии дистанционного зондирования⁴. В общей сложности к 2016 г. в CSSTEAP прошли подготовку около 30 северокорейских специалистов, сыгравших, по оценке западных экспертов, важную роль в развитии ракетно-ядерной программы КНДР⁵. Помимо этого, Индия ежегодно предоставляла для северокорейских военных два места в своих военных учебных заведениях.

Достаточно противоречива информация об экономических связях Индии и КНДР в эти годы. По данным Конфедерации индийской промышленности, в 2005 г. индийский экспорт в КНДР составил около 100 млн долл., а уже в 2009 г. достиг 1 млрд долл. Импорт из КНДР в 2009 г. исчислялся в размере 57 млн долл. и состоял преимущественно из серебра и запчастей для автомобилей. Главным продуктом индийского экспорта, в свою очередь, являлись очищенная нефть и другие нефтепродукты, что достаточно показательно, учитывая, что Индия сама является одним из крупнейших импортеров нефти и ее промышленность испытывает постоянный дефицит углеводородов⁶. По другим данным, на 2011 г. общий объем торговли между Индией и КНДР достигал лишь около 0,5 млрд долл.⁷. В свою очередь, МИД Индии со ссылкой на данные Министерства торговли Индии утверждал, что в 2010—11 гг. индийский экспорт в КНДР составил 329 млн долл., а импорт — 144 млн долл., причем уточнялось, что торговые связи «стабильно растут». В числе основных статей индийского экспорта назывались лекарственные препараты, хлопковые ткани, химикаты и др., импорта — железо и сталь⁸.

После победы на выборах Нарендры Моды курс Индии в отношении КНДР, казалось, остался прежним. В 2015—2016 гг. товарооборот КНДР и Индии составил 199 млн долл., причем экспорт из Индии в КНДР — 111 млн, импорт — 88 млн долл. Индия, по данным МВФ, стала третьим торговым партнером Пхеньяна, уступив лишь КНР и Саудовской Аравии⁹. В 2015 г. Индию посетил глава МИД КНДР Ли Су Ён, прошедший переговоры с индийской коллегой Сушмой Сварадж. Как отмечали обе стороны, встреча прошла в дружественной обстановке.

Тем неожиданней оказалось внезапное изменение индийского внешнеполитического курса весной 2017 г. После очередных северокорейских испытаний Индия, отвечая на призыв ввести санкции

против КНДР, по сути, добровольно отказалась от торговли с Пхеньяном, 21 апреля 2017 г. наложив запрет на все операции за исключением поставок медикаментов и продовольствия. Кроме того, Индия сократила до минимального размера персонал посольства в Пхеньяне. По всей видимости, эти меры обговаривались во время визита в Нью-Дели советника президента США по национальной безопасности Герберта Макмастера 18 апреля¹⁰.

Таким образом, Индия впервые согласилась соблюдать санкции ООН в отношении КНДР. Это решение наносит серьезный удар по интересам как Индии, так и Северной Кореи. Индия заметно уменьшает свое присутствие на Корейском полуострове, тем самым подрывая свои позиции как потенциального миротворца, а также добровольно отказывается от пусть небольшой по объему, но выгодной для себя торговли с КНДР. Северная Корея же теряет одного из важнейших торговых партнеров, а также лишается возможности готовить своих атомщиков и ракетчиков в Индии.

Чем же вызвано такое нетипичное для Индии, всегда стремившейся избегать резких движений, поведение Моди? На наш взгляд, в данном случае свою роль сыграли несколько взаимосвязанных факторов:

1. Накопившееся раздражение Индии в отношении сотрудничества КНДР с Пакистаном и Китаем. Сейчас, в период обострения отношений с этими странами, разрыв с Северной Кореей демонстрирует готовность Индии пойти на серьезные шаги в отношениях со странами, пытающимися лавировать между Пекином и Нью-Дели.

2. Стремление укрепить связи с Японией и Южной Кореей, во взаимодействии с которыми Индия сейчас крайне нуждается. Для реализации заявленной премьером Моди программы Make in India страна нуждается в новых технологиях и крупных инвестициях, к тому же Нью-Дели ведет сейчас переговоры с Сеулом о пересмотре условий действующего двустороннего соглашения о зоне свободной торговли. В этих условиях разрыв с Северной Кореей выглядит как демонстрация готовности Индии к сотрудничеству с Японией и Южной Кореей как в экономической, так и в оборонной сферах, позволяя при этом обойтись без нагнетания напряженности в отношениях с КНДР.

3. Наконец, этот ход является очевидной демонстрацией готовности Индии поддержать ряд инициатив США в регионе. Начатый при Бараке Обаме процесс сближения Индии с США застопорился после прихода к власти Дональда Трампа. Демонстративно разрывая связи с КНДР, Моди дает понять Трампу, что ждет от него ответных шагов в сторону укрепления американско-индийского сотрудничества. Вдобавок к этому, постоянное упоминание индийскими властями связи Пхеньяна и Исламабада позволяет решить еще одну проблему, сформировав в глазах американцев образ Пакистана как страны, входящей в ось зла.

Таким образом, разрывая связи с КНДР, Индия удачно решает ряд тактических и в перспективе стратегических задач, укрепляя связи с потенциальными инвесторами, жертвуя при этом ролью потенциального арбитра.

При этом Индия отнюдь не намерена полностью отказываться от связей с КНДР. Во время последнего визита государственного секретаря Рекса Тиллерсона в Нью-Дели индийское руководство отказалось полностью закрыть посольство в Пхеньяне. По словам главы МИД Индии Сушмы Сварадж, поддержание минимальных контактов с КНДР необходимо, чтобы сохранять возможность доносить до северокорейского руководства американские требования¹¹. Таким образом, Индия, по всей видимости, надеется рано или поздно, когда представится возможность, восстановить свои позиции на полуострове.

Примечания

¹ *Varhola M.J.* Fire and Ice: The Korean War, 1950-1953. De Capo Press, 2000. P. 197.

² Это произошло из-за того, что с мая по июнь 1951 г. индийское подразделение было придано 3-й дивизии армии США.

³ India—DPRK Relations / MEA of India. URL: <http://www.mea.gov.in/portal/foreignrelation/pyongyang.pdf> (дата обращения: 23.11.2017).

⁴ North Korea-US tension: Modi is right in severing India's embarrassing connections with Pyongyang. Firstpost. 29.04.2017. URL: <http://www.firstpost.com/>

---

world/north-korea-us-tension-modi-is-right-in-severing-indias-embarrassing-connections-with-pyongyang-3413858.html (дата обращения: 23.11.2017).

⁵ India's U-Turn on North Korea Policy. The Diplomat. 19.07.2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/07/indias-u-turn-on-north-korea-policy/> (дата обращения: 23.11.2017).

⁶ Look Who's Helping North Korea. Forbes. 22.07.2010. URL: <https://www.forbes.com/forbes/2010/0809/opinions-north-korea-india-blockade-heads-up.html> (дата обращения: 23.11.2017).

⁷ How much it will affect India-North Korea ties. The Navhind Times. 20.12.2011. URL: <http://www.navhindtimes.in/how-much-it-will-affect-india-north-korea-ties/> (дата обращения: 23.11.2017).

⁸ India — DPR Korea Relations / MEA of India. URL: <http://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/koreadpr-english.pdf> (дата обращения: 23.11.2017).

⁹ North Korea cut off by 3rd biggest trading partner. CNN. 01.05.2017. URL: <http://money.cnn.com/2017/05/01/news/north-korea-india-trade-ban/index.html> (дата обращения: 23.11.2017).

¹⁰ Donald Trump's Top Security Adviser HR McMaster Meets PM Narendra Modi, Reaffirms India As Major Defence Partner. NDTV. 18.04.2017. URL: <https://www.ndtv.com/india-news/us-national-security-adviser-hr-mcmaster-meets-pm-narendra-modi-us-nati> (дата обращения: 23.11.2017).

¹¹ India defends diplomatic ties with North Korea, Iran in talks with Rex Tillerson. Livemint. 25.10.2017. URL: <http://www.livemint.com/Politics/RRBccS29fIf8nEVgIDкупL/India-agrees-to-hold-talks-on-Afghanistan-with-US-Kabul.html> (дата обращения: 23.11.2017).

*Логиновский Егор Леонидович,
студент 1-го курса магистратуры факультета мировой экономики
и мировой политики Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»*

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ТЕГЕРАНА С КОРЕЙСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

Аннотация. В последнее время заметно возросло внимание к вопросам отношений Ирана с Северной и Южной Кореей. Отношения Ирана с этими государствами постоянно идут по восходящей линии, однако различаются сферы, где в их отношениях с Тегераном имеются наиболее значимые достижения. КНДР и Иран признают друг друга как выдающихся политических партнеров. Южная Корея добилась крупнейших успехов на иранском направлении в области экономики. События последних 10 лет позволяют заявить, что в иранско-южнокорейских отношениях ведущую роль играет Иран.

Позицию Ирана по проблемам Корейского полуострова сложно назвать активной, так как она формулируется кратко и обтекаемо, а по ядерной проблеме не заявляется вовсе. Научные учреждения практически никогда не дают комментариев к заявлениям властей страны касательно проблем Кореи. Попытки обращения к этой проблематике крайне редки. Фактически они — анализ происходящего на Корейском полуострове, предназначенный для решения прикладных задач руководства Ирана.

Ключевые слова: Иран, КНДР, Республика Корея, двусторонние отношения, академическое корееведение.

В последние годы в американском политическом дискурсе наблюдается рост числа призывов противостоять вызовам, исходящим от государств, которые, кроме прочего, долгое время разрабатывали либо продолжают разрабатывать национальные ядерные программы для оборонных целей. Это выражается в дальнейшей актуализации Вашингтоном ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП) и общем усилении негативных тенденций в отношениях США и КНДР, а также в нарастании неопределенности вокруг ядерной сделки, заключенной США и Исламской Республикой Иран (ИРИ) в 2015 г.

Как следствие, время от времени Пхеньян и Тегеран сводятся в единую группу акторов, наносящих ущерб американским интересам в Азии. Растет и интерес исследователей к проблемам воздействия двусторонних отношений ИРИ и корейских государств на региональную безопасность соответственно Ближнего Востока и Северо-Восточной Азии (СВА). Уместно в таком случае будет определить наиболее существенные черты, характерные для позиции официального Тегерана в отношении КНДР и Республики Корея (РК), а также оценить масштабы и значимость собственно иранских научно-теоретических разработок корееведческой тематики, находящихся в относительно широком доступе.

Установление дипломатических отношений Северной Кореи и шахского Ирана произошло в апреле 1973 г. Исламская революция ни в малейшей степени не ухудшила взаимопонимание двух сторон; как представляется, оно только усилилось после известных событий, связанных с захватом и удержанием заложников в посольстве США в Тегеране. Ким Ир Сен лично принимал членов по меньшей мере двух делегаций — парламентариев и высокопоставленных лиц ИРИ — в сентябре 1981 и октябре 1983 гг. соответственно¹.

Стремление северокорейской стороны интенсивно поддерживать отношения с Ираном даже привело, как известно, к продолжительному кризису в отношениях КНДР и Ирака (военного противника ИРИ в 1980—1988 гг.), до того момента развивавшихся более 10 лет без значительных затруднений. После наступления кардинальных перемен в мировой политике на рубеже 1980-1990-х гг. северокорейско-иранские отношения в сфере политики, а также в

сфере безопасности, которая особенно чувствительна для Пхеньяна, оставались неизменно стабильными.

Не позднее 2007 г. в двусторонних отношениях проявился знаковый момент: главная служба новостей КНДР стала упоминать «коллективное хозяйство корейско-иранской дружбы» в с. Рипсок пров. Южный Пхенан. Таким способом северокорейские власти демонстрируют, что считают место той или иной страны в своих международных отношениях отнюдь не рядовым, а, напротив, выдающимся².

Хотя в установлении репрезентативной истории двусторонних контактов Пхеньяна и Тегерана имеются значительные трудности, не может быть никаких сомнений в том, что обе стороны получают от них ощутимую выгоду. По мнению С. Рамани (Великобритания), помимо практических шагов по наращиванию оборонных возможностей, позволяющих КНДР и Ирану пользоваться разработками друг друга в этой области, стороны проводят линию на «нормативную солидарность», которая проистекает из «общей убежденности в том, что страны обладают правом решать, какой уровень оборонительного потенциала им подходит, без внешнего вмешательства или же агрессивного давления»³.

События последнего времени дают исследователям немало оснований говорить о том, что власти как Северной Кореи, так и Ирана отводят друг другу крайне заметное место в ряду своих внешнеполитических партнеров. В числе символических жестов, которые указывают именно на такую тенденцию, прежде всего необходимо назвать присутствие председателя Президиума Верховного народного собрания Ким Ен Нама, КНДР на церемонии инаугурации президента ИРИ Х. Роухани 6 августа 2017 г.⁴ Отнюдь не случайным представляется и то, что лишь несколькими днями ранее завершилось возведение нового здания посольства КНДР в Тегеране. На церемонии открытия присутствовали заместитель министра иностранных дел Ирана Ибрахим Рахимпур (Ibrahim Rahimpour), который курирует вопросы отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, и заместитель министра иностранных дел КНДР Чхве Хи Чхоль⁵. Мы склонны рассматривать это как знак признательности за поддержание Пхеньяном устойчивых связей с ней по линии политики и безопасности.

Дипломатические отношения Ирана и РК были установлены в октябре 1962 г. — значительно раньше, чем в случае с северным соседом. Уже на ранней стадии развития двусторонних связей Тегеран и Сеул показали, что обе стороны стремятся продемонстрировать такой же высокий уровень взаимопонимания в политике, как и в экономике. По утверждениям южнокорейской дипломатии, в 1970-х гг. рабочие из РК представляли собой «единственную» иностранную рабочую силу, участвовавшую в индустриализации Ирана⁶. За два года до падения шахского режима в иранской столице возник Сеульский бульвар, а в южнокорейской — Тегеранская улица. Ни смена режима, ни ирано-иракская война не привели к ослаблению иранско-южнокорейских связей⁷.

Официальные иранские данные показывают, что регулярный обмен делегациями между ИРИ и РК происходит с 1998 г. За период 1999—2015 гг. министры иностранных дел обеих республик нанесли по два визита в Сеул и Тегеран соответственно. Семь раз заместители министра иностранных дел Ирана, ответственные за работу в странах Азии и Океании, побывали в РК. Следует подчеркнуть, что в последние годы произошли изменения наименований должностей лиц данного круга обязанностей и географии их работы: до 2014 г. они курировали отношения со странами Азии и Тихого океана, с 2014 г. — со странами Азии и Океании. С 2015 г. работой на корейском направлении занимается генеральный директор МИД ИРИ по Восточной Азии и Тихому океану.

В течение 17 лет заместители министра иностранных дел РК также нанесли в ближневосточную страну семь визитов. На фоне резкого усиления влияния консервативно настроенных членов предыдущей южнокорейской администрации на внешнюю политику Сеула (2015—2016) в мае 2016 г. впервые в истории двусторонних отношений состоялся визит президента РК в Тегеран.

Примечательно, что с середины 2000-х гг. отношения Южной Кореи и Ирана переживают заметное углубление: если до того контакты осуществлялись либо по линии МИД, либо по линии экономических ведомств, то с 2006 г. практикуются также визиты членов неэкономических блоков национальных правительств, членов национальных парламентов, крупных политических деятелей, работников высших судебных органов, СМИ и пр.

Важно, что число различных постов, занимаемых посланцами Тегерана, более чем на 50 % превышает аналогичный показатель для южнокорейской стороны⁸. Хотя именно РК положила начало тенденции развития двусторонних отношений по многовекторному сценарию: когда в ноябре 2006 г. ИРИ посетил депутат Национального собрания республики Ким Сон Гон, иранская сторона стала развивать отношения с Сеулом схожим образом. Со временем сложилась ситуация, при которой практически все контакты, выходящие за рамки строго дипломатических либо же хозяйственных отношений, осуществляются представителями Ирана. Сложно переоценить ее значимость в условиях, когда посол РК в ИРИ Ким Сын Хо отмечает, что в настоящее время Сеулу следует обратить внимание на диверсификацию связей с Тегераном, делая акцент на неэкономических аспектах двусторонних отношений⁹. Эти факты позволяют вынести на обсуждение тезис о ведущей роли Ирана в его отношениях с РК в наши дни.

Позицию, которую иранские власти занимают в отношении проблем Корейского полуострова, сложно назвать активной. По меньшей мере с 2014 г. Тегеран в отношениях с обоими корейскими государствами придерживается ряда типичных установок, изложенных, к примеру, иранским президентом Х. Роухани при встрече с Ким Ен Намом в Венесуэле в дни работы 17-го саммита Движения неприсоединения (17—18 сентября 2016 г.). Президент ИРИ подчеркнул недопустимость вмешательства крупных мировых держав в региональные проблемы (в том числе и в Восточной Азии), необходимости поддержания мира и стабильности в Азии, решения проблем мирными, политическими средствами¹⁰. Не первый год иранские официальные лица говорят и о необходимости объединения Кореи. Имеются все основания полагать, что риторика Тегерана по корейскому вопросу характеризуется полным набором черт, присущих риторике публичной дипломатии.

Наблюдателям не составляет труда зафиксировать, что (по тем или иным причинам) работники исследовательских организаций ИРИ, в частности, подчиненных МИД страны, фактически не способны давать развернутые комментарии к официально заявляемой позиции Ирана в отношении проблем Корейского полуострова. Так, в мае 2016 г. на круглом столе в Тегеране, проведенном Инсти-

тутом политических и международных исследований МИД ИРИ совместно с рядом южнокорейских университетов, выступал заместитель директора института Мохсен Роухисефа (Mohsen Rouhifefat), который обычно разрабатывает вопросы безопасности и развития стран-соседей ИРИ (Афганистан, Турция и др.). Он сообщил гостям, что Иран был бы «доволен и заинтересован» быть участником переговорного процесса между Севером и Югом¹¹.

Похоже, позиция Ирана по вопросу объединения и иным проблемам Кореи передается представителями иранской науки в слишком сжатых формулировках, способных к тому же породить неоднозначные трактовки. По мнению старшего научного сотрудника Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН Л.М. Раванди-Фадаи¹², это может означать практически полное отсутствие в Иране специалистов по Корее.

Это может быть связано с тем, что отсутствие сколь-нибудь значимых конфликтов в отношениях Ирана с Севером и Югом Кореи не способствует выработке у руководства страны желания брать на себя конкретные политические обязательства в США, а конфликты на самом Корейском полуострове не воспринимаются как насущная проблема. Таким образом, при отсутствии социального заказа становление исследователей-корееведов происходит бессистемно и реализуется на базе уже существующих кадров, разрабатывающих сходную проблематику.

Эти наблюдения наглядно подтверждаются трудами известного эксперта по иранско-китайским отношениям Мохсена Шариатиния (Mohsen Shariatinia), сотрудника Института региональных исследований тегеранского Университета им. Шахида Бехешти. Таковой обращается к актуальной корейской проблематике в небольшой статье от 30 октября 2017 г., однако при ближайшем рассмотрении работа едва ли может дать полноценное понимание ситуации вокруг КНДР, заявленной в заглавии. К примеру, автор пишет, что «геополитическая обстановка двух стран (Ирана и КНДР. — *Е.Л.*) сильно различается», не давая никаких конкретных примеров различий.

Статья, тем не менее, весьма полезна для специалистов по делам ИРИ. В ней отмечается, что иранская общественность и в текущем году не обеспокоена ЯПКП, а также — что «уровень доверия Северной Корее и реакция большой державы могут быть важны в том, что

касается восприятия международного положения Ирана и его пути к росту своей мощи». Центральный же тезис работы можно сформулировать так: Ирану при любом варианте «роста своей мощи» следует развивать собственную «мягкую силу»¹³.

Подводя итоги: за десятки лет Иран добился установления весьма благоприятных отношений как с Северной, так и с Южной Кореей. Факты говорят о том, что уровень взаимопонимания между Тегераном и Пхеньяном, Тегераном и Сеулом и в политическом, и в экономическом, и в культурном измерениях высок, порой даже исключительно высок. Несмотря на это, лицам, принимающим решения по вопросам внешней политики, следует принимать в расчет следующее:

1. Политика официального Тегерана на корейском направлении отличается высокой степенью сдержанности. Иран не позволяет себе резких заявлений относительно событий на полуострове, заведомо способных вызвать непонимание какой-либо из корейских сторон. Вполне естественно поэтому, что руководство республики избегает публичного обсуждения такой деликатной темы, как ЯПКП. Тегеран, однако, прямо не отказывается от собственной посреднической роли в процессе межкорейского урегулирования.

2. Власти ИРИ чаще всего не имеют возможности опираться на разработанную национальную научно-теоретическую базу при проведении своей политики в отношении корейских государств. По не вполне ясным на текущий момент причинам развитие отношений Тегерана с Пхеньяном и Сеулом не дало оснований для формирования в Иране сколь-нибудь значительного числа корееведов.

3. Иранские ученые, которые все же обращаются к проблематике государств Корейского полуострова, не могут относиться к числу представителей классического академического корееведения, поскольку в своем анализе они выносят на передний план политические действия, которые следует предпринять руководству ИРИ, исходя из ситуации в какой-либо сфере деятельности властей одного или обоих корейских государств. Иными словами, специалисты ИРИ по корейской проблематике занимаются прежде всего не страноведением, а ситуационным анализом для текущих потребностей своего государства.

Примечания

- ¹ 김일성전집목록. Пхеньян, 2012. С. 325, 345.
- ² Collective farm diplomacy. 4.10.2010. URL: <http://www.nkeconwatch.com/2010/10/04/collective-farm-diplomacy/> (дата обращения: 31.10.2017).
- ³ *Ratani S.* A Closer Look at Iran and North Korea's Missile Cooperation. 13.05.2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/05/a-closer-look-at-iran-and-north-koreas-missile-cooperation/> (дата обращения: 14.11.2017).
- ⁴ ЦТАК. 11.08.2017.
- ⁵ ЦТАК. 03.08.2017.
- ⁶ *Kim Seung-Ho.* Islamic Revolution, I, and new relation of Korea and Iran. 12.02.2016. URL: http://irn.mofa.go.kr/webmodule/htsboard/template/read/legengreadboard.jsp?typeID=16&boardid=6222&seqno=736402&c=TITLE&t=&pagenum=8&tableName=TYPE_ENGLEGATIO&pc=&dc=&wc=&lu=&vu=&iu=&du= (дата обращения: 12.11.2017).
- ⁷ Brief History of Bilateral Relationship. 31.01.2008. URL: http://irn.mofa.go.kr/webmodule/htsboard/template/read/legengreadboard.jsp?typeID=16&boardid=6222&seqno=615222&c=TITLE&t=&pagenum=10&tableName=TYPE_ENGLEGATIO&pc=&dc=&wc=&lu=&vu=&iu=&du= (дата обращения: 11.11.2017).
- ⁸ Iranian Officials & Delegations visits to Korea. URL: <http://en.mfa.ir/index.aspx?fkeyid=&siteid=299&pageid=36076> (дата обращения: 31.10.2017); Korean Officials & Delegations visits to Iran. URL: <http://en.mfa.ir/index.aspx?fkeyid=&siteid=299&pageid=36075> (дата обращения: 31.10.2017).
- ⁹ *Kim Seung-Ho.* Op. cit.
- ¹⁰ President: Rising regional tensions shouldn't let major powers interfere. 18.09.2016. URL: <http://en.mfa.ir/?fkeyid=&siteid=3&pageid=1997&newsview=413894> (дата обращения: 10.11.2017).
- ¹¹ *Hajjari F.* IPIS and Academic institutions in South Korea (ASAN, JEJU and KIEP University). 31.05.2016. URL: <http://www.ipis.ir/index.aspx?fkeyid=&siteid=9&pageid=517&newsview=1742> (дата обращения: 01.11.2017).
- ¹² Выступление Л.М. Раванди-Фадаи 27 сентября 2017 г. в ходе работы круглого стола молодых востоковедов в ИВ РАН на тему «Корейский ракетно-ядерный кризис 2017 г.: влияние на современные международные отношения».
- ¹³ См.: *Shariatinia M.* North Korean Crisis: the Difficulty of a Particular Route of Power Projection. 30.10.2017. URL: <http://www.riss.ac.ir/page-863-North-Korean-Crisis-the-Difficulty-of-a-Particular-Route-of-Power-Projection> (дата обращения: 01.11.2017).

*Значкова Анна Павловна,
аспирант Центра корейских исследований
Института Дальнего Востока РАН*

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ СО СТРАНАМИ ЮВА

Аннотация. Разработка технологии, ее апробация и внедрение — довольно дорогостоящее мероприятие даже для такой развитой страны, как Республика Корея. По этой причине на самые дорогостоящие проекты корейцы приглашают к сотрудничеству иностранных партнеров и продают свои лицензии на уже доказавшую эффективность и известную в мире технику отечественного производства.

Рассмотрено сотрудничество Республики Корея со странами ЮВА в области разработки, производства и торговли ВВТ на примере комплексных контрактов на разработку и поставку соответствующего вооружения и военной техники и влияние этого сотрудничества на развитие корейского оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Автор считает, что в контексте открытия новых рынков сбыта продукции военного назначения и укрепления партнерства на рынке вооружений Южную Корею и страны ЮВА объединяет схожее положение в некоторых аспектах производства, закупки и продажи вооружения и военной техники (ВВТ), что в свою очередь может послужить поводом для объединения усилий в достижении такой цели, как смена устойчивого статуса страны-импортера ВВТ на новый — страну-экспортера.

Ключевые слова: Южная Корея, страны ЮВА, вооружения и военная техника, оборонная промышленность.

Поскольку Республика Корея является страной, преимущественно импортирующей вооружение и военную технику (ВиВТ), она испытывает необходимость в высоких технологиях, способных дать толчок отечественному ВПК. Сеул вынужден покупать лицензии на производство подводных лодок, самолетов и других видов техники или закупать образцы.

Разработка технологии, ее апробация и внедрение — довольно дорогостоящее мероприятие. По этой причине на самые дорогие проекты корейцы приглашают к сотрудничеству иностранных партнеров и продают лицензии на производство отечественной техники.

Автор считает, что страны ЮВА предоставляют новый рынок сбыта продукции военного назначения. С Республикой Корея их роднит схожее положение в некоторых аспектах производства, закупок и продажи ВиВТ, что в свою очередь может послужить поводом для объединения усилий с целью смены устойчивого статуса страны-импортера ВиВТ на новый — страну-экспортера.

Как и Южная Корея, страны ЮВА сталкиваются с недостатком технологий для производства высокотехнологичной продукции ВиВТ. Но в отличие от своих южных соседей, Корея уже имеет определенную репутацию на рынке вооружений, историю становления ВПК и ряд отечественных лидеров по каждому направлению развития военной промышленности. В Юго-Восточной Азии активную политику по развитию военно-промышленного комплекса проводят Индонезия, Филиппины, Малайзия, Мьянма, Вьетнам, Таиланд, но ни одной из этих стран, несмотря на отдельные успехи, не удалось близко подойти к уровню развития южнокорейской оборонной промышленности. Особенности экономического, исторического развития и конфликтной составляющей региона не позволили таким странам, как Камбоджа, Лаос, Восточный Тимор, активно развивать свой военно-промышленный комплекс.

С 2015 г. **Индонезия** является основным партнером и участником программы по разработке корейских истребителей KF-X¹. Предварительный контракт, подписанный 22 ноября 2015 г, подразумевает передачу Индонезии 50 единиц техники до 2025 г.

Кроме того, Индонезия закупила у РК 19 одномоторных турбовинтовых учебно-тренировочных самолетов (УТС) КТ-1 Wongbee по контрактам 1999 г.²

Также Индонезия подписала с Южной Кореей контракт на поставку 16 сверхзвуковых УТС FA-50\T-50 в мае 2011 г.³

В свою очередь Южная Корея закупила у Индонезии для нужд береговой охраны⁴ 4 двухдвигательных турбовинтовых самолета CN-235 в 2008 г. и 8 — в 2011 г.

По линии ВМС южнокорейская Daewoo Shipbuilding and Marine Engineering Co. (контракт 2004 г.) поставляет в Индонезию десантные корабли-доки типа Makassar (4 единицы) и по контракту 2011г — 3 подводные лодки типа Chang Bogo⁵.

Из бронетехники Индонезия закупает у Южной Кореи колесные бронированные машины Barracuda, Black Fox/Tarantulas. 44 единицы были законтрактованы у компании Doosan Infracore Co. LTD — DI в марте 2005 г. и поставлены к декабрю 2006 г. 22 бронемшины Black Fox/Tarantulas были законтрактованы у той же компании в апреле 2009 г. и поставлены к маю 2013 г.⁶

В ноябре 2016 г. Южная Корея (LIG Nex1) заключила с Индонезией (PT Len Industry) и, по неподтвержденным данным, с Турцией (Aselsan) соглашение о партнерстве в производстве систем радиосвязи тактического звена.

По последним данным, Республика Корея в 2011 г. поставила в Индонезию целую батарею 155-мм гаубиц КН-179⁷. В 2014 г. в ВС Индонезии поставили 105-мм гаубицы КН-178 в 3 артиллерийские батареи — по 6 единиц в каждую.

Филиппины — перспективный партнер в области ВТС Республики Корея в регионе. Сеул предпринял попытку сыграть на противостоянии Филиппин и Китая следующим образом: Южная Корея заключила с Филиппинами контракт на поставку партии из 12 единиц сверхзвуковых УТС FA-50 \T-50 и исполнила все обязательства по контракту к 31 мая 2017 г. Корейская компания Korea Aerospace Industries в 2014 г. подписала соответствующий контракт на сумму 359 млн долл. и даже согласилась поставить первые 2 единицы до конца 2015 г.⁸ В августе 2017 г. президент Филиппин лично заявил о планах закупить у Южной Кореи еще одну партию из 12 единиц УТС FA-50 в ближайшее время⁹. Кроме того, в том же 2015 г. Сеул безвозмездно отдал Маниле патрульный корабль, десантные плавучие средства и 16 надувных лодок¹⁰. Тогда же посол КНР в РК посетил Министерство иностранных дел и торговли с тем, чтобы выразить

решительный протест против предоставления Кореей Филиппинам также на безвозмездной основе патрульного катера водоизмещением 1200 т и десантного корабля. В таких условиях продажа Сеулом противолодочного корабля Маниле за символическую плату в 100 долл. США выглядит довольно циничным жестом по отношению к Пекину¹¹. Что касается колесных машин и бронетехники, то Kia Motors в 2016 г. поставила первые 2000 единиц легких бронированных машин, значительная часть которых представлена моделью KM450. В партию также вошли 120 единиц KM451, 2 единицы KM452, 250 единиц грузовых автомобилей KM250, 6 грузовых KM500 и тягачи для артиллерии. ВС Филиппин получили 12 трейлеров серии KM500, прицепы для перевозки тяжелых грузов¹².

Сотрудничество между **Камбоджей** и Республикой Корея активизировалось в последние годы, когда камбоджийские трудовые ресурсы хлынули на корейский рынок неквалифицированной рабочей силы и стали составлять конкуренцию рабочим мигрантам из Вьетнама и Таиланда. Существует вероятность, что Республика Корея выбрала вливание инвестиций и создание большого блока, в том числе и благотворительных программ, для того, чтобы составить противовес Китаю и превратить Камбоджу в своего стратегического партнера, способного лоббировать корейские интересы в регионе. О низком уровне взаимодействия по военной линии говорит хотя бы тот факт, что к 2016 г. самым значимым мероприятием в этой области является визит заместителя министра обороны Республики Корея Хван Ин Му. Первые информационные сообщения о поставках южнокорейского вооружения в Камбоджу относятся к 2010 г. Тогда Сеул подарил Пномпеню 188 единиц колесной техники, 66 единиц инженерной техники, несколько патрульных катеров. Вторая серия поставок прошла в 2012 г. Тогда Сеул поставил 212 единиц колесной и 29 единиц инженерной техники. В марте 2017 г. Камбодже были переданы 222 боевые машины, в том числе 208 грузовых автомобилей военного назначения и 14 инженерных транспортных средств¹³. Также с июля 2017 г. ожидается поставка 145 единиц транспортной техники и 2 патрульных катеров. Несмотря на тесные дружественные отношения между Камбоджей и КНДР, Камбоджа также закупает у Южной Кореи и стрелковое оружие.

Малайзия закупила у южнокорейской компании Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering Co Ltd 6 корветов типа MSC. Поставка ожидается в 2018 г., стоимость контракта достигает 1,2 млрд долл.¹⁴ Три корабля будут построены на верфи Окпо на острове Коджэдо, а три — на верфи Танчонагас в малайском г. Пекан (Паханг) при содействии корейских специалистов.

Прежде Куала-Лумпур заказал у южнокорейской компании Doosan 111 бронетранспортеров K-200 (KIFV)¹⁵ в 2009 г., и в 2017 г. появилась информация о заказе 22 единиц БМП K-21 (K-300 KNIFV), являющейся модернизированным аналогом предыдущей модели. Малайзия в последние годы активно стремится модернизировать свою военную технику для того, чтобы быть готовой к возможным конфликтным ситуациям в регионе (например — в Малаккском проливе).

Мьянма в последние годы активизирует экономическое партнерство с Республикой Корея и принимает участие в партнерских проектах по строительству объектов инфраструктуры.

Есть информация, свидетельствующая о наличии у Мьянмы более сотни гаубиц КН-179, однако каналы, по которым эти артиллерийские системы попали в Мьянму, достоверно неизвестны. Автор предполагает, что поставка могла быть произведена через Вьетнам или Китай. Важно отметить, что Мьянма, по крайней мере, до недавнего времени, вела активное военно-техническое сотрудничество и с КНДР, закупая там отдельные системы вооружения для надводных боевых кораблей.

Договоренность с **Лаосом** о взаимодействии в оборонной сфере и создании аппарата военного атташе Республики Корея во Вьентьяне была достигнута лишь 30 июня 2016 г. Также стороны договорились о сотрудничестве в таких областях, как военное образование и разминирование. Лаос и Республика Корея в свете последних событий на Корейском полуострове нашли взаимопонимание по вопросу необходимости денуклеаризации и прекращения исследований по северокорейской ядерной программе. До подписания во время визита бывшего президента Пак Кын Хе в 2016 г. договоренностей о взаимном деловом партнерстве во Вьентьяне Республика Корея не инвестировала большие суммы в экономику ЛНДР. Корейские финансовые вложения способствуют диверсификации лаосской экономики и

ослабляют ее зависимость от финансовых вливаний из Китая, Таиланда и Вьетнама. Однако до этого момента мы не располагаем никакой открытой информацией о взаимных или односторонних закупках ВиВТ этих стран.

Вьетнам и Южная Корея лишь в 2009 г. объявили о стратегическом партнерстве в военной сфере. Автор предполагает, что, закрепив свое присутствие во Вьетнаме в качестве военно-технического партнера, Корея сможет использовать свои позиции против Китая и поддержать Вьетнам в территориальных спорах в обмен на сотрудничество и поддержку по вопросу денуклеаризации Корейского полуострова.

Военно-техническое сотрудничество Республики Корея с **Таиландом** развивается медленно. В 2014 г. Таиланд законтрактовал у Южной Кореи 4 единицы сверхзвуковых УТС FA-50 \T-50 и дополнительно заказал еще 8 в июле 2017 г.¹⁶ (258 млн долл.). В 2013 г. заключено соглашение с Daewoo Shipbuilding and Marine Engineering Co. о постройке к 2016 г. фрегата проекта DW3000 на корейских верфях. Второй будет заложен и построен на тайских верфях позже при участии корейских специалистов. Сумма контракта составила, по разным оценкам, 410—466 млн долл. В сумму контракта включено строительство фрегата в Южной Корее и передача технологий, а также помощь при строительстве второго корабля на территории Таиланда.

Бруней имеет тесные экономические связи с Южной Кореей, которая является вторым по величине торговым партнером султана. Однако Бруней не испытывает потребности в продукции военного назначения корейского производства, так как его немногочисленная армия в достаточной степени оснащена европейской техникой. Корея же закупает у своего южного соседа нефть и газ. Таким образом, говорить о военно-техническом сотрудничестве между Брунеем и Республикой Корея преждевременно.

Сингапур также является крупным торговым партнером Сеула и активно развивает ряд направлений собственного ВПК (например, производство легкой бронетехники, снаряжения и т. д.), однако никак не взаимодействует со своим северным соседом по линии военно-технического сотрудничества.

Восточный Тимор только в 2002 г. обрел независимость от Индонезии и пока не обладает необходимыми экономическими ресурсами для развития собственного ВПК. Возможно, учитывая небольшие размеры этого государства и наличие ресурсной базы драгоценных металлов и нефти, Восточной Тимор пока не испытывает острой необходимости в закупках ВиВТ в современных условиях, а сосредоточит усилия на экономическом развитии. Охрана сухопутной границы между Восточным Тимором и Индонезией требует большого внимания, поскольку вопрос о ее демаркации окончательно не решен. Однако свободное перемещение людей и товаров между территорией Восточного Тимора и его анклавом позволяет предположить, что военная угроза со стороны ближайшего соседа стоит не так явно.

Вышеизложенные факты приводят автора к следующим **выводам**.

Несмотря на то, что не все страны ЮВА имеют средства и желание покупать южнокорейскую военную технику, все они представляют интерес с точки зрения распределения и ограничения взаимного влияния при расстановке сил в регионе. Такие страны, как Вьетнам, Индонезия и Филиппины, заинтересованы в ограничении влияния Китая в ЮВА. Для реализации этой цели и демонстрации своих военных возможностей необходима высокотехнологичная и надежная военная техника, которую с готовностью предоставит Республика Корея.

На данный момент наиболее перспективным партнером и, возможно, впоследствии конкурентом Южной Кореи представляется Индонезия, у которой достаточно финансовых ресурсов, но технологическая база пока развита недостаточно. Участие в совместных проектах по разработке ВиВТ позволит Индонезии в будущем развить собственный ВПК и расширить ассортимент продаваемой техники. В свою очередь, автор предполагает, что такое взаимовыгодное на данном этапе сотрудничество также окажет влияние на развитие корейского ВПК, стимулируя его рост и развитие, позволит выйти на новые рынки сбыта ВиВТ.

Южная Корея имеет опыт производства техники по американским и европейским лицензиям. На этой основе и при опоре на мощный промышленный потенциал страна перешла к самостоятельному проектированию военной техники и рассматривает разви-

тие ВПК как один из важнейших факторов роста своей экономики. При этом Южная Корея опирается на развитые политические связи в регионе.

На рынке ЮВА Южная Корея занимает сегмент поставщика авиатехники, боевых кораблей малого класса и колесной техники и вполне может составить конкуренцию России.

Индонезия, Филиппины, Малайзия и Таиланд высоко оценивают отраслевые компетенции ВПК Республики Корея и будут стремиться к достижению технологического паритета для обеспечения собственной конкурентоспособности на региональном рынке ВВТ.

Примечания

¹ Korea-Indonesia Deal Soal KF-X. URL: <https://www.jejaktapak.com/2015/11/24/korea-indonesia-deal-soal-kf-x/> (дата обращения: 26.09.2017).

² KAI KT-1 Wong Bee. URL: <http://worldmilitair.com/serials/serials%20k/kai%20010%200001.pdf> (дата обращения: 19.09.2017).

³ The Changing Military Balance in the Koreas and Northeast Asia. URL: https://books.google.ru/books?id=Jsd5CgAAQBAJ&pg=PA176&lpg=PA176&dq=Indonesia+Korea+FA-50+%5CT-50&source=bl&ots=ANjrPDNgRq&sig=Ld-_E-k2gNRAidsouxOfVtCQQGc&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjmwuLeiZnXAhWpIpoKHf-fAEgQ6AEIaDAM#v=onepage&q=Indonesia%20%20Korea%20FA-50%20%5CT-50&f=false (дата обращения: 27.09.2017).

⁴ *Баранов М.* Оборонная промышленность Индонезии: дремлющий гигант // Новые военно-промышленные державы; под ред. Р.Н. Пухова. Центр анализа стратегий и технологий. М., 2016. С. 41.

⁵ Там же. С. 48.

⁶ Country data. URL: <http://www.army-guide.com/eng/countrys.php?countryID=50> (дата обращения: 25.09.2017).

⁷ Indonesian Army to train for the first time with its KH-179 155mm howitzer. URL: https://www.armyrecognition.com/march_2015_global_defense_security_news_uk/indonesian_army_to_train_for_the_first_time_with_its_kh-179_155mm_howitzer.html (дата обращения: 23.08.2017).

⁸ South Korea, Philippines Deepen Military Ties. URL: <https://thediplomat.com/2015/09/south-korea-philippines-deepen-military-ties/> (дата обращения: 26.08.2017).

⁹ Philippines Plans To Buy 12 More FA-50 Fighters From South Korea. URL: http://www.defenseworld.net/news/20171/Philippines_Plans_To_Buy_12_More_FA_50_Fighters_From_South_Korea#.WfiwMY-0PMw (дата обращения: 27.09.2017).

¹⁰ Philippines, South Korea Eye Stronger Partnership Amid Chinese Protests. URL: <https://thediplomat.com/2014/12/philippines-south-korea-eye-stronger-partnership-amid-chinese-protests/> (дата обращения: 20.08.2017).

¹¹ South Korea gives anti-submarine warship to Philippines, for \$100. URL: <https://www.reuters.com/article/us-philippines-southkorea/south-korea-gives-anti-submarine-warship-to-philippines-for-100-idUSKBN17T1AA> (дата обращения: 19.09.2017).

¹² Korea offers Light Tactical Vehicle for Philippine army. URL: <http://defence-blog.com/army/korea-offers-light-tactical-vehicle-for-philippine-army.html> (дата обращения: 20.09.2017).

¹³ South Korea Delivers Military Vehicles to Cambodia. URL: <https://thediplomat.com/2017/03/south-korea-delivers-military-vehicles-to-cambodia/> (дата обращения: 21.09.2017).

¹⁴ DSME signs contract to deliver 6 Missile Surface Corvettes (MSC) to Royal Malaysian Navy. URL: <http://www.navyrecognition.com/index.php/news/defence-news/year-2014-news/november-2014-navy-naval-forces-maritime-industry-technology-security-global-news/2199-dsme-signs-contract-to-deliver-6-missile-surface-corvette-s-msc-to-royal-malaysian-navy.html> (дата обращения: 23.09.2017).

¹⁵ K200 KIFV Infantry Fighting Vehicle (IFV). URL: https://www.militaryfactory.com/armor/detail.asp?armor_id=578 (дата обращения: 27.08.2017).

¹⁶ Thailand approves \$258-million purchase of South Korean fighter jets. URL: <https://www.reuters.com/article/us-thailand-southkorea-defense/thailand-approves-258-million-purchase-of-south-korean-fighter-jets-idUSKBN19W0R9> (дата обращения: 27.09.2017).

*Киреева Анна Андреевна,
кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения,
научный сотрудник Центра комплексного китаеведения
и региональных проектов МГИМО МИД России*

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И ЯПОНИИ В УЛУЧШЕНИИ ОТНОШЕНИЙ И ОГРАНИЧЕНИЯ РОССИЙСКО-ЯПОНСКОГО СБЛИЖЕНИЯ*

Аннотация. Рассмотрен период улучшения отношений между Россией и Японией, начавшийся в мае 2016 г. Проанализированы интересы обеих стран в сферах политики, безопасности и экономики. Выделены ограничения с точки зрения каждой из стран на пути российско-японского сближения. Рассмотрены вопросы сотрудничества в сфере политики и безопасности, подписания мирного договора и решения территориального вопроса, экономического взаимодействия, совместной хозяйственной деятельности на Курильских островах, общественного мнения и др.

Ключевые слова: Россия, Япония, российско-японские отношения, Синдзо Абэ, Восточная Азия, Дальний Восток.

С 2016 года в отношениях между Россией и Японией наступил период значительного улучшения. В мае 2016 г. во время визита премьер-министра Японии С. Абэ и его переговоров с президентом РФ В.В. Путиным в г. Сочи он предложил «новый подход» к территориальной проблеме, который был бы свободен от идей прошлого. По-

---

* Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 16-03-00602.

мимо этого, он также обозначил план экономического сотрудничества Японии и России из 8 пунктов, включающий сотрудничество по развитию городской инфраструктуры, созданию «умных городов», здравоохранения, малого и среднего бизнеса, энергетики, промышленности, передовых технологий и инноваций, а также увеличение гуманитарных обменов. Во время визита С. Абэ на Восточный экономический форум в г. Владивосток в сентябре 2016 г. он предложил президенту РФ совместно развивать Дальний Восток, продвигать повестку из 8 пунктов сотрудничества и посещать Восточный экономический форум ежегодно.

Визит В.В. Путина в Японию в декабре 2016 г. принес ряд договоренностей, среди которых следует особенно выделить договоренность начать консультации о совместной хозяйственной деятельности на оспариваемых Японией Курильских островах без ущерба для позиций обеих сторон по мирному договору. Лидеры обеих стран подтвердили необходимость заключения мирного договора. По мнению российского президента, с этой целью необходимо создать атмосферу доверия и сотрудничества, чему в свою очередь должны послужить договоренность о совместной хозяйственной деятельности на островах и развитие экономического сотрудничества между странами¹. Рабочий визит С. Абэ в Москву в апреле 2017 г. был нацелен на планомерное выполнение ранее достигнутых договоренностей. На уровне МИД начались консультации по данному вопросу. Стороны согласовали План совместной работы и масштабный перечень из 80 приоритетных двусторонних экономических проектов.

6—7 сентября 2017 г. во Владивостоке прошел III Восточный экономический форум, посвященный развитию Дальнего Востока, который посетил премьер С. Абэ. Во время пресс-конференции по итогам двусторонней встречи президент В.В. Путин отметил восстановление диалога между Россией и Японией в сфере политики и безопасности. Премьер-министр С. Абэ обозначил пять намеченных для скорейшего осуществления проектов: аквакультура, создание тепличных хозяйств, разработка туристических программ, строительство ветряных электростанций и утилизация мусора. В добавление к более чем 100 соглашениям различного уровня, на ВЭФ в 2017 г. было подписано более 50 новых межведомственных и коммерческих соглашений².

Интересы России при улучшении отношений с Японией состоят в следующем:

1. Прежде всего Россия заинтересована в наращивании экономического сотрудничества, инвестициях, высоких технологиях и инновациях. Япония представляется как ключевой партнер для развития и модернизации Дальнего Востока. Развитие Дальнего Востока объявлено в качестве ключевого приоритета России на XXI век. В особенности, после введения странами Запада санкций против России потребность в развитии связей с азиатскими странами только увеличилась. Значимость Японии как наиболее развитой азиатской державы, обладающей значительным высокотехнологическим потенциалом, сложно переоценить.

2. Руководство России заинтересовано в разрешении ключевых проблем в отношениях с Японией — подписании мирного договора и разрешения территориального вопроса, так как эти проблемы постоянно выносятся на официальный уровень как главные проблемы отношений двух стран.

3. Россия стремится диверсифицировать отношения с региональными партнерами в Восточной Азии для реализации поворота на Восток и придания ему большего баланса. Несмотря на усиление стратегического партнерства с Китаем и экономических отношений с ним, для эффективной восточноазиатской политики и сохранения автономности позиций необходимо параллельное развитие отношений с другими региональными игроками, и прежде всего с Японией. Это может способствовать тому, чтобы усиление экономических отношений с Китаем будет сбалансировано отношениями с другими региональными игроками. В конечном счете, это позволит России усилить свои позиции в качестве ведущей державы в Восточной Азии и самостоятельного игрока³.

4. Россия видит свой интерес в сотрудничестве по вопросам безопасности со всеми ключевыми игроками на Корейском полуострове, в том числе и с Японией, и призывает к возобновлению многосторонних переговоров.

Ограничения на пути улучшения отношений:

1. С точки зрения России, для заключения мирного договора и решения территориального вопроса необходимо создать атмосферу доверия в отношениях двух стран, но это само по себе — длительный

процесс. Невозможно сходу подписать мирный договор и решить территориальный вопрос, если и так в течение длительного времени по этому вопросу не было никаких подвижек, а отношения двух стран еще больше осложнились в 2014—2016 гг., когда Японией были введены санкции.

2. Хотя большинство россиян не относятся к Японии негативно, в то же время они не согласны на территориальные уступки Японии, так как Курильский вопрос рассматривается как результат Второй мировой войны и вопрос, полностью решенный по ее итогам. Согласно опросам общественного мнения, проведенным в августе 2016 г., большинство россиян (78 %) не согласны ни на какие территориальные уступки по отношению к Японии.

3. Стратегическое партнерство с Китаем позиционируется Россией как ключевое направление восточноазиатской политики России. Достижение высокого уровня доверия и сотрудничества обеих стран в сфере политики и безопасности, основанных на общих интересах, предопределяет невозможность принятия Россией антикитайских мер.

4. В японской политике всегда существовала негласная увязка масштабного расширения экономического сотрудничества и японских инвестиций с решением территориального вопроса в той форме, которая устроила бы основные политические силы в Японии (возвращение четырех островов сразу или по формуле «два плюс альфа»). Премьер-министр С. Абэ пошел на изменение японской политики: если раньше масштабное расширение экономического сотрудничества с Россией увязывалось с предварительным условием решения территориального вопроса на японских условиях, то сейчас проведение японским премьером политики по целенаправленному развитию экономических контактов с Россией рассматривается как стимул для занятия Россией более компромиссной позиции по вопросу спорных территорий. Тем не менее, ключевая цель политики по расширению экономического сотрудничества с Россией С. Абэ остается прежней — это решение территориального вопроса. Россия стремится к улучшению отношений самих по себе, но привязка экономического сотрудничества и территориального вопроса является для нее неприемлемой.

5. Россия больше Японии заинтересована в экономическом сотрудничестве, в особенности в привлечении инвестиций. Препятствием на пути углубления российско-японского сотрудничества могут стать структурные проблемы российской экономики и государственного управления, в первую очередь, высокая степени бюрократизации, несовершенство правовой системы и правоприменительной практики. Западные санкции против России и волатильность курса рубля также указываются в качестве факторов, негативно влияющих на бизнес-климат. Структура торговли России и Японии является несбалансированной: около 70 % российского экспорта в Японию составляет нефть и газ, а 50 % импорта — японские автомобили⁴. Кроме того, Россия стремится получить широкомасштабные японские инвестиции и реализовать крупномасштабные проекты, тогда как Япония проявляет осторожность и вследствие сложностей бизнес-климата готова на претворение в жизнь ряда отдельных проектов, которые могли бы стать историями успеха и проложить дорогу для более масштабных инвестиций. Японскому премьеру будет сложно обосновать крупные проекты с Россией перед своим населением в условиях преобладающего негативного восприятия России и невысокого уровня экономического сотрудничества.

6. В качестве основного противоречия между сторонами выделяется отсутствие консенсуса по вопросу правовой базы совместной хозяйственной деятельности. Российская позиция базируется на том, что это территория России и подобная деятельность может вестись только в соответствии с российским законодательством.

7. В России отсутствует серьезная заинтересованность в Японии на уровне элиты. В качестве ключевого политика, который продвигает повестку развития отношений с Японией, называется президент В.В. Путин.

8. Россия выступает против размещения американской ПРО Aegis Ashore в Японии, размещения ПРО THAAD в Республике Корея как мер, нарушающих стратегический баланс и представляющих собой непропорциональный ответ на действия КНДР. Позиция России состоит в том, что она выступает против силового варианта решения и продвигает российско-китайскую дорожную карту поэтапного урегулированию проблем Корейского полуострова, в частности, на-

стаивает на «двойной заморозке» и возобновлении шестисторонних переговоров.

Интересы Японии при улучшении отношений с Японией состоят в следующем:

1. Ключевая цель премьер-министра С. Абэ — решить территориальный вопрос. Премьер С. Абэ заинтересован в том, чтобы подвести черту под итогами Второй мировой войны и войти в историю как политик, решивший ключевой территориальный вопрос. Семейное наследство, оставленное отцом премьера Абэ Синтаро, в качестве министра иностранных дел Японии, выступавшего за улучшение отношений с СССР и заложившего основу их нормализации, также играет свою роль⁵.

2. Япония заинтересована в сохранении и усилении своей роли в балансе сил в Восточной Азии в качестве одного из ключевых центров силы в регионе и одного из региональных лидеров. Диверсификация отношения с различными странами позволяет Японии усиливать автономность своего внешнеполитического курса, а позиция администрации Д. Трампа в США на современном этапе не препятствует улучшению отношений России и Японии.

3. Япония стремится не допустить слишком сильного российско-китайского сближения и совместных действий на антияпонской основе. В целом, Япония стремится увидеть в России, по меньшей мере, нейтрального наблюдателя в японо-американском конфликте с Китаем и стремится не допустить сближения России и Китая на антияпонской основе — реализации сценария «ночного кошмара» для Японии. Военная угроза со стороны России всерьез Японией не рассматривается, но военная модернизация российского потенциала на Курильских островах, российско-китайское сближение в сфере безопасности и совместные маневры в регионе, например, в Японском море или в исключительной экономической зоне Японии, вызывают обеспокоенность в Токио. Сближение с Россией в этом контексте — логичный и оправданный с точки зрения геополитики ход, позволяющий улучшить ситуацию в области безопасности на севере и сосредоточить усилия на других направлениях, прежде всего на юго-западном.

4. Япония заинтересована в сотрудничестве с Россией по вопросам безопасности на Корейском полуострове, так как Россия поддерживает рабочие контакты с КНДР.

5. В Японии существует интерес в экономическом сотрудничестве с Россией, прежде всего в энергетике. В настоящее время в связи с целенаправленными усилиями соответствующих государственных органов происходит установление контактов, при котором японский бизнес открывает для себя российский рынок и рассматривает возможность реализации проектов в различных сферах.

Ограничения на пути улучшения отношений:

1. Японская элита в большинстве остается ориентирована на США, и даже в правящей Либерально-демократической партии Японии далеко не все разделяют взгляды С. Абэ. В ней отсутствуют другие яркие сторонники сближения и улучшения отношений с Россией. Помимо этого, соблюдение Японией санкционного режима странами G7 накладывает определенные ограничения на экономическую деятельность.

2. Альянс с США рассматривается Японией как главная опора внешней политики и главное средство противодействия угрозам безопасности. В случае эскалации конфликтов с участием КНР или КНДР отношения с США будут для Японии намного важнее, чем любые действия совместно с Россией.

3. В Японии в целом превалирует негативное отношение к России, а также отсутствует общественная поддержка улучшения отношений с Россией. Длительное время стереотипы по поводу «северных территорий» как акта агрессии со стороны СССР политизировались в японском обществе и стали частью имиджа России. Помимо этого, негативный фон создают искусственно подогреваемые СМИ завышенные ожидания, которые сменяются разочарованием.

4. Значимым препятствием являются сложности бизнес-климата и невысокая инвестиционная привлекательность России, структурные проблемы экономики. Для реализации подписанных соглашений требуются улучшения условий деятельности японских инвесторов и бизнес-климата в России. Помимо этого, узость рынка Дальнего Востока предопределяет необходимость нахождения таких ниш, в которых продукция могла бы экспортироваться.

5. С японской точки зрения, совместная хозяйственная деятельность невозможна под юрисдикцией России, так как это будет означать подтверждение ее суверенитета. Помимо этого, Япония крайне обеспокоена созданием территории опережающего развития «Юж-

ные Курилы» с площадкой на о. Шикотан. Участие в данном проекте бизнесменов из Китая и Южной Кореи с точки зрения Японии поставит под вопрос уникальный характер совместной хозяйственной деятельности как шага на пути заключения мирного договора.

6. Япония неоднократно выражала озабоченность по поводу размещения дивизий и ракетных комплексов на Курильских островах.

7. Возможности достижения компромисса по вопросу безопасности на Корейском полуострове и развития ракетно-ядерной программы КНДР также ограничены, так как Япония выступает за более жесткий подход к КНДР, усиление давления и санкций, полностью поддерживает США вплоть до силового варианта и полагает, что сейчас не время для переговоров⁶.

Подведение итогов совпадающих интересов и ограничителей показывает, что в отношениях России и Японии присутствует значительное количество интересов, которые подталкивают страны к улучшению отношений друг с другом. В то же время современное российско-японское сближение является крайне хрупким и способно дать плоды только в случае длительных и целенаправленных усилий со стороны обеих стран.

Примечания

¹ Стрельцов Д.В. По восходящей. Итоги саммита В. Путина и С. Абэ // РСМД. 19.12.2017. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ro-voskhodyashchey-itogi-sammita-v-putina-i-s-abe/> (дата обращения: 22.12.2016).

² Заявления для прессы по итогам переговоров с премьер-министром Японии Синдзо Абэ // Президент России. 07.09.2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55555> (дата обращения: 07.09.2017).

³ Россия и страны Востока в постбиполярный период / под ред. Д.В. Стрельцова. М., 2014. С. 6—11, 274—291; Киреева А.А. Отношения России со странами Восточной Азии: новые вызовы и возможности // Вестник МГИМО(У). 2014. № 3. С. 9—19.

⁴ Стрельцов Д.В. Российско-японские торгово-экономические отношения: есть ли новая точка опоры? // Вестник МГИМО(У). 2016. № 1. С. 93—105.

---

⁵ *Brown J.D.J.* Japan's Russia Policy: Looking Back on 2016 and Ahead to 2017 // The ASAN Forum. 10.02.2017. URL: <http://www.theasanforum.org/japans-russia-policy-looking-back-on-2016-and-ahead-to-2017/> (дата обращения: 15.02.2017).

⁶ *Киреева А.А., Сущенко А.А.* Российско-японское сближение: возможности и ограничения. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». Август 2017. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/reports/rossiysko-yaponskoe-sblizhenie-vozmozhnosti/> (дата обращения: 01.09.2017).

Добринская Ольга Алексеевна,

кандидат исторических наук, старший преподаватель

Дипломатической академии МИД России,

научный сотрудник ИВ РАН

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭВОЛЮЦИИ ЯПОНО-АМЕРИКАНСКОГО СОЮЗА БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Японо-американский союз безопасности является устойчивой структурой, на протяжении более 60 лет обеспечивающей защиту Японии и региональную стабильность. За время существования союз претерпевает значительную трансформацию, особенно очевидную после окончания холодной войны. Эволюция альянса заключается в изменении географических границ его действия, повышении роли как ядра многостороннего сотрудничества в АТР. Альянс охватывает всевозможные сферы обеспечения безопасности Японии, включая ее невоенные аспекты, а также является идейно-ценностным звеном, связывающим стороны.

Ключевые слова: японо-американский союз, безопасность, оборона, региональная стабильность, Восточная Азия.

Японо-американский военно-политический союз на протяжении нескольких десятилетий остается основой японской политики обеспечения национальной безопасности, а также одним из ключевых элементов обеспечения стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Начало союзническим отношениям было дано с подписанием Договора безопасности 1951 г. Сменивший его Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности 1960 г. является правовой основой альянса, целью которого были провозглашены защита Японии, а также поддержание мира и безопасности на Дальнем Востоке¹. Текст договора 1960 г. остается неизменным по сей день, однако союз претерпевает значительные изменения, о чем свидетельствует содержание ключевых документов, определяющих направления его деятельности. Изменения, касающиеся сущности взаимодействия Японии и США, прежде всего, отражены в Руководящих принципах оборонного сотрудничества, а также в ряде документов политического характера, таких, как двусторонние декларации на высшем уровне и совместные стратегические цели.

Основным фактором, определяющим вектор развития двусторонних отношений, является изменение международной среды безопасности, особенно стремительное в период 1990—2010 гг. После распада СССР исчезла «советская угроза», долгие годы определявшая приоритеты японо-американского военного сотрудничества. В то же время завершение существования стабильной системы глобального противостояния СССР и США привело к появлению новых и обострению старых конфликтов в АТР. Япония столкнулась с новыми вызовами и угрозами безопасности, такими, как ракетно-ядерная проблема КНДР, наращивание Китая военного потенциала и его наступательная внешняя политика в регионе. В глобальном плане среда безопасности не только характеризовалась возникновением новых очагов напряженности, но и появлением новых вызовов безопасности (например, распространение оружия массового поражения, международный терроризм), а также повышением значимости ее невоенных аспектов.

Существенное влияние на трансформацию альянса оказывает эволюция стратегии США в Азии. Официальное начало переоценке роли и функций союза было провозглашено 17 апреля 1996 г., с подписанием Совместной декларации по вопросам безопасности. В ней стороны подтвердили, что японо-американские отношения являются «краеугольным камнем в деле поддержания стабильности и процветания в АТР» и представляют собой существенный эле-

мент поддержки американского присутствия в Азии. США выразили намерение оставить в регионе 100-тысячный контингент, а Япония подтвердила готовность и далее финансировать содержание американских баз на своей территории. В русле этого понимания развивалось дальнейшее сотрудничество, направленное на повышение эффективности совместной деятельности вооруженных сил двух стран. Одновременно шла работа по выстраиванию комплекса общих внешнеполитических приоритетов, что нашло отражение в принятии в 2005 г., 2007 г. и 2011 г. Общих стратегических целей — программных политических документов, определяющих зоны совместных интересов в АТР и в мире. Процесс трансформации союза получил значительный импульс в 2010-е гг. в связи с реализацией администрацией Б. Обамы курса на «разворот в Азию», который обозначил намерение усилить военное, экономическое и политическое присутствие в регионе и повысить уровень взаимодействия с союзниками США.

К факторам внутреннего характера можно отнести эволюцию восприятия населением Японии угроз безопасности и, соответственно, необходимости изменить оборонную политику страны с тем, чтобы иметь возможность адекватно реагировать на эти угрозы. Если еще несколько десятилетий назад широкое обсуждение реальных перспектив отправки сил самообороны за рубеж и применения ими вооруженной силы в каком-либо формате было немыслимо, то сегодня подобные темы становятся предметом активных дискуссий. В обществе меняется отношение к вопросам обороны и безопасности, что играет на руку тем консервативным кругам, которые выступают за снятие послевоенных ограничений на оборонную политику страны под лозунгом превращения ее в «нормальное государство». Сильная в военном плане Япония, безусловно, становится более ценным союзником США и одновременно повышает свой вес в принятии решений, касающихся функционирования альянса. В то же время и крепкие союзнические отношения с Вашингтоном необходимы Токио для демонстрации своей растущей роли в регионе.

За годы существования альянс претерпевает значительные изменения, касающиеся его роли в обеспечении безопасности и миссий, выполняемых его участниками. В рамках этого процесса можно выделить несколько направлений.

За годы существования альянса географическая зона его ответственности постепенно расширялась, и сегодня он теоретически может быть задействован в любой точке земного шара. Первоначально в зоне его действия находились непосредственно территория Японии, а также район Дальнего Востока. Эти границы были пересмотрены в 1997 г., когда новые Руководящие принципы определили зону действия альянса как «прилегающие к Японии районы», рубежи которых четко определены не были. За основу был принят ситуационный, а не географический принцип функционирования механизма альянса, т. е. акцент был перенесен на степень серьезности чрезвычайной ситуации с точки зрения ее безопасности Японии. В Руководящих принципах 2015 г. какие-либо географические ограничения на деятельность альянса были полностью сняты, и теперь единственным критерием необходимости использования альянса является степень влияния ситуации на безопасность Японии.

Одновременно с расширением границ возможных совместных действий наблюдается тенденция **увеличения частоты международного взаимодействия** вооруженных сил США и Японии. Силы самообороны приняли участие в операциях в Афганистане в 2001 г. и в Ираке в 2003 г. Хотя это участие и носило ограниченный характер, был создан прецедент отправки сил самообороны за рубеж для поддержки «коалиций единомышленников», что вывело международное сотрудничество на новый уровень. Можно говорить о том, что складывается определенная модель взаимодействия Японии с другими государствами в деле урегулирования конфликтов, когда Япония занимается постконфликтным восстановлением и проектами в сфере «безопасности человека», а другие участники коалиции берут на себя военную составляющую. Больше возможностей для международного взаимодействия открывается с принятием в сентябре 2015 г. постоянного закона, позволяющего отправлять силы самообороны за рубеж для участия в обеспечении мира. Если раньше каждый отдельный случай их отправки за рубеж требовал принятия отдельного закона, то принятие нового закона упростит и повысит скорость принятия решений в случае необходимости поддержки США и их союзников в ситуациях, не имеющих прямого отношения к безопасности самой Японии.

Новые направления обеспечения безопасности, значение которых возросло сравнительно недавно, также вошли в сферу ответственности альянса. Можно сказать, что он **охватывает все возможные сферы обеспечения безопасности**, включая взаимодействие в космосе, кибер-пространстве, обеспечение безопасности на море, борьбу с пиратством и др. Таким образом, он превращается в универсальный механизм, способный предотвращать любые возникающие угрозы и давать ответ на вызовы широкого плана. Параллельно этой тенденции наблюдается **расширение спектра ситуаций**, на которые он распространяется. Изначально задачи альянса заключались в предотвращении агрессии против Японии, отражении нападения на Японию, а также в осуществлении двустороннего взаимодействия в случае конфликта на Дальнем Востоке. Руководящие принципы оборонного сотрудничества 1997 г. фактически перенаправили его с узкой задачи обеспечения защиты Японии на мониторинг обстановки в регионе². Пересмотр Руководящих принципов в 2015 г. конкретизировал порядок взаимодействия сторон не только в случае военной агрессии или в чрезвычайных ситуациях, представляющих угрозу Японии, но и в ситуациях мирного времени, а также в «серых зонах» безопасности, которые не являются ни миром, ни войной. Именно эти «серые зоны», к которым можно отнести противостояние с Китаем в районе спорных островов Сэнкаку (Дяюйдао) в Восточно-Китайском море (ВКМ), являются предметом особого беспокойства Токио. Включение «серых зон» безопасности в сферу ответственности альянса является сигналом Китаю о том, что Токио намерен проявить настойчивость в отстаивании своих интересов в районе ВКМ при поддержке со стороны Вашингтона.

Расширение ситуационной составляющей альянса сопровождается выводом на новый уровень **координации совместных действий**, укреплением оперативного планирования. Эксперты отмечают, что между Японией и США отсутствует постоянный интегрированный командный механизм, подобный тому, что существует в НАТО или в американо-южнокорейском союзе³. В 1997 г. Токио и Вашингтон учредили механизм двустороннего планирования, однако он был рассчитан только на взаимодействие в ситуациях, касающихся угрозы нападения на Японию. Во время ликвидации последствий землетрясения и аварии на АЭС Фукусима в марте 2011 г. использовать

этот механизм оказалось невозможно, что высветило слабые стороны двустороннего взаимодействия. В 2015 г. был создан новый механизм координации альянса, который, во-первых, охватывает более широкий спектр ситуаций, чем прежний, во-вторых, основан на новом подходе, предполагающем усиленное межведомственное взаимодействие, т. е. вовлечение не только сил самообороны, но и других структур, имеющих отношение к обеспечению безопасности.

В процессе трансформации характера альянса **увеличивается его роль как ядра многостороннего взаимодействия** в АТР, прежде всего в минимногосторонних форматах. Союз был дополнен трехсторонним диалогом в сфере безопасности и обороны с Австралией, с Южной Кореей, развивается механизм взаимодействия США-Япония-Индия. Развиваются двусторонние связи в сфере безопасности между Японией и другими союзниками США. Соглашение об обмене разведывательной информацией подписано с Южной Кореей в ноябре 2016 г., с Австралией у Японии с 2014 г. существует договор о военно-техническом сотрудничестве, планируется подписание договора о совместных военных учениях. Наблюдается сближение Японии с Филиппинами и Вьетнамом на почве противодействия наступательной политике Китая в Южно-Китайском море. Альянс обрывает до-полнительными механизмами сотрудничества между американскими союзниками в регионе и за его пределами.

Динамично развиваются отношения Японии с союзниками США за пределами АТР. В 2013 г. Япония и НАТО подписали политическую декларацию, на основе которой была принята индивидуальная программа партнерства, включающая сотрудничество в сфере безопасности, осенью 2014 г. были проведены первые совместные учения. В 2017 г. Япония и Великобритания заключили соглашение о поставках и техническом обслуживании (такое соглашение есть у Японии только с США и Австралией), проводят совместные учения, занимаются изучением совместных военно-технических разработок. Япония участвует в многосторонних проектах по производству вооружений и военных технологий, которые могут использоваться при создании системы противоракетной обороны в Европе.

Повышается **значение альянса как провайдера нетрадиционной безопасности**. Совместная операция «Друзья» по ликвидации последствий тройного бедствия в Японии в марте 2011 г. продемонст-

рировала населению Японии значимость союзнических отношений. Стороны неоднократно подчеркивали роль альянса в гуманитарной сфере, в частности, в борьбе с ликвидацией последствий стихийных бедствий. Развитие этого направления деятельности альянса в региональном масштабе потенциально будет подкреплять его позитивную роль в АТР и способствовать поддержанию благоприятного имиджа.

Японо-американский союз представляет собой не только механизм осуществления возможных военных действий, мер по предотвращению угроз, но и претендует на универсальный характер, несет определенную **идейно-ценностную нагрузку**. Тезис о том, что альянс основывается не только на противостоянии общим угрозам, но и на распространении фундаментальных ценностей универсального характера, находит отражение не только в двусторонних декларациях, например, в принятой в июне 2006 г. декларации «Японо-американский альянс нового века», но и в японских официальных документах. В Белых книгах по обороне утверждается, что «японо-американский альянс играет все более важную роль в продвижении общих фундаментальных ценностей в международном сообществе, таких, как демократия, верховенство закона, уважение к правам человека и экономика капиталистического типа»⁴.

* * *

Японо-американский союз является стабильной структурой, которая обеспечивает присутствие США и поддержание баланса сил в регионе, а также является неотъемлемым условием укрепления региональной роли Японии. Происходящие внутри альянса процессы приводят к усилению его потенциала сдерживания Китая и КНДР, повышения роли как гаранта поддержания статус-кво в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Союз является не только механизмом отражения агрессии против Японии, обеспечения национальной безопасности в узком понимании, но и претендует на роль гаранта статус-кво в регионе, выступает в качестве структуры, способной брать на себя ответственность по кризисному реагированию, решению гуманитарных проблем, ликвидации последствий стихийных бедствий. Гуманитарное измере-

ние могло бы повысить роль союза не только как инструмента сдерживания, но и как ядра взаимовыгодного сотрудничества между странами региона.

Процесс диверсификации связей в сфере безопасности, прежде всего в АТР, является для Токио определенной гарантией того, что вовлечение США в различные мини-многосторонние форматы сотрудничества затруднит их возможный уход из региона. В то же время это позволит Японии налаживать военное сотрудничество с другими государствами в случае снижения внимания Вашингтона к проблемам безопасности в АТР.

Налаживание прочных связей Токио с европейскими союзниками Вашингтона позволяет говорить о том, что японо-американский союз постепенно становится звеном многосторонней сети взаимодействия в сфере обеспечения международной безопасности под эгидой США. Особое значение имеет участие Японии в многосторонних проектах военно-технического сотрудничества. Это не только способствует укреплению альянса, но и увеличивает влияние Японии на мировые дела.

С другой стороны, глобализация альянса повышает вероятность его использования в многосторонних действиях по урегулированию конфликтов, т. е. втягивания Японии в операции, не имеющие отношения к ее национальным интересам. Стоит отметить, что, несмотря на принятое в сентябре 2015 г. законодательство в сфере безопасности, использование сил самообороны по-прежнему носит ограниченный характер, что не позволяет считать Токио полноценным членом вероятных «коалиций единомышленников». Тем не менее, возможность осуществления вспомогательных функций, а также участия в постконфликтном восстановлении позволяет говорить о формировании системы «разделения труда» между Японией и другими странами, берущими на себя военную составляющую урегулирования международных конфликтов.

Изменяющийся характер союза позволяет Японии более эффективно предотвращать широкий спектр угроз безопасности и отвечать на новые вызовы. Военное сотрудничество является элементом, консолидирующим японо-американские отношения в целом, снижает их зависимость от политической и экономической конъюнктуры.

Примечания

¹ Treaty of mutual cooperation and security between Japan and the United States of America. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/q&a/ref/1.html> (дата обращения: 1.11.2017).

² Подробней см.: *Добринская О.А.* Расширение законодательной базы оборонной политики Японии // *Япония 2004—2005. Ежегодник.* С. 31—47.

³ East Asian strategic review. The national institute for defense studies. Tokyo, 2016. P. 312.

⁴ Defense of Japan. 2012. Tokyo, 2012. P. 220.

*Вода Кристина Рудольфовна,
кандидат политических наук, младший научный сотрудник
Центра азиатско-тихоокеанских исследований
Института мировой экономики и международных отношений РАН*

АЗИАТСКИЕ СЕТИ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ*

Аннотация. В Азии в начале XXI века получили распространение форматы сетевого взаимодействия экспертно-аналитических центров. Сетям «мозговых центров» присущи следующие характеристики. Во-первых, наличие «якорной» организации. Большинство азиатских сетей мозговых центров создавалось для поддержки по второму треку таких региональных институтов, как АТЭС, АСЕАН +3, Региональный форум АСЕАН и т. д. Во-вторых, сети, как правило, опираются на узловые «мозговые центры», участвующие в формате на постоянной основе. В-третьих, работа сетей имеет устойчивый и регулярный характер. В-четвертых, сохраняется преемственность повестки обсуждений.

Рассмотрены тенденции в области развития структур экспертно-аналитического сообщества. Даны выводы о потенциале влияния России на идейно-политические процессы в АТР.

Ключевые слова: мозговые центры, АТР, АТЭС.

Структуры научно-экспертного сообщества по всему миру играют все более значимую роль в идейно-политических процессах, свя-

---

* Подготовлено при поддержке РНФ, проект № 15-18-30069.

занных с дипломатией и международными отношениями. На государственном и международном уровне все большее влияние приобретают производимые ими идеи и концепции — они становятся частью стратегий внешней политики и безопасности государств, включаются в документы международных организаций. В условиях неравномерного развития экономической и политической глобализации и высокой подвижности структуры современного мироустройства повышаются практическая значимость и востребованность аналитики и экспертизы высокого уровня. В силу этого «мозговые центры» становятся не просто структурами аналитического обеспечения деятельности органов государственной власти, но и важными участниками процесса выработки и принятия решений. Они сами выступают в качестве субъектов международной политики как структуры, осуществляющие идейное влияние и дипломатию «второго трека».

В научной литературе уделяется значительное внимание тому, как экспертно-политическое сообщество воспринимает глобальные экономические, политические процессы и тенденции в сфере международной безопасности, а также тому воздействию, которое индустрия политических идей и экспертизы оказывает на формирование и концептуальное обоснование внешней политики ведущих государств. Ключевое значение для исследования темы имели работы Дж. МакГанна¹, Р. Хааса² и Д. Абельсона³, посвященные изучению роли структур экспертного сообщества — экспертно-аналитических («мозговых») центров в формировании и осуществлении внешней политики ведущих держав и в международных отношениях. Влиянию экспертного сообщества на процесс выработки и принятия внешнеполитических решений, а также на разработку стратегий национальной безопасности различных стран уделяли внимание также такие авторы, как Г. Киссинджер⁴, Р. Киохейн⁵, Дж. Най⁶. Американские политологи Э.М. Слотер⁷ и М. Мазовер⁸ уделяли специальное внимание изучению реакции научно-экспертного сообщества на трансформации политического и экономического миропорядка и процессы глобализации. Исследованию деятельности «мозговых центров» в Азии посвящено исследование Э. Циммерман⁹. В отечественной политической науке изучением деятельности структур экспертного сообщества и их влияния на внешнюю политику госу-

дарств и международные отношения в советский период занимались такие исследователи, как И.Я. Кобринская¹⁰, И.Л. Шейдина¹¹, а в 2000-е гг. — М.А. Хрусталева¹², И.А. Истомин¹³, Ф.Г. Войтоловский¹⁴ и др.

Исследование деятельности экспертно-аналитических структур в различных странах и регионах мира позволило углубить понимание роли экспертного сообщества в выработке и принятии решений. С одной стороны, конкуренция идей, которую обеспечивает работа «мозговых центров», дает правительствам спектр различных подходов и решений. Они могут выбирать из этих идей то, что в наибольшей степени соответствует сложившемуся в данный момент пониманию государственных приоритетов, а также может быть приемлемо для наиболее влиятельных групп интересов. С другой стороны, экспертно-аналитические центры способны целенаправленно воздействовать на выработку и принятие ключевых решений посредством регулирования потока циркулирующих в мировом политическом пространстве идей и представлений¹⁵.

Одной из доминирующих тенденций последнего времени является транснационализация в интеллектуальной сфере. Ее проявлением стало возникновение с начала 2000-х гг. национальных, региональных и глобальных структур, обретающих форму сетевых объединений, в которые входят экспертно-аналитические центры.

К настоящему времени за рубежом накоплен определенный опыт диалога между экспертно-аналитическими центрами разных стран по целому ряду глобальных и региональных проблем и кризисных явлений в области мировой экономики и международной безопасности. В рамках такого сотрудничества регулярно проходят международные конференции, посвященные различным актуальным проблемам мировой политики. Наибольшую активность в этом проявляют организации США, Китая, Великобритании, Франции, Японии, Индии, Турции. Российские экспертно-аналитические центры также участвуют в процессах международного сотрудничества по данной тематике, однако преимущественно в качестве приглашенных участников.

Проведение регулярных международных конгрессов ведущих экспертно-аналитических центров отражает растущую роль экспертного сообщества в процессе выработки и принятия политических

решений и направлено на развитие взаимодействия между экспертно-аналитическими структурами различных стран и регионов мира. Работа международных конгрессов проводится для достижения следующих основных целей:

1) представление результатов исследований по актуальным проблемам глобального и регионального экономического и политического развития;

2) выработка рекомендаций для лиц, принимающих решения по значимым проблемам развития мировой экономики, инноваций, государственного управления, гражданского общества;

3) расширение международных научных связей; укрепление связей между ведущими экспертно-аналитическими центрами различных стран и регионов;

4) формирование в стране проведения конференции платформы для взаимодействия экспертно-аналитических центров;

5) создание региональных и глобальных сетей экспертно-аналитических центров;

6) укрепление взаимодействия между «мозговыми центрами», правительством и обществом;

7) улучшение эффективности аналитических и репрезентативных возможностей экспертно-аналитических центров; повышение качества экспертизы.

В Азии в начале XXI века получили распространение форматы сетевого взаимодействия экспертно-аналитических центров. Сетям азиатских «мозговых центров» присущи следующие характеристики. Во-первых, наличие «якорной» организации. Большинство азиатских сетей «мозговых центров» создавалось для поддержки по «второму треку» таких региональных институтов, как АСЕАН, АСЕАН + 3, Региональный форум АСЕАН по безопасности и т. д. Например, в 1993 г. был создан Азиатско-Тихоокеанский совет сотрудничества по безопасности (The Council for Security Cooperation in the Asia-Pacific, CSCAP) в качестве «второй дорожки» Регионального форума АСЕАН по безопасности. Формат представляет собой сеть из 20 национальных комитетов. В том числе такой комитет существует в России¹⁶.

Во-вторых, сети, как правило, опираются на узловые «мозговые центры», участвующие в формате на постоянной основе. Например,

в Сеть экспертно-аналитических центров стран Восточной Азии (Network of East Asian Think Tanks, NEAT), созданную в 2003 г. для экспертной поддержки саммитов АСЕАН +3, входят центры из 13 стран, которые имеют статус координирующих организаций. Они представлены, как правило, аффилированными с МИДами стран структурами, таким, как Китайская академия международных исследований (Chinese Institute of International Affairs), Институт международных отношений при МИД Вьетнама и др.¹⁷

В-третьих, работа сетей имеет устойчивый и регулярный характер. Благодаря этому между участниками создаются прочные контакты, вырабатывается общий лексикон в отношении обсуждаемой проблематики, создается привычка вести диалог, появляется чувство сопричастности к общему делу, что в итоге способствует снижению недоверия, повышению взаимопонимания и предсказуемости действий.

Четвертая характеристика — это преемственность повестки обсуждений. В Азии деятельность ведущих сетей «мозговых центров» сконцентрирована на создании и укреплении мер доверия и безопасности, что вызвано, во-первых, трансграничным характером проблем региональной безопасности, требующим коллективных действий для их решения. Во-вторых, неспособностью существующих официальных переговорных форматов адекватно реагировать на возникающие угрозы. В этих условиях азиатские сети «мозговых центров» смогли занять особую нишу. Они формируют идейно-политическое поле, где происходит отработка и выбор идей, которые затем используются при принятии решений на национальном и межгосударственном уровне.

В экономической сфере в условиях нарастания конкуренции между различными интеграционными проектами и форматами в Азии площадки сетей «мозговых центров» становятся аренами для продвижения ведущими игроками собственной интеграционной повестки. Например, Китай в дополнении к официальному переговорному процессу по заключению Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП) создал рабочую группу в рамках сети экспертно-аналитических центров стран Восточной Азии, где инициирует обсуждение особенностей продвигаемого им проекта с экспертным сообществом из стран — потенциальных участниц ВРЭП.

Россия и ее экспертно-аналитические структуры пока слабо представлены в сетевом взаимодействии «мозговых центров» в Азии, что отрицательно сказывается на потенциале влияния России на идейно-политические процессы в регионе. В рамках комплексного подхода к политике «разворота на Восток» Россия могла бы не только наращивать присутствие в уже существующих площадках, но и предлагать новые форматы сетевого взаимодействия. К примеру, российские «мозговые центры» могли бы активизировать сотрудничество с экспертными центрами АСЕАН, а также принять участие в создании сети «мозговых центров» стран Восточноазиатского саммита, который пока не имеет поддержки по «второму треку», в отличие от большинства других региональных форматов.

Примечания

¹ *McGann J.* Think Tanks and Policy Advice in the United States: Academics, Advisors and Advocates. N.Y., 2009.

² *Haas R.N.* Think tanks and U.S. Foreign Policy. A Policy Makers Perspective // U.S. Foreign Policy Agenda. 2002. Vol. 7. № 3.

³ *Abelson D.* Do Think Tanks Matter? Assessing the Impact of Public Policy Institutes. Quebec, 2009; *Abelson D.* A Capitol Idea: Think Tanks and US Foreign Policy. Quebec, 2006.

⁴ *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002.

⁵ *Keohane R.* Power and Governance in a Partially Globalized World. N.Y., 2002.

⁶ *Nye J.* The Future of Power. N.Y., 2011.

⁷ *Slaughter A.M.* A New World Order. Princeton, 2004.

⁸ *Mazower M.* Governing the World: The History of an Idea. London, 2012.

⁹ *Erin Zimmerman.* Think Tanks and Non-Traditional Security: Governance Entrepreneurs in Asia. N.Y., 2015.

¹⁰ *Кобринская И.Я.* «Мозговые тресты» и внешняя политика США. М., 1986.

¹¹ *Шейдина И.Л.* США: «Фабрики мысли» на службе стратегии. М., 1973.

¹² *Хрусталева М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М., 2008.

¹³ *Истомин И.А.* Фабрики внешнеполитической мысли США // Мировая политика: новые проблемы и направления / под ред. М.М. Лебедевой. М., 2009.

---

¹⁴ *Войтоловский Ф.Г.* Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-е — 2000-е гг. М., 2007.

¹⁵ *Войтоловский Ф.Г.* «Производство» интеллектуального пространства мировой политики // *Международные процессы*. 2006. № 4. С. 100—111.

¹⁶ The Council for Security Cooperation in the Asia-Pacific. Russian National Committee. Official website. URL: <http://cscap-russia.fondedin.ru> (дата обращения: 29.10.2017).

¹⁷ Network of East Asian Think-tanks. Official website. URL: <http://www.neat.org.ph> (дата обращения: 29.10.2017).

*Малашевская Мария Николаевна,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры теории общественного
развития стран Азии и Африки СПбГУ*

ФЕНОМЕН ЯПОНО-МОНГОЛЬСКОГО ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В «БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ» В 2000-е — 2010-е годы

Аннотация. Рассмотрен вопрос развития японо-монгольских связей в первые два десятилетия XXI века. Основное внимание обращено к развитию двух аспектов двусторонних отношений, а именно, наращиванию экономического партнерства, развившегося от односторонней помощи Монголии по программам ОПР, точечных промышленных проектов и «односторонней» торговли в начале 2000-х гг. до стратегического партнерства и подписания межгосударственного Соглашения об экономическом партнерстве. Отмечено стремительное наращивание в последние десятилетия военного сотрудничества, совместных военных учений, трехсторонних отношений с США, призванных противодействовать северокорейской ядерной угрозе.

Ключевые слова: японо-монгольские отношения, КНДР, ЕРА, японо-американский альянс безопасности, Евразия.

С начала 1990-х гг. наблюдается поступательное наращивание всего комплекса связей между Японией и Монголией, значительный толчок к развитию которых дало крушение СССР и перераспределение баланса сил в Северо-Восточной Азии. Географическое положение Монголии диктует ее геостратегическое значение в сис-

теме северо-восточноазиатской безопасности. С начала последнего десятилетия XX века наблюдается стремительная интенсификация двустороннего диалога на высшем уровне, на уровне министерств и бизнес-структур, хотя начало экономического взаимодействия на основе создания совместных промышленных проектов и двухсторонней торговли относится еще к 1970-м гг.

В контексте регионального распределения силы в XX веке Монголия рассматривалась в качестве локального слабого игрока в Северо-Восточной Азии, однако в последнее десятилетие ее роль как участника евразийских интеграционных процессов значительно возросла. С конца 1990-х гг. Монголия стала причисляться к государствам Центральной Азии, будучи расположенной в самом центре мегарегиона «Большой Евразии». Японское правительство сформулировало концепцию евразийской политики еще в 1997 г., направив фокус интересов на страны Центральной Азии и Россию¹. На рубеже 1990—2000-х гг. монгольское направление не входило в евразийскую политику правительства Японии, хотя, по сути, реализация курса в отношении стран Центральной Азии и Монголии, и в некоторой степени России, строилась на единых принципах.

В середине первого десятилетия XXI века кабинет Коидзуми Дзюньитиро стал проводить курс, направленный на сближение центральноазиатского и монгольского направлений, что позволяет говорить о том, что на протяжении последних 10 лет линия в отношении этого континентального государства прочно вписывается японской правящей верхушкой в политику в «Большой Евразии»². В 2004 г. министр иностранных дел Кавагути Юрико совершила поездку в страны Центральной Азии и Монголию, запустив формат диалога «Центральная Азия плюс Япония», а в 2006 г. премьер-министр Коидзуми посетил эти страны, утвердив курс на слияние политики в Центральной Азии и Монголии. Концепция «дуги стабильности процветания» Асо Таро и Абэ Синдзо (2006 г.) упрочила данный подход. Специфика японо-монгольских связей состоит в интенсивном военном и экономическом сотрудничестве.

Среди сфер *экономического взаимодействия* Японии и Монголии можно выделить следующие:

1. *«Нишевое» узконаправленное сотрудничество* в промышленной области, начавшееся еще в 1970-е гг., основывающееся на узком раз-

витии определённого промышленного объекта. На начальном этапе таким объектом стал завод по производству изделий из кашемира, носящий в настоящее время название Gobi Mongolian kashemir и являющийся дорогостоящим монгольским брендом. Сейчас Япония и Монголия развивают проекты в сфере сельского хозяйства, в добывающей отрасли, а также в производстве комплектующих для автомобилей японских марок на заводах, размещенных на территории Монголии (компания «Мон-Сибасаки»). В 2013—2017 гг. реализовались проекты, направленные на строительство следующих объектов: Четвертой Уланбаторской ТЭЦ, Пятой Уланбаторской ТЭЦ (серьезную конкуренцию Японии составляют южно-корейские компании и, бесспорно, китайские и российские), Тавантолгойская ТЭЦ.

2. *Официальная помощь развитию.* Соглашение об оказании помощи по линии ОПР было заключено еще в 1994 г. и было ориентировано на развитие экономической инфраструктуры и модернизацию производства. Развитие инфраструктуры традиционно привлекает внимание японских министерств и специализированных агентств (JICA). В 2013 г. японский капитал вложил средства в модернизацию крупнейшей в Монголии Четвертой Уланбаторской ТЭЦ, возведенной еще в 1983 г. при финансовом и техническом содействии СССР³. В рамках данного проекта в течение 2013—2017 гг. была намечена модернизация оборудования в целях восстановления автономной системы управления для четырех из восьми котлов теплоэлектростанции, а также конверсии системы сжигания. Договор на проведение работ был заключен с компанией Mitsubishi Hitachi Power System, и он должен быть выполнен к октябрю 2018 г.⁴ Японская сторона оказала содействие строительству нового международного аэропорта Улан-Батора, выделив 28,8 млрд иен в 2008 г. Открытие аэропорта состоялось в январе 2017 г., и стороны рассматривают его в качестве крупнейшего совместного проекта.

3. *Долгосрочные межгосударственные экономические соглашения.* Отношения Японии и Монголии в 2000—2010-е гг. отмечены поступательным ростом и взаимной заинтересованностью обеих сторон. Начиная с премьерства Коидзуми Япония выступает инициатором оформления долгосрочных отношений с этой страной. В 2010 г. стороны достигли договоренности о строительстве стратегического партнерства. После прихода к власти кабинета Абэ в 2013 г. были

достигнуты договоренности по первому среднесрочному плану действий на базе соглашения о стратегическом партнерстве⁵. Отмечая 45-летие установления дипломатических связей в 2017 г., в марте этого года правительства двух стран подписали новый «Среднесрочный план действий» на 2017—2021 гг., нацеленный на упрочение экономических, социальных и стратегических двусторонних отношений.

Двухсторонняя торговля традиционно отмечена дисбалансом в пользу Японии: в 2004—2007 гг. экспорт в Монголию превышал импорт приблизительно в 10 раз⁶. На фоне мирового финансового кризиса 2008 г. наблюдался спад торговой активности, однако с 2011 г. двусторонняя торговля опять перешла в фазу роста, хотя дисбаланс в этих отношениях сохранился. В 2015 г. правительствами двух стран было подписано Соглашение об экономическом партнерстве, на основе которого в 2015—2017 гг.⁷ наблюдается расширение сотрудничества в бизнес-сфере, на межправительственном и межрегиональном уровне (японские регионы — Монголия). В отличие от других стран Азии и ЕС соглашение было подготовлено и подписано в кратчайшие сроки и оформило новый базис экономического взаимодействия по аналогичной схеме с Австралией, Индией, государствами Юго-Восточной Азии, Новой Зеландией, Канадой, США, с одной стороны, и Японией — с другой.

Военное сотрудничество и сотрудничество в области обеспечения безопасности Япония-Монголия развивается параллельно с экономическим партнерством.

1. Первое, что обращает на себя внимание — это проведение на территории Монголии *военных учений*. В 2003 г. между Тихоокеанским командованием ВС США и правительством Монголии была достигнута договоренность о проведении совместных учений «Хан квест» на территории последней. Япония приветствовала проведение этих учений и на начальном этапе выступала в качестве наблюдателя, однако уже в 2010-е гг. присоединилась к проведению данных учений (2015, 2016 г.)^{8,9}. Политика Абэ Синдзо в военно-оборонной сфере, а именно объявление первой концепции национальной обороны и укрепление японо-американского альянса безопасности, способствует сближению с Монголией по данному вопросу. Модель взаимодействия в данной области находит параллели с политикой, практикуемой

Японией на «южном» евразийском направлении (Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам, Индия).

2. Благодаря деятельности правительства Абэ Синдзо развернулось *сотрудничество между Министерством обороны Японии и Министерством обороны Монголии*. В 2010-е гг. запущены программы по повышению квалификации военных из Монголии, проходящих стажировки в Японии, а также программа модернизации монгольской военной инфраструктуры. В 2013—2017 гг. проводятся ежегодные сборы японских и монгольских военных, в ходе которых японская сторона обучает своих монгольских коллег навыкам работы с программным обеспечением, оказанию медицинской помощи, проектированию и возведению военных объектов^{10,11,12}. Еще с конца 2000-х гг. ведется тесный диалог между высшим военным руководством как на двусторонней основе, так и в рамках участия в международных саммитах и симпозиумах. С 2013 г. в рамках форума «Наращивание стратегического партнерства» действует трехсторонний диалог Япония—США—Монголия. Японо-монгольское военное сотрудничество было укреплено достигнутой в марте 2017 г. договоренностью об открытии представительства Министерства обороны Японии в Монголии.

3. Можно провести параллели на институциональном уровне между сформированным «треугольником» США — Япония — Республика Корея и формирующимся «треугольником» США — Япония — Монголия. Лейтмотивом сближения последних лет в рамках обоих «треугольников» является северокорейская ядерная угроза. Показательно, что оба «треугольника», во-первых, активно развивают экономическое партнерство, где связи США — Япония наиболее прочные, во-вторых, в обоих случаях проводятся совместные военные учения и налажен тесный контакт на уровне министерств обороны. Укреплению обоих «треугольников» в 2015—2017 гг. послужило обострение положения на Корейском полуострове в связи с новой серией ядерных испытаний КНДР и пусков ракет. Кроме того, с начала 2017 г. премьер-министр Абэ Синдзо последовательно добивается международной поддержки со стороны стран всего мира, особенно России, в вопросе осуждения действий КНДР и введения санкций против нее. Республика Корея и Монголия в ходе дву- и трехсторонних консультаций с участием представителей США выра-

зили свою поддержку японскому премьеру в этом вопросе. Отличие двух «треугольников» заключается в разном уровне экономического развития третьей стороны, т. е. Монголия в своем треугольнике явно самый слабый игрок, в отличие от Республики Корея, обладающей развитой экономикой.

Итак, наращивание партнерства между Монголией и Японией происходит при условии, что два партнера не являются в полной мере равнозначными, поскольку Япония обладает большим экономическим, международно-политическим и военным потенциалом. Важнейшим фактором, повлиявшим на феноменальное сближение, происходящее фактически без трений, представляется отсутствие вопросов, связанных с исторической памятью, которые не поднимаются сторонами и не создаются искусственно, что выделяет Монголию среди стран СВА. Позитивный настрой и готовность к сотрудничеству роднит положение Монголии и стран Центральной Азии в отношениях с Японией. Кроме того, ОПР и тесный межгосударственный диалог, в котором именно правительство является инициатором и двигателем процесса сближения, позволяют говорить о единой линии в отношении данных стран в рамках евразийской стратегии Японии. Отличает же Монголию на фоне стран ЦА и сближает со странами Южной, Юго-Восточной Азии, а также Республикой Корея тесный диалог в военной области с целью обеспечения национальной и региональной безопасности. Важнейшим же аспектом развития военно-стратегического партнерства является сотрудничество с США, которые представляются центром притяжения, функционирующим на тех же принципах, что и взаимодействие с Индией, Австралией, Сингапуром, Новой Зеландией и другими партнерами Японии и США в Юго-Восточной Азии.

Примечания

¹ Address by Prime Minister Ryutaro Hashimoto to the Japan Association of Corporate Executives. July 24, 1997. URL: www.kantei.go.jp/foreign/0731douyukai.html (дата обращения: 23.05.2017).

² *Malashevskaya M.N.* Mongolia in Japan's Eurasian Policy (1997—2017) // Японские исследования. 2017. № 3. P. 85—99.

³ プラント輸出データ便覧。東京：重化学工業通信社, 2015.

⁴ ウランバトル第 4 火力発電所改修事業 (I), (II). URL: https://www2.jica.go.jp/ja/evaluation/pdf/2010_MON-P3_4_f.pdf (дата обращения: 29.10.2017).

⁵ 「戦略的パートナーシップ」構築に向けた日本 モンゴル共同声明 (骨子). 19.11.2010. URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/mongolia/visit/tua_1011/senryaku_ks_1011.html (дата обращения: 03.07.2017).

⁶ Japan's International Trade in Goods (Yearly). JETRO Reports and Statistics. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (дата обращения: 29.06.2017).

⁷ Agreement between Japan and Mongolia for an Economic Partnership. URL: http://www.mofa.go.jp/a_o/c_m2/mn/page3e_000298.html (дата обращения: 31.10.2017).

⁸ Byambasuren Bayarmagnai (2005). Challenges Facing Mongolia's Participation in Coalition Military Operation. URL: <http://library.uoregon.edu/ec/e-asia/read/mongol.pdf> (дата обращения: 01.07.2017).

⁹ Multinational Peacekeeping Exercise Khaan Quest 2016 commences with opening ceremony. URL: <http://www.marines.mil/News/News-Display/Article/778487/multinational-peacekeeping-exercise-khaan-quest-2016-commences-with-opening-cer/> (дата обращения: 29.10.2017).

¹⁰ 平成 27 年度 モンゴルに対する能力構築支援事業. URL: http://www.mod.go.jp/j/approach/exchange/cap_build/mongolia/h270719.html (дата обращения: 24.10.2017).

¹¹ 平成 28 年度 モンゴルに対する能力構築支援事業. URL: http://www.mod.go.jp/j/approach/exchange/cap_build/mongolia/h280801.html (дата обращения: 24.10.2017).

¹² 平成 29 年度 モンゴルに対する能力構築支援事業. URL: http://www.mod.go.jp/j/approach/exchange/cap_build/mongolia/h290820.html (дата обращения: 31.10.2017).

*Заклязьминская Екатерина Олеговна,
аспирант Центра социально-экономических
исследований Китая ИДВ РАН*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТУРИСТИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ КНР

Аннотация. Проанализированы особенности китайского статистического учета в туризме, его сопоставимость с международными стандартами, специфика учета компатриотов из Сянган, Аомэня и Тайваня, на которые приходится подавляющее число как въездных, так и выездных поездок жителей материкового Китая, особенности учета посетителей (туристов и экскурсантов), проблемы методики подсчета туристических расходов, «двойного» счета и меры, принимаемые Государственным управлением по делам туризма КНР в целях улучшения туристической статистики на современном этапе.

Ключевые слова: туризм, Китай, туристическая статистика, внутренний туризм, национальный туризм, экономика туризма.

Туристический сектор КНР стал стремительно развиваться с начала политики реформ и открытости в 1978 г. В настоящий момент Китай является одной из крупнейших туристических держав мира, мировым лидером по количеству туристов в пределах страны, четвертой страной мира по количеству принятых туристов, второй страной по объему доходов от въездного туризма, лидером по расходам

на выездной туризм и по количеству выезжающих за пределы страны туристов. С развитием сектора увеличивалась и потребность в совершенствовании статистического учета в туризме с целью оценки реального вклада сектора в национальную экономику.

С 1978 г. начался сбор данных по количеству выехавших и въехавших граждан. С 1985 г. стал выходить статистический ежегодник по туризму, подготовленный Государственным управлением по делам туризма (ГУТ)¹. С 1993 г. Государственное статистическое управление (ГСУ) начало публикацию статистики по въездному и внутреннему туризму. С 1996 г. ГСУ стало предоставлять статистику согласно «Международным рекомендациям по статистике туризма» (IRTS-2008), используя выборочные обследования, принятые на международном уровне.

Но политика КНР в отношении туристической статистики имеет свои особенности, среди которых, на наш взгляд, необходимо выделить следующие.

1. Низкое качество сбора информации

В Китае используют метод выборочного анализа, но процент выборки достаточно низкий поэтому полученные данные характеризует слабая представительность. Кроме того, простота опросного листа также приводит к искажениям данных.

2. Отдельная статистика для Сянган и Аомэня

Китайская статистика рассматривает Сянган и Аомэнь как иностранные дестинации в рамках «одна страна — два строя» (*и го — лян чжи*), что затрудняет адекватное восприятие туристической статистики, поскольку именно на них приходится большая часть въездных и выездных поездок граждан материкового Китая. На Сянган и Аомэнь совокупно приходится 64 % всех выездных поездок и 80,5 % въездных (если учитывать экскурсантов).

3. Упор на въездной туризм.

В КНР с начала имплементации политики реформ и открытости уделяли особое внимание статистике въездного туризма как инструмента быстрого приобретения иностранной валюты, также постепенно начали заниматься статистикой внутреннего туризма. В настоящее время статистика выездного туризма наименее совершенная, поскольку развитие выездного туризма до 1997 г. жестко

сдерживалась, и на современном этапе ее становление в КНР еще не закончилось.

В последнее время, следуя за стремительным развитием туристического сектора КНР, началась работа по дальнейшему совершенствованию туристической статистики, особенно внутреннего и выездного туризма. Если обратиться к статистическому ежегоднику, то в нем отсутствует статистика по выездному туризму, внутреннему туризму посвящен лишь один раздел. Исследованиям выездного туризма посвящено четыре раздела сборника из девяти.

4. Проблема классификации поездок и путешествий, туристов и экскурсантов

Существуют особые трудности с четкой классификацией путешественников (которые могут жить в стране пребывания более одного года, что исключает их из туристической статистики) и посетителей (как ночующих туристов, так и неночующих экскурсантов), из-за чего происходит искажение финальных цифр. В китайском статистическом учете количество въездных и выездных посетителей считается по количеству пересечений границы. Одно пересечение — одно посещение. Таким образом, в статистику количества въездных туристов входят как ночующие туристы, так и однодневные экскурсанты². Но если статистика выездного туризма задействует различные статистические каналы (отчеты таможенных органов, карточки учета на границе при въезде и выезде, отчеты средств размещения, туристических агентств), что позволяет отделить количество ночующих туристов от неночующих, то по выездному туризму это сделать проблематично, как и определить структуру выездных потоков, что в Китае реализуется достаточно условно. Кроме того, расходы выездных туристов, основанные на данных Государственного управления по валютному контролю (ГУВК) включают в себя расходы путешественников и посетителей.

5. Низкие стандарты статистики внутреннего туризма.

Статистика внутреннего туризма КНР различается как на национальном, так на региональном уровне. На национальном уровне статистические данные стали собираться с 1993 г., обследовались только городские жители. Статисты проводили телефонное обследование более 10 тыс. горожан из 40 городов 2 раза в год. В 1997 г. началось обследование сельского населения, которое проводилось

1 раз в год, в выборке участвовали более 10 тыс. домохозяйств. До 1993 г. статистические данные представляли собой примерные подсчеты, проводимые ГУТ КНР.

На местном уровне статистика стала собираться в 1999 г.: местным отделениям ГУТ и ГСУ следовало руководствоваться «Системой вопросников по туристической статистике». Статистика должна была по большей части основываться на статистике о ночующих туристах, предоставляемой туристическими средствами размещения, в destinations непосредственно необходимо было опрашивать однодневных экскурсантов и людей, остановившихся у родственников. Выборка должна была составить не менее 3 человек на каждые 10 тыс. внутренних туристов прошлого года. Статистика примечательна тем, что направлена непосредственно на туристов, что позволяет выявить особенности их поведения. Данные, полученные на местах, не публикуются, поскольку возникают сильные расхождения во время сведения всекитайской статистики из-за «двойного» счета и из-за некачественного сбора статистики. В 2011 г. при суммировании данных по количеству туристов в каждой провинции и расходов туристов расхождения составили соответственно 3,2 и 3,7 раз от общенациональных³.

В КНР существуют различия по сбору статистических данных по внутреннему туризму в разных административных единицах: статистика с мест размещения, статистика с destinations, статистика туристических агентств, некоторые администрации используют даже статистику пассажирского транспорта. Города центрального подчинения (ГЦП) могут самостоятельно разрабатывать стандарты учета. Только в 4 провинциях страны используются отдельные цифры по ночующим и не ночующим посетителям (Аньхой, Фуцзянь, Юньнань, Нинся-Хуэйский автономный район), остальные дают общие недифференцированные данные как по ночующим, так и не ночующим посетителям.

Если обратиться к мировому опыту, то в большинстве стран фиксируют лишь ночующих туристов. Например, в таких странах, как Россия, Объединенное Королевство, Мальта, Австралия, Индия, Япония, Малайзия, Таиланд, Вьетнам, Шри-Ланка, Пакистан, Иран, Израиль, Йемен, Иордания, Сирия, Оман, Саудовская Аравия, Палестина, Узбекистан, Армения, Азербайджан, Казахстан,

Турция, Мексика, Бразилия, Чили, Боливия, Куба, Никарагуа, Перу, Пуэрто-Рико, Египет, Алжир, Ангола, Бенин, Камерун, Чад, Конго (Браззавиль), Конго (ДРК), Кения, Ливия, Мали, Мозамбик, Намибия, Нигер, Сенегал, Сейшельские острова, Того, Тунис, Танзания и Замбия ведется статистика только по ночующим туристам⁴, что отвечает «Международным рекомендациям по статистике туризма» ЮНВТО.

Канада и США ведут статистику и по экскурсантам. Статистика по экскурсантам обычно собирается в странах, в которых высока доля туристов, путешествующих одним днем, и есть потребность отследить их количество и траты. В 1973 г. внутренним туристом в США считался любой, выехавший за пределы своего обычного места проживания более чем на 50 км. В Канаде расстояние, с которого начинался учет экскурсантов, отличалось в зависимости от района: для Торонто это было 50 км, для Онтарио — 25 км. США в 1998 г. изменила стандарт по расстояниям на 160 км, Торонто в 1978 г. — до 80 км. Для Ботсваны в статистику туризма попадают экскурсанты, уехавшие на 80 км от обычной среды местонахождения, в Лесото и Зимбабве — 40 км, в Намибии — за пределы города⁵, а в Австралии — на 40 км⁶.

Согласно китайской статистике экскурсантом является посетитель, покинувший обычную среду проживания на расстояние 10 км и на срок более 6 часов, но не более чем на 12 месяцев и не остающийся на ночь ни в каком-либо из средств размещения⁷, отсюда происходит завышение цифр по количеству внутренних туристов. Например, по данным о туризме в «Золотые недели» (в День основания КНР и на праздник Весны (Чуньцзе) экскурсанты составляют 80 % всех туристов⁸. В 2016 г. из 4,4 млрд посетителей в пределах страны 2/3 являлись однодневными экскурсантами⁹.

Кроме того, низкое качество региональной статистики определяет документ «Региональные методы выборочного обследования внутренних туристов», который позволяет административным единицам самостоятельно определять периодичность сбора статистики: 1 раз в год, 2 раза в год, 1 раз в квартал, что также затрудняет сведение данных.

Основными проблемами внутренней статистики являются отсутствие стандартизованных процедур, единых для всех страны, на-

личие «двойного» счета туристов, низкие стандарты учета внутренних посетителей, что приводит к завышению итоговых цифр. Кроме того, желание местных туристических администраций любой ценой добиться высоких результатов работы туристического сектора на вверенной территории, поскольку развитие туризма как опорного сектора народного хозяйства является одним из приоритетных направлений работы пятого поколения руководителей КНР.

6. Несоответствия и несовершенства статистики выездного туризма.

Из-за позднего допущения выездного туризма в КНР до сих пор не существует единой системы сбора статистических данных. Количество выездных туристов рассчитывается по данным таможенных органов по количеству выехавших из страны, доходы от выездного туризма рассчитываются по данным ГУВК.

В данные по выездному туризму входят как ночующие, так и не ночующие посетители, что искажает реальные цифры и их сопоставимость. Из-за низкого качества туристической статистики китайские статистические органы не публикуют четкие данные по структуре выездных потоков, поскольку они расходятся с данными, которые публикуют туристические данные стран-реципиентов китайского выездного турпотока.

Только с 2015 г. ГУТ КНР начало публиковать сведения о расходах выездных туристов, выявив значительное несоответствие данных ГУВК КНР. По данным ГУВК, в 2016 г. китайские туристы потратили 261,1 млрд долл.¹⁰, по данным ГУТ — 109,8 млрд¹¹. Данное расхождение берется из-за разницы в учете: ГУВК включает в статистику не только посетителей, но и путешественников, к которым относятся посетители, приехавшие на длительный срок на обучение, лечение и работу, их инвестиции и даже покупка жилья.

На статистику ГУВК (из-за отсутствия до 2015 г. статистики ГУТ по расходам на выездной туризм) опирается статистика ЮНВТО, согласно которой Китай является лидером по количеству расходов за рубежом с 2012 г. Но, согласно скорректированным данным от ГУТ, которые учитывают только посетителей, а расходы путешественников не включают, Китай уступает первое место США.

Вышеизложенные факты повлекли старт межведомственной работы по унификации статистических данных и изменению порядка

приобретения иностранной валюты для резидентов в целях вычленения туристических и нетуристических расходов. В дальнейшем после проведенной работы по унификации методологии сбора статистики по расходам на выездной туризм необходимо пересматривать реальные расходы китайских туристов за рубежом и их позиции в международных рейтингах.

Ван Синбинь, директор НИИ аффилированного с ГУТ Пекинского международного исследовательского университета, занимается проблемами туристической статистики и говорит о необходимости пересмотра трех аспектов китайской статистики: устаревших стандартов внутреннего туризма, работы органов туристической статистики и общую оценку результатов туристического сектора¹².

Работа по последнему пункту вряд ли возможна, но реформа статистического учета уже ведется: Ли Цзиньцао, директор ГУТ КНР, активно содействовал созданию национальных центров данных по туризму. 3 декабря 2015 г. в Пекине был открыт первый национальный центр данных по туризму. Создание центра обработки данных является важным событием в истории индустрии туризма в Китае, которое заложило основу для научного развития сектора и проверки всех статистических данных более ранних периодов. В дальнейшем появились подобные центры в Хэнани, Шаньдуне, Сычуани, Чжэцзяне, Чунцине, Шэньси, Гуанси-Чжуанском автономном районе и Хэйлунцзяне. Реорганизация органов туристической статистики нужна для решения проблемы возможной фальсификации данных в угоду «политическому курсу».

Обновление взглядов на результаты деятельности туристического сектора необходимо, поскольку Госсовет ставит достаточно высокие задачи по темпу прироста для всех трех туристических рынков КНР на 13-й пятилетний план (2016—2020 гг.) в связи с окончанием строительства общества «малого благоденствия» (*сяокан*) и реализацией первой столетней цели, что в дальнейшем сможет породить различные спекуляции со статистическими данными.

В связи с вышеизложенными фактами стоит пересмотреть реальные достижения КНР в туристической отрасли: количество внутренних туристов завышено, расходы на международный туризм вычислить предоставляется проблематичным из-за рассогласованной работы трех ведомств (ГУТ, ГСУ и ГУВК), данные по платежному

балансу из-за сильного расхождения также следует привести к единым цифрам. КНР стремится проводить слаженную работу по разрешению статистических противоречий и прилагает огромные усилия, несмотря на то что, вероятно, придется попрощаться с высокими позициями в международных рейтингах.

Примечания

¹ *Huang Songshan, Chen Ganghua*. Tourism Research in China: themes and issues. Channel View Publication, 2015. С. 157.

² ГСУ КНР. Чжусю, цаньинь хэ лююю : [Средства размещения, общественное питание и туризм]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zbjs/201310/t20131029_449426.html (дата обращения: 5.11.2017)

³ *Сюнь гэнь вэнь ди — Чжунго лююю цзедай тунци лиши* : [Докапываемся до сути — история китайской туристической статистики]. URL: <http://www.kchance.com/landingpage/TouristReception/TouristReception2.asp> (дата обращения: 05.11.2017).

⁴ *Ван Синбинь. Чужуцзин лююю маоци чжундэ шуньча юй нича* : [Актив и пассив платежного баланса въездного и выездного туризма]. URL: http://www.sohu.com/a/137859176_109002 (дата обращения: 03.09.2017).

⁵ Там же.

⁶ Статистика туризма / под ред. А.Ю. Александровой. М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. С. 53.

⁷ Чжунго лююю тунци няньцань 2016 : [Статистический ежегодник по туризму КНР 2016]. Пекин, 2017 С. 118.

⁸ Сюнь гэнь вэнь ди — Чжунго лююю цзедай тунци лиши...

⁹ Ван Синбинь: Ин цун сань фанмянь гайгэ лююю шуцзуй тунци : [Ван Синбинь: Необходимо с трех сторон реформировать китайскую туристическую статистику.]. URL: <http://finance.sina.com.cn/roll/2017-02-16/doc-ifyarref5483748.shtml> (дата обращения: 22.08.2017).

¹⁰ 2016 нянь Чжунго гоцзи шоучжи баогао : [Доклад о платежном балансе КНР в 2016 г.]. URL:<http://www.safe.gov.cn/wps/wcm/connect/9e9e9f004124af8d8d17cd407be45672/2016E5%B9%B4%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%9B%BD%E9%99%85%E6%94%B6%E6%94%AF%E6%8A%A5%E5%91%8A.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=9e9e9f004124af8d8d17cd407be45672> (дата обращения: 15.10.2017).

¹¹ 2016 нянь во цзисюй баочи цзуйда лююю сяофэйго хэ лююю фуу маоци шуньча : [В 2016 г. продолжается поддержка положительного сальдо внешнетор-

---

гового баланса крупнейшей страны туристического потребления и туристических услуг]. URL: http://www.cnta.gov.cn/xxfb/jdxwnew2/201704/t20170418_822758.shtml (дата обращения 09.10.2017).

¹² Ван Синбинь: Ин цун сань фанмянь гайгэ люйю шуцзюй тунцзи : [Ван Синбинь: Необходимо с трех сторон реформировать китайскую туристическую статистику.]. URL: <http://finance.sina.com.cn/roll/2017-02-16/doc-ifyarref5483748.shtml> (дата обращения: 03.09.2017).

Петелин Евгений Николаевич,

*ведущий эксперт Центра изучения энергетической политики
Института энергетики НИУ ВШЭ*

РАЗВИТИЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИРОДНОГО ГАЗА В КИТАЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Аннотация. Снижение темпов экономического роста и структурные изменения в промышленности в Китае внесли существенный вклад в снижение роста энергопотребления. При этом сегодня природный газ занимает незначительное место в структуре энергопотребления КНР (6 % в 2016 г.) и обладает высоким потенциалом замещения других источников энергии (прежде всего, угля). На 2020 г. Китай прогнозирует потребление газа на уровне 360 млрд куб. м, к 2030 г. — 550—600 млрд куб. м. В таком случае импортная зависимость будет значительно увеличиваться, поскольку потенциал внутреннего производства ограничен.

В результате, после 2020 г. появится незаконтрактованный спрос на сжиженный природный газ (СПГ) в объемах до 10 млн т в год, который будет покрываться спотовым импортом. Имеется также потенциальный дефицит в 10 млн т СПГ к 2025 г. и 30 млн т к 2030 г., который далее будет расти. Как спотовый, так и контрактный спрос на СПГ может покрываться СПГ-проектами российских компаний.

Ключевые слова: Китай, энергетика, потребление природного газа, СПГ.

Снижение темпов экономического роста и структурные изменения в промышленности в Китае внесли существенный вклад в снижение роста энергопотребления. После 2014 г. в стране фиксируется самый низкий рост потребления первичной энергии (ППЭ) за последние 10 лет — ниже 2 %. Спрос на уголь снизился впервые с 2000 г., его доля в общем объеме ППЭ продолжает сокращаться. Нефть демонстрирует самый низкий рост спроса с конца 1990-х гг. Вопрос в том, как в данных условиях происходит развитие газового сектора? Данная работа основана на предположении, что, являясь экологически чистым источником энергии, природный газ должен постепенно замещать другие «неэкологичные» источники в энергобалансе Китая, а значит, темпы роста газопотребления должны быть выше темпов роста энергопотребления в целом.

Борьба с загрязнением атмосферы

Согласно планам развития КНР, к 2020 г. выбросы CO₂ на единицу ВВП должны сократиться на 40—45 % по сравнению с уровнем 2005 г. В июле 2015 г. премьер Государственного совета КНР Ли Кэцян объявил об установлении нового целевого показателя по сокращению выбросов CO₂ на единицу ВВП: к 2030 г. уровень должен сократиться на 60—65 % по сравнению с 2005 г.¹

В 2017 г. был опубликован новый План действий по борьбе с загрязнением атмосферы в северных регионах Китая. Новый план выпустили совместно Министерство охраны окружающей среды, Министерство финансов, Государственный комитет по реформе и развитию, Государственное энергетическое управление Китая и 6 правительств северо-восточных провинций².

План призывает к ужесточению экологических ограничений в переработке и производстве угля, цемента, стали и ряде других отраслей в 28 городах внутри и вокруг зоны Пекин-Тяньцзинь-Хэбей, включая также провинции Шаньдун, Шаньси и Хэнань. Согласно плану, цементные и литейные заводы в указанной зоне должны приостанавливать производство в период с 15 ноября по 15 марта, за исключением случаев, когда завод предоставляет отопительные услуги или самостоятельно перерабатывает опасные выбросы. Все уголь-

ные электростанции в регионе будут закрыты до конца октября 2017 г., если не будут соответствовать стандартам по сниженным выбросам.

В начале 2017 г. в ежегодном докладе на парламентской сессии премьер Госсовета Китая Ли Кэцян объявил о том, что в 2017 г. Китай продолжит шаги по сокращению использования угля в ЖКХ и продвижению чистых способов зимнего отопления на севере страны, заменит уголь на электричество и природный газ в более чем 3 млн домов. Малые котельные, работающие на угле, будут закрыты в большинстве китайских городов. Будут закрыты также угольные электростанции общей мощностью 50 ГВт и угольные шахты общим объемом добычи 150 млн т в год³.

В июле 2017 г. 13 правительственных ведомств совместно выпустили циркуляр, подтверждающий установленную изначально цель по доле природного газа в 10 % в структуре энергопотребления Китая к 2020 г. Кроме того, впервые природный газ был назван основным источником энергии (а не альтернативным, как было ранее)⁴.

В начале октября 2017 г. Министерство по охране окружающей среды внесло предложение ускорить замену угля природным газом в ЖКХ, на это правительство выпустило постановление о том, что до ноября не менее 50 000 жилищно-коммунальных хозяйств в каждом ключевом городе эпицентра загрязнения должно перейти на природный газ. В 11 городах целевые показатели уже были достигнуты (Пекин, Тяньцзинь, несколько городов в провинциях Хэбэй, Шаньси и Шаньдун). В разных городах процент перехода разный — от 4 до 100 %. Таким образом, в Китае набирает обороты программа «замена угля на природный газ». Доля угля в структуре энергопотребления сократилась с 70 % в 2010 г. до 63 % в 2016 г. При этом доля природного газа увеличилась с 4 до 6 % в аналогичный период (рис. 1)⁵.

В ноябре 2014 г. Госсовет КНР выпустил Стратегический план действий по развитию энергетики (2014—2020), где обозначил показатели развития структуры энергопотребления до 2020 г., доли распределелись следующим образом, %: уголь — 62, природный газ — 10, неископаемые источники (АЭС, ГЭС, ветряная энергетика, солнечная энергетика и энергия биомасс) — 15⁶.

Согласно прогнозам, доля природного газа (включая метан угольных пластов, синтетический газ на основе угля и сланцевый

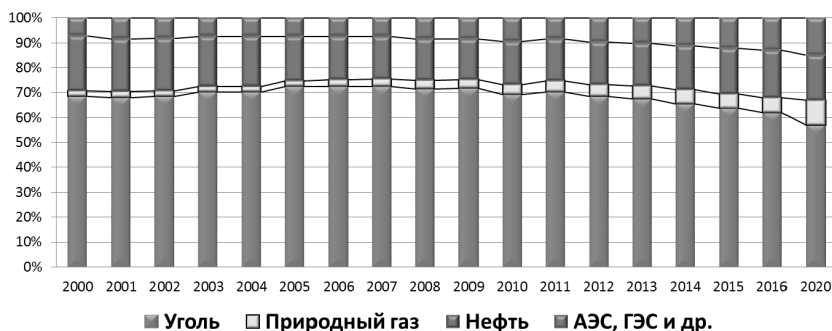

Рис. 1. Динамика структуры потребления первичной энергии в Китае.

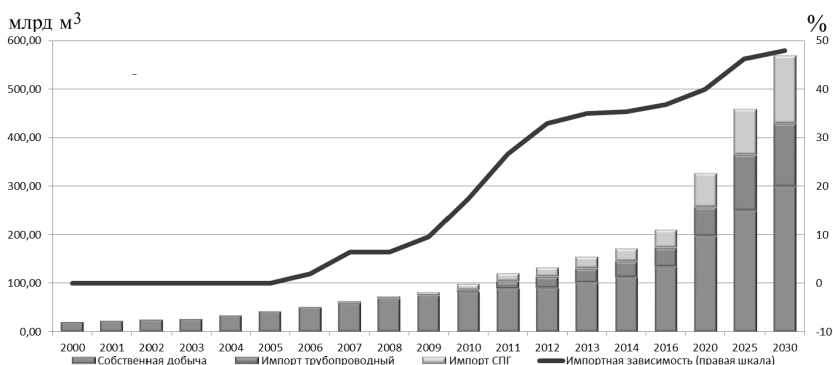
Источник: Статистический ежегодник Китая по энергетике, 2016

газ) в структуре энергопотребления страны будет увеличиваться до 10 % в 2020 г., 15 % в 2030 г. и 16 % к 2040 г.⁷

Прогноз потребления

Нет единого долгосрочного прогноза потребления природного газа в Китае. Государственный комитет по реформе и развитию дает показатель на 2020 г. — **360 млрд куб м** (сегодня — 206 млрд куб. м), который многие агентства расценивают как слишком амбициозный. Министерство земельных и природных ресурсов определяет объемы потребления к 2030 г. на уровне 550—600 млрд куб. м. Для достижения этих показателей рост потребления должен составить 14 % в год до 2020 г. и снизиться до 5—6 % после (рис. 2).

Если посмотреть на использование природного газа в отдельных секторах, то сегодня промышленность расходует 31 % потребляемого Китаем газа. В мае 2015 г. Государственный совет КНР опубликовал план 10-летнего развития промышленности «Сделано в Китае 2025». При успешном внедрении данный проект модернизации производства через использование информационных технологий и других инноваций сможет значительно сократить энергоемкость промышленности. План предлагает стратегию трансформации Китая в ведущий производственный центр к 2049 г.⁸ Продвижение экологически чистого производства предполагает расширение использова-

Рис. 2. Динамика и прогноз потребления природного газа в Китае.

Источник: Статистический ежегодник Китая по энергетике, 2016; FGE; Институт энергетики НИУ ВШЭ.

ния природного газа в промышленности: отрасли станут более энергоэффективными, темпы роста энергопотребления снизятся, но потребление газа будет расти, заменяя использование угля.

Электроэнергетика — один из ключевых секторов для развития газопотребления в Китае. С общей установленной мощностью в 70,08 ГВт доля газовых электростанций Китая составляет 4 %. Доля газовых электростанций в общей выработке электроэнергии страны — 3,1 %. Основные мощности газовой электроэнергетики сосредоточены в Пекине, Шанхае, Чжэцзяне, Фуцзяне и Гуандуне. При этом сектор не развит на северо-востоке страны (Ляонин, Гирин, Хэйлунцзян), а также в центральных районах Китая.

Несмотря на переизбыток мощностей по выработке электроэнергии, установившийся в 2016 г., а также инерционное строительство новых угольных электростанций, темпы роста газовой электроэнергетики стимулируются экологической политикой руководства КНР, стремящегося снизить долю угля в энергобалансе страны. К 2020 г. мощность газовых электростанций должна увеличиться до 110 ГВт. При этом рост потребления природного газа в электроэнергетике превысит рост в других секторах и составит 16,8 %-21,1 %.

Транспорт также является ключевым сектором для среднесрочного роста потребления газа в Китае. В 2010 г. общее энергопотреб-

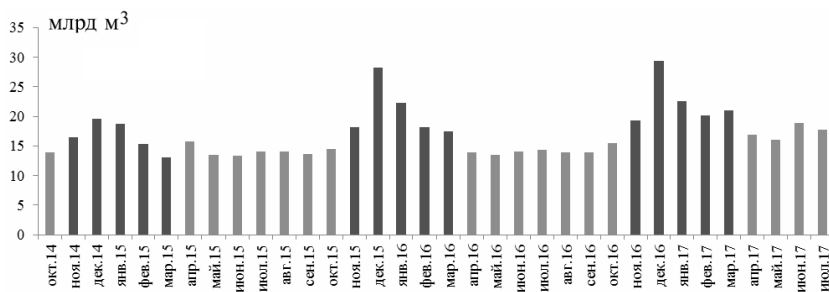
ление на транспорте (по всем видам источников) насчитывало 15,5 % от энергопотребления Китая. Причем его доля продолжает расти вместе с урбанизацией и повышением уровня доходов. Нефтепродукты (бензин, дизель и мазут) составили около 90 % от общего энергопотребления в 2010 г. Парниковые выбросы на транспорте являются одним из главных источников загрязнения воздуха в Китае. Благодаря меньшему уровню парниковых выбросов (от 13 до 21 % по разным оценкам), автомобили на природном газе могут стать хорошей альтернативой транспорту, работающему на бензине и дизеле.

13-й план пятилетнего социально-экономического развития КНР (2015—2020 гг.) отдельно отмечает необходимость «продвигать развитие низкоуглеродного транспорта, осуществлять реализацию Плана развития автомобилей на новых источниках энергии». План развития автомобилей на новых источниках энергии (2012—2020) предполагает развитие автомобилей на природном газе (компримированном и СПГ).

Потребление в «пиковые сезоны»

Побочным эффектом программы «замены угля на природный газ» в электроэнергетике и отоплении является то, что в Китае с каждым годом растет разница между летним и зимним «пиковым» (ноябрь–март) потреблением природного газа (рис. 3). Так, в «пиковый сезон» 2014—2015 гг. дополнительное потребление составило 14,3 млрд куб. м, а в 2015—2016 и 2016—2017 гг. — более 28 млрд куб. м. После реформы ценообразования и снижения максимальной стоимости газа на 28 % в ноябре 2015 г. дополнительное потребление в «пиковый сезон» выросло в 2 раза.

Таким образом, темпы развития потребления природного газа в Китае значительно опережают темпы развития энергопотребления в целом. Несмотря на скептические прогнозы, в первой половине 2017 г. потребление природного газа выросло на 15,2 % по сравнению с аналогичным периодом 2016 г.⁹ К 2020 г. потребление природного газа должно составить около 350 млрд куб. м. Возникает вопрос о возможностях собственной добычи природного газа в Китае.

Рис. 3. Динамика потребления природного газа в КНР по месяцам.

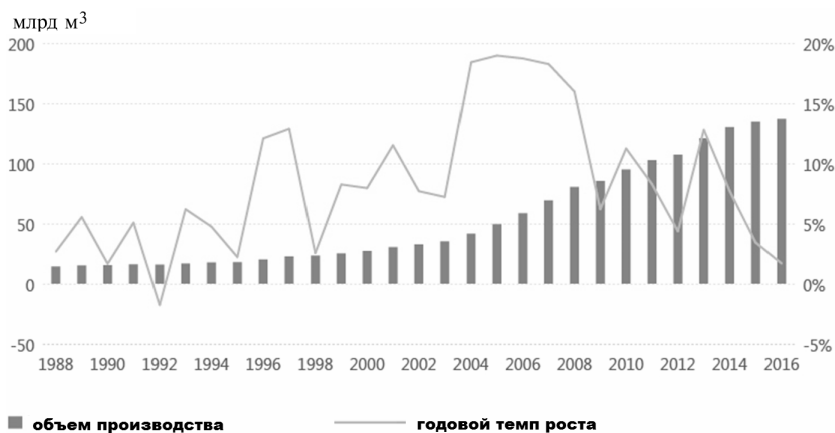
Источник: Государственный комитет по развитию и реформе. URL: <http://www.ndrc.gov.cn>, 2014—2017

Развитие собственной добычи природного газа

Большинство проектов собственной добычи природного газа в Китае сегодня находятся на грани рентабельности. В начале 2017 г. Государственное энергетическое управление опубликовало прогноз, согласно которому производство природного газа в стране в 2017 г. должно составить 170 млрд куб. м, т. е. вырасти на 24 % по сравнению с 2016 г. (136,8 млрд куб. м). Эксперты ставят под сомнение такой прогноз, поскольку сегодня этого нет никаких предпосылок¹⁰.

За 30 лет рост производства ни разу не превысил 20 % (рис. 4), с начала 2000-х гг. средний рост составил 10,6 %, а в 2016 г. упал до 1,7 % (самый низкий показатель с 1992 г.). Сегодня установленные мощности по добыче традиционного природного газа составляют 135 млрд куб. м в год, но даже эти мощности не задействованы полностью, поскольку проектам приходится конкурировать с импортом СПГ.

Дальнейшее реформирование сектора позволит сохранить достаточный уровень роста производства, но импортная зависимость продолжит расти вплоть до 2030 г. — с 37 до 47 %. Уже сегодня представители CNPC отмечают, что к 2030 г. импорт природного газа может вырасти до 270 млрд куб. м с текущих 50—60 млрд куб. м.

Рис. 4. Динамика производства природного газа в Китае.
Источник: Interfax Energy.

Потенциальные возможности для поставщиков

Стоит обратиться к потенциальной картине импорта природного газа в Китай. К 2022 г. мощность всех трубопроводов по импорту (если успешно завершатся все проекты) составит 130 млрд куб. м, что включает восточный маршрут трубопровода «Сила Сибири» из России на 38 млрд куб. м. Объемы по текущим контрактам СПГ достигнут максимума в 2018 г. (около 44 млн т).

Ожидается, что потребность в импорте в 2020 г. будет примерно 130 млрд куб. м — поэтому трубопроводный газ будет временно конкурировать с СПГ. Но уже в 2025 г. потребность в импорте составит около 210 млрд куб. м, что превысит газопроводные мощности и имеющиеся контракты по СПГ. Далее этот разрыв продолжит расти (рис. 5).

После 2020 г. незаконтрагованный спрос на СПГ в объемах до 10 млн т в год будет покрываться спотовым импортом (в основном для покрытия дополнительных объемов потребления в «пиковые сезоны»). Имеется также потенциальный дефицит в 10 млн т к 2025 г. и 30 млн т к 2030 г. Чтобы закрыть потенциальный дефицит на 2023—2025 гг., китайские компании до 2020 г. будут заключать но-

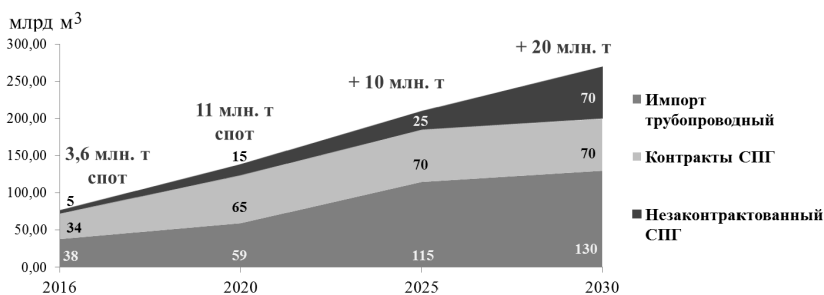

Рис. 5. Прогноз импорта природного газа в Китай.

Источник: Институт энергетики НИУ ВШЭ

вые контракты на импорт СПГ. С 2020 г. начнется работа по покрытию дефицита на период после 2025 г.

Решения XIX съезда

В октябре 2017 г. решения XIX съезда КПК отразили несколько важных аспектов, важных для развития энергетики Китая:

- преэминентность экономического курса;
- жесткая ориентация на экологическое развитие;
- углубление реформирования государственных предприятий;
- улучшение инвестиционного режима;
- активизация привлечения иностранного капитала.

Согласно дальнейшему плану Си Цзиньпина, именно период с 2020 до 2035 г. станет ключевым с точки зрения борьбы с экологическим кризисом и развития чистой энергетики. До 2020 г. новому составу Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК необходимо будет принять целевые показатели развития энергетической отрасли до 2035 г., в том числе показатели развития газового сектора. Эти показатели должны будут полностью отражать общие направления развития Китая, указанные 18 октября 2017 г. в докладе Си Цзиньпина — добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху».

Выводы

Темп экономического роста не является основным фактором развития потребления природного газа в Китае. Занимая незначительное место в структуре энергопотребления (6 % в 2016 г.), природный газ обладает высоким потенциалом замещения других источников энергии. Более значимыми факторами являются борьба руководства страны с загрязнением атмосферы, достаточный уровень собственной добычи, степень развития газовой инфраструктуры и механизмы ценообразования на природный газ.

После 2025 г. у российских компаний («Газпром», «Новатэк», «Роснефть») имеется возможность увеличить объемы поставок природного газа в Китай за счет ввода второго газопровода (западный маршрут «Сила Сибири») и/или с проектов СПГ. Из-за принципа диверсификации китайским компаниям необходимо соблюдать баланс между импортом по трубопроводам и СПГ. Поэтому начало реализации проекта «Сила Сибири: западный маршрут» на 30 млрд куб. м, вероятно, будет отложено до периода после 2025 г. (чтобы газ поступал уже после 2030 г.). До 2030 г. как спотовый, так и контрактный спрос на СПГ может покрываться СПГ-проектами российских компаний.

В перспективе руководство КНР продолжит политику стимулирования доступа «третьих компаний» (в том числе и иностранных) в газовый сектор, сокращения монополии государственных компаний и максимального перевода ценообразования на природный газ на рыночные рельсы. Это также открывает спектр возможностей внедрения в китайский газовый сектор для российских компаний.

Примечания

¹ 中国宣布后2020气候目标: 碳排放强度下降60%-65% [Китай объявил о новой экологической цели: интенсивность парниковых выбросов сократится на 60—65 %], 能源大嘴, 2015/7/1. URL: <http://huanbao.bjx.com.cn/news/20150701/636379.shtml> (дата обращения: 29.11.2017).

² China releases air action plan, 30 March 2017, Interfax Energy. URL: <http://interfaxenergy.com/gasdaily/article/25289/china-releases-airaction-plan> (дата обращения: 29.11.2017).

³ China hints at bigger role for gas in 2017, Li Xin, 21 March 2017, Interfax Energy. URL: <http://interfaxenergy.com/gasdaily/article/25133/china-hints-atbigger-role-for-gas-in-2017> (дата обращения: 29.11.2017).

⁴ Sinopec preps for downstream city gas expansion, Tang Tian, 16 August 2017, Interfax Global Energy. URL: <http://interfaxenergy.com/gasdaily/article/27207/sinopec-preps-for-downstream-city-gas-expansion> (дата обращения: 29.11.2017).

⁵ Статистический ежегодник КНР по энергетике. Департамент энергетической статистики, Государственное бюро статистики КНР, 2016.

⁶ 能源发展战略行动计划 (2014—2020年) [Стратегический план действий по развитию энергетики, 2014—2020] 国务院办公厅, 07.06.2014. URL: http://news.xinhuanet.com/2014-11/19/c_1113313588.htm (дата обращения: 29.11.2017).

⁷ FACTS Global Energy, East of Suez Gas Databook: Asia Pacific in the Global Market, 2015.

⁸ 中国制造 025 [Сделано в Китае 2025], 国务院, 08.05.2015. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm (дата обращения: 29.11.2017).

⁹ Государственный комитет по развитию и реформе, 2017. URL: <http://www.ndrc.gov.cn> (дата обращения: 29.11.2017).

¹⁰ China's gas output target seen as ambitious, Tang Tian, 1 March 2017, Interfax Energy. URL: <http://interfaxenergy.com/gasdaily/article/24263/chinas-gas-output-target-get-seen-as-ambitious> (дата обращения: 29.11.2017).

*Михайлова Екатерина Владимировна,
научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства
МГУ им. М.В. Ломоносова, лаборант-исследователь ИДВ РАН*

ЭНДОГЕННЫЕ И ЭКЗОГЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ НА ПРИМЕРЕ БЛАГОВЕЩЕНСКА И ХЭЙХЭ*

Аннотация. Представлена типология проблем приграничного сотрудничества: по источнику происхождения они разделены на эндогенные (вызванные факторами внутренней среды) и экзогенные (вызванные факторами внешней среды). Выявлены наиболее значимые эндогенные и экзогенные проблемы приграничного сотрудничества (ПС) Благовещенска и Хэйхэ — смежных приграничных поселений на российско-китайской границе. В число эндогенных значимых проблем вошли 1) ограниченные полномочия участников приграничного сотрудничества; 2) отсутствие баланса в извлечении выгод от ПС между сопредельными муниципалитетами; 3) недостаточная инфраструктурная обеспеченность — низкое качество пограничной инфраструктуры и её недостаточная пропускная способность. Наиболее значимая экзогенная проблема — инвестиционный голод.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, российско-китайская граница, Благовещенск, Хэйхэ.

---

* Подготовлено при поддержке Совета по грантам Президента РФ, проект № МК-2007.2017.6.

1. Типология проблем приграничного сотрудничества

Сотрудничество приграничных территорий сопряжено с преодолением вызовов внешней и внутренней среды, или *экзогенных* и *эндогенных* проблем. Основное различие между ними заключается в способе возникновения и масштабе действия.

Появление *экзогенных* проблем приграничного сотрудничества происходит под действием факторов международного и глобального характера, которые изменяют контекст осуществления ПС. По Т.И. Герасименко¹, другой важной чертой вызовов внешней среды является ограниченный набор или отсутствие механизмов блокирования или минимизации внешнего воздействия со стороны «центров принятия решения на уровне государства».

Экзогенные проблемы ПС препятствуют исполнению существующих и инициации новых проектов. Примерами проблем этого типа являются ухудшение двусторонних отношений сопредельных стран; экономической конъюнктуры региональных и мировых рынков, влияющих на социально-экономическое положение сопредельных стран; значительное увеличение миграционного потока; существенный рост активности международных террористических или преступных группировок на территории приграничного макрорегиона.

Эндогенные проблемы связаны с непосредственным процессом осуществления ПС и возникают в результате отсутствия координации в процессе социально-экономического и нормативно-административного развития сопредельных государств, а также ввиду ограниченных возможностей гармонизации их развития. Примерами этого типа проблем ПС служат социально-экономические, организационно-административные, юридические и другие трудности, вызванные различиями в системах функционирования двух сопредельных государств, в том числе в их институциональных и нормативно-правовых основах, принципах социальной и экономической политики.

Применительно к России эндогенные проблемы ПС в литературе обычно анализируются отдельно для каждого участка границы. Например, проводя оценку использования приграничного положения территорий Тихоокеанской России, П.Я. Бакланов и М.Т. Романов² выделяют такие эндогенные проблемы, не способствующие

развитию ПС, как рост диспропорций в демографических процессах и темпах экономического развития сопредельных стран. Эти тренды определяют различия в кадровой и инфраструктурной обеспеченности смежных приграничных территорий Дальнего Востока России и северо-восточных провинций КНР. На примере приграничных регионов Северо-Западного федерального округа Г.М. Федоров³ показывает, что одной из специфических эндогенных проблем ПС России долгое время являлось отсутствие профильного закона, регулирующего ПС, что, в частности, препятствовало разработке совместных схем территориального планирования смежных приграничных территорий России и стран-членов Евросоюза.

В силу своего географического положения изменения во внешней среде, а также природные и антропогенные процессы, происходящие на сопредельной территории, наиболее остро и практически мгновенно ощущаются на микроуровне приграничья. Наиболее наглядным примером реакции приграничных территорий на возмущения внутренней и внешней среды служат смежные приграничные поселения. Именно поэтому специфика проблем ПС на российско-китайской границе в этой статье рассмотрена с привлечением материалов по кейсу Благовещенск-Хэйхэ, 200-тысячных городов на границе.

2. Благовещенск-Хэйхэ — трансграничная агломерация на российско-китайской границе

Благовещенск и Хэйхэ расположены в верхнем течении реки Амур на восточном участке российско-китайской границы. После наводнения 2013 г. оба населенных пункта провели берегоукрепительные работы, в результате которых русло реки сузилось, т. е. города стали ближе к линии границы, пролегающей по фарватеру. Сегодня кратчайшее расстояние между островом Большой Хэйхэ и набережной Благовещенска составляет чуть менее 700 м.

В литературе пока не установлено, являлось ли возникновение населенного пункта на территории Хэйхэ результатом желания противопоставить его Благовещенску (скорее, нет). Однако рост Хэйхэ с конца 1990-х гг. и усиление его центральных функций в отношении прилегающей территории одноименного городского округа произошли благодаря близости к Благовещенску, единственному центру субъекта Российской Федерации, расположенному непо-

средственно на границе. Ввиду географической близости, социокультурного и экономического взаимовлияния этих населенных пунктов ряд учёных (Рыжова⁴, Billé⁵, Mikhailova & Wu⁶) и управленцев-практиков рассматривают Благовещенск и Хэйхэ в качестве городов-близнецов (от англ. *twin cities*). С 2005 г. китайской стороной в отношении Благовещенска и Хэйхэ используется типичный для городов-близнецов слоган «две страны, один город».

В конце 1980-х гг. с Благовещенска был снят статус закрытого города. Благодаря этому началась бартерная торговля с китайскими соседями, в ходе которой происходили первые встречи благовещенцев с жителями противоположного берега реки Амур. Эти контакты были спонтанными и продиктованы в первую очередь необходимостью для жителей Амурской области обеспечить свое существование в условиях дефицита промышленных товаров. Открытие пункта пропуска через границу и паромной переправы дало старт челночной торговле. Для многих жителей приграничья, задействованных в «сером» импорте, граница стала источником заработка и первичного накопления капитала. Сегодня доля индивидуального предпринимательства в челночном бизнесе невелика, большая часть приходится на отлаженные сети с многозвенной структурой.

В развитие соглашения между правительствами двух стран о безвизовых групповых туристических поездках, подписанного в 2000 г., на китайском берегу Амура постепенно была создана инфраструктура для приема туристов из России. Российский берег начал проявлять интерес к повышению своей туристической привлекательности для китайских потребителей значительно позже. Первые шаги в этом направлении были сделаны в 2011 г., когда министерство внешнеэкономических связей, туризма и предпринимательства Амурской области разработало «Концепцию развития города Благовещенска как международного российско-китайского центра конгрессно-выставочной деятельности». Более существенные изменения в индустрии гостеприимства произошли в 2014 г., когда в связи укреплением юаня по отношению к рублю туристический поток через Амур значительно усилился. К 2017 г. многие торговые центры, фирменные магазины и предприятия общественного питания, расположенные в центре Благовещенска, установили вывески, обеспечили информацию о ценах, выпустили брошюры на китайском языке. В 2015 г.

Амурская гильдия кулинаров и рестораторов изготовила для китайских туристов гастрономическую карту города на китайском языке.

Сотрудничество Благовещенска и Хэйхэ включает ряд мероприятий исключительно неэкономического характера. В их числе ежегодный заплыв через реку Амур, обмен делегациями детей накануне Дня защиты детей 1 июня и делегациями женщин в преддверии Международного женского дня 8 марта. В 1990-е гг. завязалось сотрудничество местных газет «Амурская правда» и «Хэйхэ жибао». На протяжении последнего 20-летия китайская сторона проявляет интерес к сотрудничеству в формате обмена делегациями, рекламой и статьями о Китае. Наиболее активно совместная работа проходила в середине 2000-х, когда в течение нескольких месяцев в обоих изданиях выходили рубрики, составленные из материалов редакций-партнеров.

В 2007 г. на базе Благовещенского государственного педагогического университета был создан первый в России Институт Конфуция, заслуживший высокую профессиональную репутацию как на Дальнем Востоке, так и в Государственной канцелярии по распространению китайского языка при правительстве КНР. Одним из его ведущих партнеров является университет Хэйхэ, специализирующийся на подготовке кадров, владеющих русским языком. С 2010 г. университеты двух городов в сотрудничестве с Харбинским университетом проводят ежегодную международную конференцию «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества».

3. Основные проблемы приграничного сотрудничества Благовещенска и Хэйхэ

На основе пятилетнего (2013—2017 гг.) континуального наблюдения за взаимоотношениями Благовещенска и Хэйхэ были выделены основные проблемы ПС двух типов.

Среди эндогенных проблем ПС наиболее остро между городами стоят проблемы в сфере управления, а именно: ограниченность полномочий участников ПС, отсутствие баланса в извлечении выгод от ПС между сопредельными муниципалитетами и зависимость динамики ПС от конкретных личностей.

Поскольку Благовещенск и Хэйхэ процедурно и географически удалены от мест принятия решений, повседневное течение их жизни может оказаться нарушенным из-за временного лага между выявле-

нием проблемы, находящейся в компетенции более высокого уровня управления (регионального или национального), выработкой плана по ее устранению и реализацией этого плана. В качестве примера стоит вспомнить кризисную ситуацию в пассажирских перевозках между Благовещенском и Хэйхэ, сложившуюся в начале 2014 г. В это время проводилась реформа по приведению российской системы идентификации экипажей судна в соответствие с международными стандартами. Однако в механизме её проведения существовал пробел: сотрудники международных речных портов не были включены в список лиц, чьи идентификационные номера должны были быть заменены на международные удостоверения моряка. В результате с 1 января по конец июля 2014 г. у экипажей Благовещенского порта не было документов для входа в порт соседнего китайского города Хэйхэ⁷. На решение проблемы потребовалось около полугода, в течение которых китайская сторона несколько раз угрожала прекращением принятия благовещенских моряков и срывом пассажирских перевозок⁸.

Другая существенная эндогенная проблема ПС между Благовещенском и Хэйхэ заключается в недостаточной инфраструктурной обеспеченности — низком качестве пограничной инфраструктуры и её недостаточной пропускной способности. Вопреки географической близости двух городов между ними отсутствует бесперебойный круглогодичный способ сообщения, что является существенным барьером для развития взаимоотношений. Основным видом пересечения границы в сезон навигации является паромная переправа, а в межсезонье — суда на воздушной подушке. С зимы 2011—2012 гг. после ледостава стороны организуют понтонный мост, и в этот период пересечение границы возможно на автобусе. Паромы, суда на воздушной подушке и автобусы находятся в ведении российской компании-монополиста, что приводит к относительно высокой цене на поездку в Китай, не коррелирующей с себестоимостью перевозок.

С 2016 г. после 30-летних переговоров началось возведение автомобильного мостового перехода между городами. Планируется, что строительство будет окончено к 2019 г., но, учитывая опыт реализации подобного проекта между Нижнеленинским и Тунцзяном, надежность такого прогноза невысока.

В число значимых эндогенных проблем ПС между Благовещенском и Хэйхэ также входят: а) проблемы финансовой обеспеченности (ограниченные финансовые возможности муниципальных образований) и б) проблемы в сфере коммуникации. Последние заключаются в отсутствии общего трансграничного информационного поля и следующей из него затрудненности доступа к информации о смежной приграничной территории, отсутствии информационно-консультационной поддержки акторам ПС со стороны органов местного самоуправления, разобщенности информационно-аналитической и информационно-просветительской работы сопредельных муниципальных образований.

Наиболее значимой экзогенной проблемой ПС между Благовещенском и Хэйхэ на современном этапе является инвестиционный голод. Эта проблема характерна для Северо-Восточной Азии⁹, однако с 2014 г. ситуация усугубилась ввиду снижения мировых цен на нефть и последовавшего за ним валютного кризиса в России, а затем введения дополнительного контроля за китайскими зарубежными инвестициями в 2016 г. в ответ на рост политической нестабильности в Европейском союзе и США¹⁰.

Примечания

¹ Герасименко Т.И. Проблемы этнокультурного развития трансграничных регионов. СПб., 2005. С. 84.

² Бакланов П.Я., Романов М.Т. Геополитические факторы развития трансграничных регионов // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2010. № 2. С. 67,

³ Федоров Г.М. Приграничное положение как фактор стратегического и территориального планирования в российских регионах на Балтике // Балтийский регион. 2014. № 3. С.76.

⁴ Рыжова Н. Феномен городов-близнецов в контексте трансграничных миграционных процессов (на примере Благовещенска и Хэйхэ). // Региональное измерение трансграничной миграции в Россию / науч. ред. С.В. Голунов. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 184—203.

⁵ Billé F. Surface Modernities: Open-Air Markets, Containment and Verticality in Two Border Towns of Russia and China // Journal of Economic Sociology 15. 2014. № 2. С. 154—72.

⁶ *Mikhailova E., Wu C.T.* Ersatz Twin City Formation? The Case of Blagoveshchensk and Heihe // *Journal of Borderlands Studies*. 2017. Т. 32. № 4. С. 513—533. DOI: 10.1080/08865655.2016.1222878

⁷ АмурИнфо. 2014. Российский речной флот с завтрашнего дня не сможет заходить в порты КНР из-за упущения в Постановлении Правительства. URL: <http://www.amur.info/news/2014/05/14/37.html> (дата обращения: 15.09.2017).

⁸ *Васильева Е.* Хэйхэ с завтрашнего дня обещает прекратить прием российских судов. // *Амурская правда*. 2014. URL: <http://www.ampravda.ru/2014/05/14/048561.html> (дата обращения: 14.09.2017).

⁹ *Kim W.B.* Designing a cooperative economic region through mega-projects in Northeast Asia. 2000. Paper presented at the 17th EAROPH World Congress “Local Development and Planning in the 21st century”, Asan city, Korea. Available at: <http://www.earoph.info/pdf/2000papers/15.pdf> (дата обращения: 22.08.2017). С. 54.

¹⁰ *Айзятулова И.* Юань в золотой клетке // *Газета.ru*. 2016. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2016/11/30/10387871.shtml> (дата обращения: 09.10.2017).

*Дондокова Максара Юрьевна,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель Восточного института
Бурятского государственного университета*

ПРОЕКТ «СТЕПНОЙ ПУТЬ» И ЕГО ТУРИСТИЧЕСКАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ДЛЯ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Проект «Степной путь», предложенный Монголией и поддержанный Китаем, имеет большие перспективы в Байкальском регионе. Рассмотрены вопросы развития туризма на Байкале, а именно в Республике Бурятия, с учетом всех имеющихся преимуществ и актуальных задач. Показано, что проект «Степной путь» предоставляет реальные возможности для системного подхода к вопросу развития туризма в Байкальском регионе.

Ключевые слова: проект «Степной путь», Байкальский регион, туризм, проект «один пояс, один путь».

В ноябре 2014 г. Монголия заявила о намерении осуществить проект «Степной путь», чтобы, используя свои географические преимущества, дать толчок развитию транспорта и торговли, поднять экономику страны. «Степной путь» включает 5 конкретных проектов, общей стоимостью 50 млрд долл. Среди них строительство скоростной автотрассы протяженностью 997 км, которая соединит Монголию, Россию и Китай; прокладка новых ЛЭП протяженностью 1100 км, расширение имеющихся железнодорожных путей

и трубопроводов. Монгольское правительство считает, что проект «Степной путь» откроет множество коммерческих возможностей для районов, расположенных вдоль новых транспортных магистралей, выведет на новый уровень реконструкцию производственных предприятий. Получат прямую выгоду и пойдут на подъем ведущие отрасли: энергетика и горнодобывающая промышленность. Руководители Китая и Монголии неоднократно заявляли о том, что программа «один пояс, один путь» и проект «Степной путь» во многом соприкасаются и отвечают интересам совместного развития сторон.

Проект включает в себя такие направления действий, как логистика, туризм, культурные и образовательные программы. Все эти направления начинают активно работать в приграничных районах России, особенно в Байкальском регионе (Республика Бурятия). Бурятия, занимая стратегически важное положение, всегда в истории народов трех стран была связующим пунктом. Столица республики г. Улан-Удэ находится в 170 км от МАПП в г. Кяхта, государственная граница Россия — Монголия, и в 1000 км от МАПП в п. Забайкальск-Маньчжурия, государственная граница Россия — Китай. Географическое положение обусловило тесные исторические и культурные связи. Здесь имеются в виду не только знаменитые Верхнеудинские ярмарки, но более значимым представляется период становления монгольской государственности. Именно благодаря общим национальным истокам, схожей культуре, географической близости, тесным историческим связям, Республика Бурятия неразрывно связана с Монголией и районом Внутренней Монголии КНР.

Основой фактор, объединяющий пограничные районы трех стран (Монголия, со стороны России — Забайкальский край и Республика Бурятия, с китайской — Внутренняя Монголия) — это общая культура, история и национальные традиции. По словам участников форума «Экономический коридор. Китай—Монголия—Россия: дорожная карта», состоявшегося в сентябре 2017 г. в г. Улан-Удэ, самое большое значение имеет так называемая «мягкая сила». Под понятием «мягкая сила» Чжан Чжихуа, вице-президент Академии общественных наук АРВМ, Хух-Хото, КНР, выступая на конференции, указала «желание и чаяния монгольских народов к единению и

стремление к активному взаимодействию и культурным обменам»¹. Например, в Монголии издаются газеты на старомонгольском языке, печатающиеся во Внутренней Монголии, совместные проекты, такие, как фестиваль Алтаргана и ежегодный праздник Наадан. Много других проектов, не только культурно-массовых, но и научных и образовательных, которые, способствуя культурному взаимодействию, развивают в первую очередь туризм в приграничных регионах. Не менее значимы международные культурные мероприятия проводимые в Бурятии, такие, как «Голос кочевников», «Ночь хора» и др. Согласно межправительственным соглашениям, в Китае ежегодно за счет правительства КНР обучаются 200 монгольских студентов, и еще 100 учатся за счет правительства Автономного района Внутренняя Монголия. Активнейшим образом развиваются человеческие связи между гражданами двух стран: ежегодно в Монголию приезжают до 300 тыс. китайцев и более 1 млн монголов пересекают границы Китая в качестве туристов и путешественников².

Особенность развития туризма в контексте культурных взаимосвязей — это проведение трехсторонних фестивалей, концертов и других культурных, спортивных, научных, образовательных мероприятий как одна из возможностей продвижения новых туристических направлений и объектов.

Развитие культурных связей стимулирует взаимный интерес жителей трех регионов, что в свою очередь имеет большое значение для туризма. Что касается основных туристических объектов Байкальского региона, то, главным образом, это природные объекты и туристические центры, такие, как — Шаманка, Камень-Черепаша, Баргузинский залив (Забайкальский национальный парк), курорт Горячинск, село староверов Тарбагатай и др. За последние годы этот вид туризма получает все больший размах. Это создает дополнительные вопросы при реализации, но дает и большие возможности посетить разные места, так как предоставляет больше свободы передвижения.

Вопросы развития туризма в приграничных районах сейчас стоят очень остро. К проблемам, требующим скорейшего разрешения, относятся следующие: создание соответствующей инфраструктурной базы для приема большого количества туристов разных ценовых категорий и формирование единого бренда региона. Необходимо

учитывать, что формирование бренда является первоочередной задачей, в рамках решения которой и должен решаться вопрос о создании инфраструктуры.

Проект «Степной путь» для российских приграничных регионов имеет хороший идейный потенциал в качестве создания бренда региона. Этот вопрос на данный момент является одним из самых актуальных в Республике Бурятия. Понимая необходимость системного развития туризма, правительство рассматривает разные варианты создания бренда. Одним из преимуществ проекта «Степной путь», во-первых, является то, что он международный, это позволит активно продвигать бренд региона за рубежом. Во-вторых, он действительно отражает специфику региона, т. е. национальный колорит и многонациональность, исторические особенности и достопримечательности, — о. Байкал, Баргузинский район, с. Ацагат, с. Тарбагатай, г. Кяхта, шаманизм и др. Кроме того, возможно и привлечение некоторых инвестиционных источников, поскольку проект международный, предложен правительством Монголии и поддержан руководством КНР.

Китайское правительство определило для регионов курс на самостоятельные поиски источников развития приграничных районов, стимулируя совместные трехсторонние проекты приграничных районов, что и демонстрирует АРВМ. Монголия активно отзывается на такой формат сотрудничества в рамках своих интересов. Очевидно, что создание транспортного и инвестиционного «коридора» по линии: Хух-Хото (Автономный район Внутренняя Монголия, КНР) — Улан-Батор (Монголия) — Улан-Удэ (Республика Бурятия, РФ) пойдет быстрее и эффективнее при одновременном развитии сопредельных китайских и российских территорий.

В развитии трансграничного туризма необходимо стремиться к созданию на территории каждой из сторон равноценной рекреационной инфраструктуры с сопоставимым уровнем сервиса. Речь идет о развитии средств размещения, введении единых стандартов качества предоставляемых услуг и подготовке квалифицированных специалистов гостиничного дела и гидов-переводчиков³. Каждый из указанных пунктов представляет собой особо перспективное направление развития для приграничных районов.

Примечания

¹ Чжан Чжихуа. Россия—Монголия—Китай. Стратегические и субрегиональные элементы сотрудничества // 2016中蒙俄智库国际论坛论文集/内蒙古自治区发展研究中心编。— 北京: 科学技术文献出版社, 2017. С. 326,

² Лузянин С.Г. Россия—Монголия—Китай. Стратегические и субрегиональные элементы сотрудничества // 2016中蒙俄智库国际论坛论文集/内蒙古自治区发展研究中心编。— 北京: 科学技术文献出版, 2017. С. 73—76.

³ Намжилова В.О. О развитии трансграничного туризма в приграничных территориях России, Монголии и Китая // 2016中蒙俄智库国际论坛论文集/内蒙古自治区发展研究中心编。— 北京: 科学技术文献出版社, 2017. С. 298—300.

Оу Кайфэй,

*аспирант Китайского института пограничных и морских исследований
Уханьского университета, КНР*

СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В АРКТИКЕ: СОПЕРНИЧЕСТВО ИЛИ СОТРУДНИЧЕСТВО?

Аннотация. В 2013 г. на Министерской встрече в шведской Кируне — Китай, Япония и Южная Корея получили статус наблюдателей Арктического совета. Страны Восточной Азии имеют в этом регионе свои интересы, связанные с разработкой арктических месторождений углеводородов, развитием судоходства по Северному морскому пути, проведением научных исследований и охраной окружающей среды. Китай, Япония и Южная Корея имеют достаточно оснований для сотрудничества в Арктике, и такое сотрудничество уже началось. Предпринята попытка провести анализ интересов и политики стран Восточной Азии в Арктике. Автор считает, что среди вышеназванных стран существует соперничество и сотрудничество в Арктике.

Ключевые слова: Восточная Азия, Арктика, Северный морской путь, соперничество, сотрудничество.

В Арктике сосредоточены огромные природные запасы, а также проходят важнейшие морские и авиамаршруты, которые становятся все более доступными из-за потепления климата на планете. Кроме того, Арктический регион представляет неизменный интерес для мировой науки, как оказывающий влияние на состояние окружающей среды во всем мире. Данные факторы обусловили интерес меж-

дународного сообщества к Арктике, который подкрепляется экономическими расчётами. Во-первых, по оценкам Геологического управления США, в Арктике находится около 90 млрд баррелей нефти, 47,3 трлн куб. м газа, 44 млрд баррелей газового конденсата, что составляет около 25 % неразведанных запасов углеводородов в мире¹. Во-вторых, Северный морской путь (СМП) является кратчайшим морским маршрутом между Европой и Восточной Азией, и, по оценкам специалистов, после 2050 г. он станет доступным для круглогодичной навигации. Как отметил специальный представитель президента России по международному сотрудничеству в Арктике и Антарктике Артур Чилингаров в ходе заседания «Арктика — территория научного сотрудничества»: «Без науки и без научных исследований изучение и освоение Арктики невозможно»². Именно поэтому, в последнее десятилетие Арктика стала одним из регионов мира, которые привлекают возрастающее внимание не только арктических стран, но и внерегиональных игроков. В 2013 г. Китай, Япония и Южная Корея получили статус наблюдателей Арктического совета. Страны Восточной Азии рассматривают присоединение к работе Совета как одно из ключевых достижений своей дипломатии последних лет.

Китай является «приарктической страной» (near-Arctic state) и важной заинтересованной стороной в развитии сотрудничества в Арктике. Естественные изменения и освоение ресурсов в Арктике оказывают прямое влияние на климат, окружающую среду, сельское хозяйство, судоходство, торговлю и социально-экономическое развитие Китая.

Интересы Китая в Арктике находятся в сфере экологии и научно-исследовательских работ. Китай начал работать в Арктике в середине 1980-х гг. С 2009 г. китайские специалисты постепенно переходят от изучения природно-климатических вопросов к оценке коммерческих и политических последствий освоения Арктики для Китая. Ресурсы морского дна Северного ледовитого океана могут стать новым источником энергетических и природных ресурсов Китая.

Следующий фактор — это транспортно-логистические интересы Китая. Северный морской путь позволяет диверсифицировать каналы транспортировки китайской продукции. Согласно оценкам спе-

циалистов, Северный морской путь позволит снизить транспортные издержки на 12—28 % по сравнению с традиционными морскими маршрутами.

До получения статуса наблюдателя в Арктическом совете Китай активно участвовал в работе Международного арктического научно-го комитета (The International Arctic Science Committee, IASC)³, участвовал и добросовестно исполнял международные конвенции и документы, касающиеся охраны окружающей среды в Арктике. С целью дальнейшего расширения обменов и сотрудничества со всеми заинтересованными сторонами в 2006 г. Китай обратился в Арктический совет с просьбой предоставить ему статус постоянного наблюдателя. С 2007 г. Китай участвовал в заседаниях Арктического совета в качестве временного наблюдателя.

После того как Китай стал наблюдателем Арктического совета, он продолжает укреплять обмены и сотрудничество со всеми сторонами. В то же время Китай продолжает вносить свой вклад в работу Арктического совета, содействует поддержанию мира, стабильности и устойчивому развитию Арктического региона. Политика Китая в Арктике направлена на расширение обменов с арктическими странами и другими заинтересованными сторонами с целью укрепления сотрудничества по широкому спектру областей, таких, как изучение процессов изменения климата, проведение совместных научных исследований, охрана окружающей среды, развитие судоходства, гуманитарные обмены между учёными и экспертами. Кроме того, Китай продолжает совершенствовать административные механизмы управления Арктикой. В 2011 г. Государственный совет учредил Межминистерский координационный совет по вопросам в Арктике. В 2016 г. Центральное народное правительство назначило специального представителя по вопросам Арктики при МИДе, чтобы создать условия для повышения эффективности управления Арктикой.

Хотя Япония не является полноценным приарктическим государством, она активно участвует в процессах управления Арктикой. Интересы Японии обусловлены следующими основными факторами: а) значительные стратегические возможности, связанные с навигацией в арктических водах; б) разработка и использование ресурсов арктического региона; в) потепление в Арктике является вызовом для экологической среды Японии.

В октябре 1987 г., сразу после мурманской речи М. Горбачёва, в которой президент СССР предложил сделать Арктику зоной мира и сотрудничества⁴, Япония начала фокусировать своё внимание в регионе на перспективах использования транзитного потенциала Северного морского пути, который открывал новые возможности для оптимизации японского экспорта в европейском направлении. Кроме экономических интересов, которые лежат в области освоения Северного морского пути и разработки природных ресурсов (углеводородов и биоресурсов моря), Япония раньше других стран Восточной Азии (Китай и Южная Корея) обратилась к изучению процессов, происходящих в Арктике. Как заявил премьер Абэ на конференции 16 октября 2015 г.: «Быстрые климатические изменения в Арктике ставят перед международным сообществом новые задачи, которые глубоко связаны с интересами нашей страны»⁵.

В апреле 2009 г. Япония подала заявку на участие в Арктическом совете в качестве постоянного наблюдателя, и через 4 года получила такой статус. В апреле 2013 г. Кабинет министров Японии одобрил «Базовый план по океанской политике» (海洋基本計画, Basic Plan on Ocean Policy)⁶, и в этом же году была учреждена должность посла по арктическим вопросам. В указанном плане впервые были сформулированы основные принципы японской политики в Арктике, а именно наблюдение за Арктикой и изучение арктических проблем; налаживание международного сотрудничества; изучение экономической целесообразности освоения Северного морского пути. В октябре 2015 г. Арктическая стратегия Японии (我が国の北極政策, Japan's Arctic Policy) была принята и опубликована на сайте премьер-министра Японии⁷. В ней определены стратегические подходы Японии в области дипломатии, национальной безопасности, защиты окружающей среды, транспорта, развития ресурсов, информации, коммуникаций, науки и техники.

Интерес Южной Кореи к Арктике вызван, прежде всего, экономическими мотивами. Южная Корея надеется реализовать средние и долгосрочные экономические возможности в Арктике. Она заинтересована в развитии судостроения, в перевозке тяжёлых грузов и природных ресурсов по Северному морскому пути. Долгосрочные интересы Южной Кореи тесно связаны с судоходством, судостроением, береговой инфраструктурой и рыболовством. Другой спектр

вопросов, привлекающих постоянное внимание южнокорейской политической элиты, связан с необходимостью поиска адекватных ответов на растущие экологические вызовы⁸.

Первым шагом формирования южнокорейской арктической стратегии принято считать создание Центра полярных исследований при Корейском институте исследования и освоения мирового океана в 1987 г., который разработал и опубликовал «Национальную программу освоения полярных регионов»⁹. Если в 1987—2004 гг. она была ориентирована только на Антарктику, то с 2004 г. программа стала охватывать и Арктику. В 2008 г. Южная Корея получила временный статус страны-наблюдателя при Арктическом совете, а в мае 2013 г. он стал постоянным. В декабре 2013 г. правительство Южной Кореи объявило о разработке «Арктической политики Республики Корея», известной как «Мастер-план». В этом документе сформулированы стратегические направления деятельности южнокорейского государства в средне- и долгосрочной перспективе¹⁰: а) укрепление международного сотрудничества в Арктике (более энергичное участие в работе Арктического совета и двустороннем сотрудничестве с арктическими странами); б) формирование новой бизнес-модели деятельности в Арктике (более тесное сотрудничество в области судоходства, развития портов, оффшорные программы, рыболовство и совместное освоение энергетических ресурсов); в) развитие исследовательской деятельности в Арктике; г) совершенствование правовой сферы и институциональной инфраструктуры, а также создание единого Арктического информационного центра.

Нам необходимо признать, что среди вышеназванных стран существует соперничество в Арктике. Например, в области освоения месторождений углеводородов на арктическом шельфе, эксплуатации Северного морского пути и развития транспортных перевозок. При этом Китай, Япония и Южная Корея имеют достаточно оснований для сотрудничества в Арктике, и такое сотрудничество уже началось. Китай, Япония и Республика Корея, не являясь арктическими государствами, имеют в этом регионе свои интересы, связанные с разработкой арктических месторождений углеводородов, развитием судоходства по Северному морскому пути, проведением научных исследований и охраной окружающей среды. Для стран Восточной Азии, общие интересы и одинаковый статус — это основа сотрудни-

чества в Арктике. Китай, Япония и Южная Корея уже поставили вопрос об арктическом сотрудничестве на политическом уровне. В ноябре 2015 г. состоялся саммит Корея—Япония—Китай, в ходе которого была подписана «Совместная декларация об укреплении мира и сотрудничества в Северо-Восточной Азии». В ст. 34 указанной декларации отмечается: «Признавая важное значение арктического вопроса, мы заявляем о готовности установить трёхсторонний диалог высокого уровня, целью которого станет обмен опытом реализации арктической политики, совместное изучение экономических проектов и углубление сотрудничества в Арктике»¹¹. 28 апреля 2016 г. в Сеуле Китай, Япония и Южная Корея провели первый раунд переговоров о сотрудничестве в Арктике¹². В переговорах участвовали заместитель Договорно-правового департамента МИД КНР Ма Синьминь, посол Японии по особым поручениям по арктическим вопросам Кадзуко Сираиси и спецпредставитель МИД Южной Кореи по Арктике Ким Чхан У, а также сотрудники других заинтересованных ведомств и исследовательских центров трёх стран.

8 июня 2017 г. в Токио состоялся второй раунд диалога высокого уровня между Китаем, Японией и Южной Кореей по арктическим проблемам¹³. Участники диалога подтвердили роль Арктического региона как потенциального центра транспортных коммуникаций, имеющего мировое значение, а также места сосредоточения крупных месторождений полезных ископаемых. С учётом этого была достигнута договорённость о дальнейшем взаимодействии сторон в рамках работы Арктического совета и совместных арктических исследованиях.

Примечания

¹ Circum — Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle. URL: <https://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049/fs2008-3049.pdf> (дата обращения: 10.11.2017).

² Чилингаров: освоение Арктики невозможно без научных исследований // ТАСС. 29.03.2017. URL: <http://tass.ru/nauka/4136611> (дата обращения: 10.11.2017).

³ International Arctic Science Committee. URL: <https://iasc.info/> (дата обращения: 12.11.2017).

⁴ *Gorbachev M.* The Speech in Murmansk at the ceremonial meeting on the occasion of the presentation of the Order of Lenin and the Gold Star Medal to the city of Murmansk, October 1, 1987 (Novosti Press Agency: Moscow, 1987). P. 23—31.

⁵ コメント: 「北極活用日本も熱視線」読売新聞 (2015年11月11日).

⁶ 海洋基本計画 (Basic Plan on Ocean Policy) // 04.2013. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/kihonkeikaku/130426kihonkeikaku_je.pdf (дата обращения: 20.11.2017).

⁷ 我が国の北極政策 (Japan's Arctic Policy) // The Headquarters for Ocean Policy. 16.10.2015. URL: [http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/jpn_arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy\[ENG\].pdf](http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/jpn_arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy[ENG].pdf) (дата обращения: 20.11.2017).

⁸ Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы. Доклад № 26/2016 / [Т.А. Махмутовидр.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2016. С. 31.

⁹ Korea Polar Research Institute. URL: <https://www.comnap.aq/Members/KOPRI/SitePages/Home.aspx> (дата обращения: 20.11.2017).

¹⁰ Arctic Policy of the Republic of Korea. URL: http://library.arcticportal.org/1902/1/Arctic_Policy_of_the_Republic_of_Korea.pdf (дата обращения: 20.11.2017).

¹¹ Joint Declaration for Peace and Cooperation in Northeast Asia (Seoul, Republic of Korea) // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 01.11.2015. URL: http://www.mofa.go.jp/a_o/gr/page1e_000058.html (дата обращения: 20.11.2017).

¹² Китай, Япония и Южная Корея проведут раунд переговоров по Арктике 28 апреля // РИА Новости. 25.04.2016. URL: <https://ria.ru/world/20160425/1419322221.html> (дата обращения: 20.11.2017).

¹³ Совместная декларация второго раунда диалога высокого уровня между Китаем, Японией и Южной Кореей по арктическим проблемам. 14.06.2017. URL: <http://www.fmpr.gov.cn/web/zyxw/t1470182.shtml> (дата обращения: 20.11.2017).

У Цзы (КНР),

*аспирантка Центра социально-экономических исследований Китая
ИДВ РАН*

Сазонов Сергей Леонидович,

*кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН*

СОТРУДНИЧЕСТВО РФ И КНР В ТРАНСПОРТНОМ ОСВОЕНИИ АРКТИКИ

Аннотация. Сегодня активно развивается сотрудничество между РФ и КНР в области освоения Арктики, поскольку обе страны заинтересованы в развитии судоходства по Северному морскому пути и добыче углеводородов в регионе. Россия заинтересована в привлечении китайских инвестиций и технологий и может обеспечить доступ КНР к ресурсам и северной транспортной артерии. В области совместных исследований Арктики помощь окажут имеющиеся у РФ научно-исследовательские суда и арктические станции. Кроме того, Китай в рамках сотрудничества с Россией может расширить свою роль в Арктическом совете, развивая национальную арктическую политику.

Ключевые слова: Россия, Китай, Арктика, сотрудничество, освоение природных ресурсов, Северный морской путь.

В последние годы беспокойная обстановка в Аденском заливе и Малаккском проливе, политическая нестабильность в ряде стран создают угрозу безопасности межконтинентального судоходства и

повышают себестоимость морской перевозки. На этом фоне северные морские пути (восточный — вдоль российских берегов и западный — вдоль канадского побережья) представляют собой безопасную зону для мореплавания и обеспечивают примерно 40 % экономии времени по сравнению с традиционными маршрутами транспортировки грузов из Европы в Азию и Северную Америку.

Китайские морские компании проявляют большой интерес к Северному морскому пути (СМП), нежели к другому арктическому морскому пути — Северо-Западному проходу (СЗП), пролегающему в канадских и американских водах¹. Причина в том, что для СЗП, имеющего ту же протяженность, что и СМП, характерна более тяжелая ледовая обстановка. Кроме того, по размеру ледокольного флота Канада уступает России в 14 раз, и поэтому канадский Северо-западный путь в обозримом будущем не станет конкурентом российскому СМП. Использование СМП позволяет судам сократить расстояние транспортировки на 40–50 % по сравнению с традиционными маршрутами перевозок грузов из китайских портов восточного побережья в порты Западной Европы, Северного и Балтийского морей.

СМП обеспечивает в основном северный завоз. Транзит по Северному морскому пути (7,6 тыс. морских миль) значительно короче, чем морской евразийский транзит через Суэцкий канал (15,7 тыс. миль) и вокруг Африки (18,3 тыс. миль), но более половины его маршрута — сплошные льды. В благоприятный для полярных перевозок 1987 г. по СМП было перевезено 6,5 млн т грузов, затем объем перевозок по северному широтному ходу резко сократился в 1990-х гг., и лишь сейчас он восстанавливается, достигнув 7,5 млн т в 2016 г. (причем лишь небольшую часть перевозки составляют транзитные грузы). Объемы перевозок по СМП несопоставимы с объемами транспортировки транзитных грузов через Суэцкий канал, через который в 2013 г. было пропущено 915 млн т транзитных грузов, в 2016 г. — 998,7 млн т². Среднегодовые температуры в акватории СМП составляют от -9°C до -12°C (средняя зимняя температура колеблется от -29°C до -32°C), что явно не подходит для транспортировки электроники, компьютерной техники, другой высокотехнологичной продукции. При этом надо иметь в виду, что, согласно Конвенции ООН по морскому праву, никаких ограничений судоходства для

других стран не существует^{*}, а российская сторона обязана бесплатно обеспечивать суда иностранных перевозчиков связью, предоставлять данные метеорологических и гидрографических служб, при необходимости обеспечивать спасательные операции. Иностранные судоходные компании должны оплачивать лишь услуги по лоцманскому и ледокольному сопровождению судов и пользование береговой инфраструктурой.

Интерес к проводке караванов грузовых судов через СМП проявляют порты Даньдун, Инкоу, Циньхуандао, Тяньцзинь, Шанхай и, в особенности, порты северо-востока Китая³. При этом отмечаются значительные трудности, возникающие при проходе по СМП, связанные с недостаточностью количества современных судов арктического флота (как транспортных судов, так и мощных атомных ледоколов), неразвитостью российской береговой инфраструктуры и низким качеством логистики северных портов РФ⁴.

Будущее СМП зависит от решения двух задач: наличия грузов на маршруте и возможности круглогодичной ледокольной проводки в Восточной Арктике. Западная часть СМП, от устья Енисея до Мурманска, с более легкой ледовой обстановкой освоена еще во времена СССР. Но Восточная Арктика проходима лишь несколько месяцев в году, летом и в начале осени; в остальное время для обеспечения навигации недостаточно имеющихся четырех атомных ледоколов Федерального государственного унитарного предприятия «Атомфлот» и менее мощных дизельных ледоколов «Росморпорта», а навигация по СМП длится всего два-четыре месяца, зависит от погоды и требует дорогостоящего ледокольного обеспечения. Кроме того, в мире нет крупных контейнеровозов с усиленным корпусом для работы в Арктике, отсутствуют попутные порты погрузки-выгрузки.

Крупнейший в мире морской перевозчик Maersk в 2019 г. введет в эксплуатацию семь контейнеровозов ледового класса вместимостью 3,6 тыс. контейнеров для торговли с Россией (лишь один из них может использоваться на СМП). Основным драйвером грузопо-

---

^{*} Конвенция ООН по морскому праву, подписанная в 1982 г. всеми околополярными государствами (но не ратифицированная в США), никак не препятствует международному судоходству в акватории Северного Ледовитого океана.

токов по СМП пока считается сжиженный природный газ компании НОВАТЭК, а также нефть и уголь других грузоперевозчиков. По базовому сценарию компании НОВАТЭК к 2020 г. грузопоток по СМП достигнет 25 млн т в год, а с учетом лицензионных обязательств и планов компаний — 40 млн т. В 2025 г. эти прогнозы составляют 37 млн и 67 млн т, в 2030 г. — 41 млн и 72 млн т соответственно.

Китайские специалисты полагают, что нынешняя Россия не сможет самостоятельно создать нормальные условия для освоения СМП, и отмечают, что заинтересованность РФ в поиске партнеров открывает новые возможности для КНР⁵. Китай, сталкиваясь с трудностями при проведении морских судов по северному широтному ходу, заинтересован в изучении российского опыта судоходства в высоких широтах и развитии сотрудничества с РФ в освоении арктических путей СМП, которые в КНР называют «Холодным, или Ледовым Шелковым путем».

КНР активно финансирует развитие северокорейского порта Раджин, расширяет к нему транспортный коридор от китайской границы. Этот порт дает Китаю более короткий выход к Северному Ледовитому океану.

В конце 2013 г. торговое судно Yongsheng китайской компании COSCO Shipping водоизмещением 19,5 т за 33 дня совершило первый проход протяженностью около 2936 морских миль по СМП из порта Далянь (пров. Ляонин) через Берингов пролив в порт Роттердама. 11 сентября 2017 г. китайское торговое судно «Тяньцзянь», миновав Берингов пролив, вышло на трассу Северного морского пути, 19 сентября оказалось в водах Баренцева моря, а 24 сентября 2017 г. успешно прибыло в датский порт Эсбьерг, а затем судно также посетило российский город Санкт-Петербург. Согласно расчетам транспортной компании COSCO, к которой приписано судно «Тяньцзянь», протяженность в пути от порта Ляньюньган пров. Цзянсу до Эсбьерга составляет 6280 морских миль, что на 4779 морских миль меньше, чем по маршруту через Суэцкий канал. Таким образом, китайское судно сэкономило 15,3 дней и около 383 т топлива. Судно «Тяньцзянь» стало третьим китайским торговым судном, прибывшим в европейский порт через СМП с начала 2017 г. До этого грузовые суда «Пэнхуасун» и «Даань», прибывшие из Китая в Европу по

Северному морскому пути, успешно выполнили все задачи в рамках своих походов через Арктику⁶.

Развитие российского и китайского ледокольного и транспортного флотов*, модернизация северных портов, обеспечение безопасности мореплавания по Северному морскому пути должны обеспечить полноценную эксплуатацию СМП с опорой на быстро развивающийся порт Сабетта. Это позволит обеспечить дальнейшую интеграцию арктических регионов Дальнего Востока РФ в экономическое пространство КНР и стран ЮВА (вывоз СПГ из порта Сабетта в порты Северо-Восточного Китая и страны ЮВА)⁷.

В 2015 г. были проведены российско-китайские переговоры о создании совместного российско-китайского пароходства, которое будет осваивать Северный морской путь и перевозить по нему коммерческие грузы. При этом восточный маршрут СМП — в Китай и страны Юго-Восточной Азии — считается премиальным для СПГ, а доставка грузов с Ямала в Японию составляет всего 16 дней, что в 2 раза быстрее, чем через Суэцкий канал. По оценке «Атомфлота», при круглогодичной загрузке восточной части СМП транспортные расходы при поставке СПГ в Японию (по сравнению с маршрутом через Суэц) будут на 30 долл. на 1 т ниже. Добавляет перспектив маршруту и намерение компании НОВАТЭК построить терминал для перегрузки СПГ на Камчатке с возможным созданием там хаба для спотовых продаж СПГ в страны ЮВА. В 2017 г. китайская компания China Poly Group Corp. выразила желание инвестировать

---

* Китай обладает широкими возможностями для сотрудничества с РФ в транспортировке СПГ из Арктической зоны. Четыре государственных китайские верфи входят в число 13 верфей в мире, которые способны производить танкеры для перевозки СПГ, причем те модели, которые позволяют перевозить СПГ в условиях экстремально низких температур. Стоимость подобных танкеров в зависимости от размера составляет от 250 млн до 450 млн долл. До 2015 г. китайские верфи спустили на воду 10 танкеров, и в настоящее время их пакет заказов на изготовление новых танкеров вместимостью 174 тыс. куб. м каждый составляет 14 ед. В 2015 г. японская корпорация Kawasaki Heavy Industries Ltd запланировала совместно с корпорацией COSCO организовать на верфях пров. Цзянсу производство танкеров для транспортировки СПГ и к 2018 г. намерена спустить на воду 2 современных супертанкера (China bank loans \$400m for LNG carrier project. URL: http://en.ce.cn/Industries/Financial-services/201607/04/t20160704_3096803.sh tml (дата обращения: 21.11.2017).

300 млн долл. в развитие мощностей российского порта Мурманск, который может стать базой для приема и обслуживания китайских судов⁸.

В 2016 г. объем перевозок через СМП составил рекордные 7,5 млн т, а драйверами роста стали крупные проекты — «Ямал СПГ», Новопортовское месторождение и др. Согласно прогнозам, в 2030 г. грузопоток в акватории СМП может превысить 80 млн т, однако давать оценки довольно сложно, поскольку большинство проектов в Арктике не имеют аналогов в силу уникальности региона, находящегося в зоне высокого риска. Можно строить прогнозы на базе мощностей новых предприятий, например, только «Ямал СПГ» ежегодно будет производить 16,5 млн т СПГ.

В начале 2000-х гг. эксперты утверждали, что к 2015 г. объемы перевозки по СМП составят 10 млн т в год, а сегодня мы понимаем, что прогнозы для региона в 2030 г. являются чрезвычайно длинным горизонтом планирования. В ближайшей перспективе в структуре грузопотока по СМП будут доминировать углеводороды, грузы для строительства инфраструктуры, развития арктических территорий, повышения уровня жизни населения, обеспечения заявок Министерства обороны РФ.

Развитие контейнерных перевозок становится делом далекого будущего, поскольку сегодня в Арктике невозможно организовать полноценный линейный сервис из-за погодных ограничений. Следует понимать, что контейнерная линия не сможет работать стабильно в климате российского севера — сложная ледовая обстановка делает сроки доставки непрогнозируемыми, а для большинства грузов в контейнерах низкие температуры неприемлемы. В итоге из-за высоких рисков страховщики зачастую отказываются работать с контейнерными перевозчиками в регионе, а грузовладельцы предпочитают более длинный, но более безопасный маршрут через Суэцкий канал. Следовательно, переключение части китайского морского евразийского транзита на СМП можно ожидать примерно через 10 лет, а сегодня с уверенностью можно рассматривать совместное российско-китайское освоение СМП в плане развития транспортировки углеводородов региона в КНР, страны ЮВА и Европы.

Согласно расчетам Института полярных исследований КНР, объем внешнеторгового оборота Китая в 2030 г. может составить около 10 трлн долл. Поскольку более 90 % внешней торговли страны обеспечивается морскими перевозками, то стоимость 5 % внешне-торговых грузов, перевезенных китайскими морскими компаниями по СМП в 2030 г., может составить около 500 млрд долл. Тесное российско-китайское взаимодействие в освоении СМП и растущие объемы торговли КНР с европейскими странами могут кардинально изменить структуру и маршруты морских евроазиатских перевозок.

Большой интерес к совместному с Россией освоению углеводородных ресурсов в арктических районах РФ проявляют крупнейшая в КНР нефтегазовая корпорация КННК и компания PetroChina, занимающая 3-е место среди топ-50 крупнейших мировых нефтегазовых компаний (в 2015 г. стоимость активов PetroChina составляла 2,3 трлн юаней (378,4 млрд долл.)⁹).

Сегодня Россия и Китай обладают уникальным потенциалом для развития двустороннего сотрудничества в области освоения Арктического региона, а отношения стратегического партнерства между двумя странами создают прочную основу для взаимодействия в Арктике. Подключение китайских научных центров* и крупнейших государственных корпораций КНР к изучению, модернизации и совместному освоению СМП для транспортировки углеводородов в Китай, страны Европы и ЮВА будет способствовать повышению пропускной способности российского северного широтного пути.

---

* В настоящее время осуществляется ряд российско-китайских научно-исследовательских проектов по изучению Арктического региона. В частности, с 2012 г. проводится ежегодная российско-китайская конференция по сотрудничеству в Арктике; в 2014 г. Дальневосточный федеральный университет (ДФУ) совместно с Шанхайским университетом транспорта основали Институт окраинных морей и арктических исследований; на базе ДФУ с 2015 г. при участии китайских специалистов проводится «Ледовая школа»; с ноября 2015 г. ДФУ, Санкт-Петербургский государственный университет, Шанхайский океанический и Шанхайский транспортный университеты издают совместный журнал по проблемам Арктики; идет подготовка первой совместной российско-китайской экспедиции по Северному Ледовитому океану (*Вороненко А., Бай Цзяюй*. Перспективы развития российско-китайского сотрудничества в Арктике. URL: <http://fp-expert.ru/ekspertnye-otsenki/432-html> (дата обращения: 21.11.2017).

Примечания

¹ China Exclusive: China to build new icebreaker. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2016-01/05/c_133019770.htm; Чжу Таогао. Общие коридоры развития // Китай. 2017. № 5 (139). С. 39.

² Скорлыгина Н., Скоробогатько Д., Дзагуто В. Северный морской трест. Государство создает еще один институт развития. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3256860> (дата обращения 30.03.2017).

³ Zhong Nan (*China Daily*). Arctic trade route opens. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/business/2016-08/10/content_16884426.htm (дата обращения: 30.03.2017).

⁴ Northeast Asian countries eye Arctic seaway. URL: http://en.ce.cn/Industries/Transport/201609/11/t20130911_1468353.shtml

⁵ Zhao Lei (*China Daily*). China to release its first guidebook on Arctic shipping shortcut. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/china/2016-06/20/content_17602556.htm (дата обращения: 30.03.2017).

⁶ Китайское торговое судно «Тяньцзянь» успешно прибыло в Европу по Северному морскому пути. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0925/c31519-9273060.html> (дата обращения: 30.03.2017).

⁷ China, Russia to cooperate on marine high tech to serve Belt and Road Initiative. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-03/09/content_28487070.htm (дата обращения: 30.03.2017).

⁸ Hu Weijia. Northern Sea Route offers opportunity for stronger Sino-Russian relationship. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1037596.shtml> (дата обращения: 30.03.2017).

⁹ China's energy giant willing to cooperate in Arctic resources extraction. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201501/21/t20150121_4396935.shtml: CNPC eyes Arctic oil collaboration. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201601/21/t20160121_4396290.shtml (дата обращения: 30.03.2017).

*Синякова Анна Филимоновна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры японского,
корейского, индонезийского и монгольского языков
МГИМО (У) МИД России*

ПРЕЗИДЕНТ ПАК КЫНХЕ: ОБЕЩАНИЯ VS ДОСТИЖЕНИЯ*

Аннотация. Дан анализ итогов преждевременно и бесславно закончившегося президентского срока Пак Кынхе. Рассмотрена инаугурационная речь, а именно задачи, которые в ней поставлены, и статистические результаты, реально достигнутые по каждому из заявленных пунктов на момент прекращения президентских полномочий. Первой приоритетной сферой заявлена экономика: преодоление последствий экономического кризиса и достижение «второго чуда на реке Ханган» за счет креативной экономики, науки, технологий и сферы IT. Оценить результаты позволит анализ динамики ВВП, ВНД, доли расходов на НИОКР и образование. Вторым приоритетом названо счастье граждан страны. Третьим пунктом является культурное процветание, которое президент видит в распространении «корейской волны» в мире. Не оставлены без внимания и традиционные вопросы безопасности и доверия на Корейском полуострове. Анализ позиций Южной Кореи и текущей международной ситуации в регионе покажет достигнутые результаты.

Ключевые слова: Республика Корея, президент Пак Кынхе, инаугурационная речь, экономика Кореи.

---

* Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 16-03-00602.

В статье будут проанализированы итоги преждевременно и бесславно закончившегося президентского срока Пак Кынхе, 18-го президента Республики Корея, первого президента-женщины, дочери президента страны Пак Чонхи. Материалом исследования является инаугурационная речь президента Пак Кынхе, а именно задачи, которые в ней поставлены, с одной стороны, и статистические результаты, реально достигнутые по каждому из заявленных пунктов на момент прекращения президентских полномочий, с другой стороны.

Инаугурационная речь президента представляет собой добровольное оглашение собственных обещаний, в которых вновь избранный лидер выделяет ключевые и опорные пункты, соответствующие предвыборной программе и актуальным потребностям страны. Интерес представляет именно инаугурационная речь, а не предвыборные обещания, поскольку уже избранный кандидат по итогам выборов уточняет прежние намерения и расставляет акценты. Традиционно оптимистичный и несколько декларативный характер подобного обращения к гражданам не умаляет значимости взятых на себя обязательств.

В своей инаугурационной речи Пак Кынхе вслед за благодарностями гражданам за оказанное доверие и заверениями его оправдать выделяет приоритетные сферы своей деятельности на предстоящие 5 лет¹.

В качестве первой приоритетной сферы заявлена экономика (слово «экономика» употреблено 19 раз), в которой вновь избранный президент ожидает активизацию, преодоление последствий экономического кризиса и достижение «второго чуда на реке Ханган», основой которого станет креативная экономика, базирующаяся на науке, технологиях и сфере ИТ. Оценить результаты позволит анализ динамики суммарных и душевых показателей ВВП, национального дохода, доли расходов на НИОКР и образование и др.

Президент Пак находилась у власти с 25 февраля 2013 г. по 10 марта 2017 г. За период с 2013 по 2016 г. ВВП характеризовался положительной динамикой со стабильными темпами прироста порядка 3 %. ВВП на душу населения также демонстрировал постоянство после небольшого увеличения (табл. 1).

Таблица 1. Динамика ВВП Республики Корея, 2013—2016 гг.

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
ВВП, млрд долл.	1306	1411	1383	1411
Темп прироста ВВП, %	2,9	3,3	2,8	2,8
ВВП на душу населения, долл.	25 890	27 811	27 105	27 535

Источник: The World Bank URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&country=KOR> (дата обращения: 16.11.2017); Expansion / CountryEconomy.com URL: <https://countryeconomy.com/gdp/south-korea> (дата обращения: 16.11.2017).

Валовый национальный доход (ВНД) как в текущих ценах, так и по ППС одновременно с соответствующими подушевыми показателями отличался устойчивой положительной динамикой на протяжении 4 лет. Уровень инфляции оставался достаточно низким (табл. 2).

Таблица 2. Динамика ВНД Республики Корея, 2013—2016 гг.

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
ВНД, млрд долл.	1299	1360	1390	1414
ВНД на душу населения, долл.	25 760	26 800	27 250	27 600
ВНД по ППС, млрд долл.	1656	1712	1761	1834
ВНД по ППС на душу населения, долл.	32 850	33 740	34 520	35 790
Инфляция, %	0,9	0,6	2,4	1,8

Источник: The World Bank URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&country=KOR> (дата обращения: 16.11.2017).

Представленные показатели свидетельствуют о положительной динамике в южнокорейской экономике. Данный вывод подтверждают и международные рейтинговые агентства: кредитный рейтинг Moody's в период президентского срока Пак Кынхе поднялся с Aa3 до Aa2 со стабильным прогнозом; рейтинг S&P повысился с AA- до AA; Fitch рейтинг оставался неизменным AA- со стабильным прогнозом².

Доля расходов на НИОКР в ВВП менялась незначительно: 4,1 % в 2013 г., 4,3 % — в 2014 г., 4,2 % — в 2015 году³. Доля высокотехно-

логичного экспорта в суммарном объеме экспорта производственных товаров составила с 2013 по 2015 г. соответственно 27,1, 26,9 и 26,8 %⁴. Число патентных заявок от резидентов и заявок на регистрацию товарного знака увеличивалось с каждым годом (табл. 3). Наибольшее количество заявок приходилось на сферу полупроводников, электромеханики, компьютерных и аудиовизуальных технологий. Республика Корея уверенно занимает 2—4-е место в мире по данным показателям. Стоит, однако, отметить, что наибольшее число обращений было от крупных компаний, в частности, «Самсунг Электроникс», «ЭлДжи Электроникс», «ЭлДжи Кем» (LG Chem), «ЭлДжи Иннотек», и от университетов — Сеульского и Корё.

Таблица 3. Патентные заявки и заявки на товарный знак от резидентов РК (2013—2015 гг.)

	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Патентные заявки	159 978	164 073	167 275
Действующие патенты	812 595	885 959	912 442
Заявки на регистрацию товарного знака	135 233	138 046	160 026
Зарегистрированные товарные знаки	80 373	80 647	95 497

Источник: World Intellectual Property Organization URL: http://www.wipo.int/ipstats/en/statistics/country_profile/profile.jsp?code=KR (дата обращения^ 16.11.2017).

Позиции Кореи в рейтинге Глобального инновационного индекса (Global Innovation Index), который представляет собой комплексную оценку объективных и субъективных факторов, также постоянно укреплялись на протяжении исследуемого периода (табл. 4).

В качестве еще одной цели в инаугурационной речи президента Пак были заявлены экономические меры, которые позволят укрепить

Таблица 4. Позиция РК в Глобальном инновационном индексе (2013—2016 гг.)

2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
18	16	14	11

Источник: The Global Innovation Index URL: <https://www.globalinnovationindex.org/home> (дата обращения: 16.11.2017).

пить позиции среднего и малого бизнеса, а также дадут возможность каждому работающему человеку крепко стоять на ногах. По рейтингу ведения бизнеса (Doing Business), который оценивает простоту осуществления предпринимательской деятельности на основе 11 индикаторов, РК последовательно поднялась с 6-го на 4-е место по сумме показателей, среди которых открытие бизнеса, подключение к электричеству, получение разрешения на строительство, регистрация прав собственности, доступ к кредиту и др.⁵ Стоит отметить, что южнокорейские показатели чуть выше средних по странам ОЭСР. Ключевая процентная ставка пересматривалась в сторону понижения даже дважды за год — в 2014 и в 2015 гг., что используется государством в качестве инструмента денежно-кредитной политики для упрощения доступа к кредитованию и оживления экономики (табл. 5).

Таблица 5. Ключевая ставка в РК, % (2013—2016 гг.)

2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
2,5	2,25 (Авг. 2014) 2,0 (Окт. 2014)	1,75 (Март 2015) 1,5 (Нояб. 2015)	1,25

Источник: Expansion / CountryEconomy.com URL: <https://countryeconomy.com/key-rates/south-korea> (дата обращения: 16.11.2017).

Подводя итог анализа показателей экономического развития Южной Кореи за период президентского срока Пак Кынхе, можно отметить, что заявленные ею в инаугурационной речи цели и задачи в целом были достигнуты. Говорить о «втором чуде на реке Ханган» было бы сильным преувеличением, но такие задачи, как экономический рост, инновационная, или креативная, экономика, простота осуществления предпринимательской деятельности и ведения бизнеса были в достаточной степени реализованы. Хорошие абсолютные и относительные показатели в динамике наряду с высокими местами в международных сравнениях дают основания говорить о том, что достижения президента Пак соответствуют обещаниям.

Вторым приоритетом в инаугурационной речи названо счастье граждан страны (слово «счастье» употреблено 20 раз). С одной стороны, счастье является понятием субъективным, с другой — классик

сказал, что «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»⁶. Это же можно отнести не только к отдельным людям, но и к нациям в целом, и оценить счастье в аспектах продолжительности жизни, безопасности, здоровья, социального равенства, безработицы и др.

Средняя продолжительность жизни в Южной Корее превышает 80 лет (табл. 6). Демографические показатели традиционно не отличаются заметной динамикой в краткосрочном периоде и в рамках данного исследования отражают социально-демографическую ситуацию в Республике Корея, которая в целом соответствует ситуации в развитых странах.

Таблица 6. Средняя продолжительность жизни в РК, общий коэффициент рождаемости и смертности (2013—2015 гг.)

	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Средняя продолжительность жизни, годы	81,71	88,16	82,16
в т.ч. жен.	85,06	85,48	85,48
в т.ч. муж.	78,51	78,99	78,99
Общий коэффициент рождаемости, ‰	8,6	8,6	8,6
Общий коэффициент смертности, ‰	5,3	5,3	5,4

Источник: Expansion / CountryEconomy.com URL: <https://countryeconomy.com/demography/life-expectancy/south-korea> (дата обращения: 16.11.2017).

По данным Age Watch Index, оценивающего положение пожилых людей в разных странах, Республика Корея занимала 67-е место в 2013 г., 50-е в 2014 г. и 60-е в 2015 г. Небольшая положительная динамика не позволяет, тем не менее, говорить об улучшении южнокорейских позиций. Скромные позиции в оценке доступности услуг здравоохранения, ниже средних по региону социальная вовлеченность, общая доступность инфраструктуры, а также получаемый пожилыми людьми доход. Уровень бедности пожилых людей (48,5 %) заметно превышает средний региональный показатель (12,9 %), социальная пенсия для лиц старше 65 лет составляет 87 долл. США. При этом население старше 60 лет достигает 9,3 млн человек, а 70 % граждан старше 65 лет получают пенсию⁷.

Социальное, в частности гендерное, неравенство также не добавляет счастья корейской нации. Индекс гендерного неравенства (Gender Gap Index) в динамике за период 2013—2016 гг. менялся незначительно (табл. 7).

Таблица 7. Индекс гендерного неравенства в РК (2013—2016 гг.)

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Индекс гендерного неравенства (1 = паритет)	0,635	0,640	0,651	0,649
Место РК в рейтинге 144 стран	111	117	115	116

Источник: World Economic Forum URL: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2016/economies/#economy=KOR> (дата обращения: 16.11.2017); Expansion / CountryEconomy.com URL: <https://countryeconomy.com/demography/global-gender-gap-index/south-korea> (дата обращения: 16.11.2017).

Сравнительно невысокие позиции РК в рейтинге связаны с крайне низкими оценками позиций женщин в политике (количество женщин в парламенте и на министерских постах) и их возможностей расти по карьерной лестнице и занимать руководящие позиции в экономике. Разница в оплате труда мужчин и женщин доходит до 50 %⁸. Стоит отметить, что в самой Республике Корея звучала критика данного индекса, связанная с методологией оценки.

Высокие показатели и положительная динамика на протяжении исследуемого периода времени были у индекса человеческого развития (ИЧР) в Южной Корее (табл. 8).

Таблица 8. Индекс человеческого развития РК (2013—2015 гг.)

	2013 г.	2014 г.	2015 г.
ИЧР	0,896	0,899	0,901
Место РК в рейтинге стран	15	17	18

Источник: Expansion / CountryEconomy.com URL: <https://countryeconomy.com/hdi/south-korea> (дата обращения: 16.11.2017); UNDP Human Development Reports URL: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-index-hdi> (дата обращения: 16.11.2017).

Небольшой положительной динамикой отличалась среднегодовая заработная плата с 2013 по 2016 г. (табл. 9).

Таблица 9. Средняя годовая заработная плата в РК, долл. (2013—2016 гг.) в постоянных ценах по курсу доллара 2016 г.)

2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
28 537	28 485	28 822	29 125

Источник: OECD. Stat URL: http://stats.oecd.org/index.aspx?datasetcode=AV_AN_WAGE (дата обращения: 16.11.2017).

Очень хорошая ситуация с личной безопасностью в Южной Корее: количество преднамеренных убийств на 10 000 граждан не превышает 372 человека, по данным на 2014 г.⁹

Проведенный анализ позволяет говорить об отсутствии заметного роста счастья граждан в Южной Корее за время президентского срока Пак, этот же вывод подтверждает и индекс счастья, который ООН публикует во Всемирном докладе о счастье (табл. 10). Более того, согласно его оценке, корейцы стали даже менее счастливыми за исследуемое время.

Таблица 10. Индекс счастья в РК (2013—2016 гг.)

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Индекс счастья	6,27	—	5,98	5,83
Место РК в рейтинге стран	41	—	47	58

Источник: Expansion / CountryEconomy.com URL: <https://countryeconomy.com/demography/world-happiness-index/south-korea> (дата обращения: 16.11.2017).

Подводя промежуточный итог, можно говорить о том, что обещания президента Пак Кынхе обеспечить счастье граждан не были реализованы.

Третьим пунктом, заявленным в инаугурационной речи, является культурное процветание (слово «культура» употреблено 19 раз), которое президент видит в распространении «корейской волны» в мире. Исследованию «корейской волны» к настоящему времени посвящено немало работ, интерес к ней заметно различается и в разных странах, и в разных возрастных группах в одной стране. В контексте данного исследования наиболее любопытен пример России, который был достаточно подробно освещен в докладе И.В. Дьячко-

ва «След мягкой силы: образ Южной Кореи в глазах фанатов её поп-музыки и телесериалов». Выводы автора говорят о том, что продукция «корейской волны» популяризирует продукцию «корейской волны», а вовсе не Корею, и даже почти и не влечет за собой стремления к познанию страны, что и является истинной задачей «мягкой силы»¹⁰.

В инаугурационной речи Пак Кынхе не обходит стороной и традиционные вопросы безопасности и доверия на Корейском полуострове в контексте развития отношений с Северной Кореей и ключевыми странами региона. Международная ситуация в регионе, чрезвычайно обострившаяся уже после отставки президента Пак, и межкорейские отношения, оцениваемые экспертами как едва ли не худшие после завершения войны на полуострове, не позволяют говорить о том, что озвученные обещания были выполнены.

Подводя итог оценке достижений президента Пак Кынхе, исходя лишь из того, воплощены ли обещания, взятые ею на себя в инаугурационной речи, можно отметить, что их экономический блок в целом реализован. Обещания в части обеспечения счастья граждан преимущественно не нашли осуществления. Культурная экспансия за счет «корейской волны» продолжается, но эффективность ее с точки зрения «мягкой силы» требует большего времени для справедливой оценки.

Традиционное для каждого вновь избранного президента РК декларативное заявление достичь мира и взаимного доверия на полуострове так же не было воплощено в жизнь.

Примечания

¹ <<박근혜정부 출범>> 차대통령 취임사 전문. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/politics/2013/02/25/0505000000AKR20130225034600001.HTML> (дата обращения: 16.11.2017).

² Expansion / CountryEconomy.com URL: <https://countryeconomy.com/ratiogs/south-korea> (дата обращения: 16.11.2017).

³ The World Bank URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?locations=KR> (дата обращения: 16.11.2017).

⁴ Там же.

⁵ The World Bank Doing Business URL: <http://www.doingbusiness.org/data/exploreeconomies/korea> (дата обращения: 16.11.2017).

⁶ Толстой Л.Н. Анна Каренина. Собр. соч.: в 22 т. Т. 8. М., 1978—1985. С. 9.

⁷ Expansion / CountryEconomy.com URL: <https://countryeconomy.com/demography/global-agewatch-index/south-korea> (дата обращения: 16.11.2017).

Global Age Watch Index 2015 URL: <http://www.helpage.org/global-agewatch/population-ageing-data/country-ageing-data/?country=Republic+of+Korea> (дата обращения: 16.11.2017).

⁸ World Economic Forum. URL: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2016/economies/#economy=KOR> (дата обращения: 16.11.2017).

⁹ Expansion / CountryEconomy.com URL: <https://countryeconomy.com/demography/homicides/south-korea> (дата обращения: 16.11.2017).

¹⁰ Дьячков И.В. След мягкой силы: образ Южной Кореи в глазах фанатов её поп-музыки и телесериалов // Доклад в секции «Языки и культуры» на XIV межвузовском семинаре «Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения», 15—16 июня 2015 г. МГИМО (У) МИД России.

*Карячкин Ярослав Игоревич,
студент 1-го курса магистратуры МГИМО (У) МИД России
по направлению «Зарубежное регионоведение»*

ПЕРСПЕКТИВЫ НОВОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ МУН ЧЖЭ ИНА

Аннотация. Недавно избранный президент Республики Корея, Мун Чжэ Ин принял решение отдать приоритет возобновляемым источникам энергии (ВИЭ) и сократить число АЭС, доля которых в производстве электроэнергии Республики Корея составляет около 30 %. Правительство намерено проводить подобную политику, отказываясь от строительства новых и продления эксплуатации действующих электростанций. Проанализированы вероятные последствия решения о переходе к ВИЭ, реальные возможности этого перехода, а также то, удастся ли претворить это решение в жизнь за тот период, когда текущая администрация будет находиться у власти. Скоропалительное решение в данном вопросе может повлечь за собой ряд необратимых последствий, в частности, общее повышение цен на товары и услуги, произведенные на территории Республики Корея, вызванное повышением цен на электроэнергию. В любом случае этот шаг обяжет правительство Республики Корея заплатить за переход к «зеленой энергетике», вопрос лишь в том, какова будет эта цена.

Ключевые слова: Южная Корея, энергетика, экономика, Мун Чжэ Ин, возобновляемые источники энергии, атомная энергетика.

По итогам президентских выборов 2017 г. новым президентом Республики Корея стал Мун Чжэ Ин. Одним из обещаний, данных

им во время предвыборной кампании, было развитие возобновляемых источников энергии, а также сокращение числа атомных электростанций. Их доля в производстве электроэнергии Республики Корея, согласно статистике Мирового энергетического агентства (МЭА), составляет около 30 %¹. Спустя месяц после избрания президент заявил, что «к 2030 г. планируется повысить долю ВИЭ в общем производстве электроэнергии до 20 %»². Позже, на торжественной церемонии вывода из эксплуатации одного из реакторов на АЭС «Кори», президент отметил, что «выведение из эксплуатации реактора «Кори-1» — это первый шаг к избавлению от ядерной энергетики»³.

Несмотря на обещания по сокращению АЭС, на сегодняшний день Республика Корея является одним из лидеров по использованию атомной энергетики и занимает 6-е место в этом списке, сразу после России⁴. В планы новой администрации также входит сокращение доли угля в энергобалансе страны.

В первую очередь, необходимо сказать о возможностях Кореи по достижению заявленных целей. Инициатива, связанная с резким поворотом в энергетической политике, представляется не совсем реализуемой, по крайней мере, в кратко- или среднесрочной перспективе. И для этого есть три причины.

Первая причина — чисто техническая. Несмотря на явные плюсы ВИЭ, такие, как бесконечность используемых ресурсов, на современном этапе она еще не до конца проработана и имеет ряд недостатков, не позволяющих в полной мере раскрыть заложенный в ней потенциал. Сроки окупаемости проектов ВИЭ, в отличие от традиционных источников энергии, лежат за пределами любых экономических циклов (составляют около 30 лет по разным видам генерации)⁵. Говоря о развитии ВИЭ в Южной Корее, нельзя не упомянуть о том, что этот термин понимается там немного иначе. В рамках МЭА под ВИЭ понимается солнечная, ветряная, геотермальная, приливная энергетика, малые гидроэлектростанции (МГЭС) и энергия биомассы. В отличие от классификации МЭА, под «новой энергетикой», которая соответствует ВИЭ, понимается вся энергетика, не использующая газ, нефть или уголь, и не АЭС⁶. Поэтому корейцы часто включают в это понятие и гидроэнергетику, однако в качестве ВИЭ классифицируется лишь малая гидроэнергетика.

Суммируя мировой опыт по внедрению ВИЭ, можно сказать, что у Кореи есть возможности по развитию данного направления, хотя имеются и некоторые нюансы. Во-первых, в Корею можно установить МГЭС, но для этого требуется определенное количество водных ресурсов. Также для МГЭС будут пригодны лишь те водные потоки, которые не пересыхают летом и не замерзают в зимнее время, чтобы обеспечивать постоянное электроснабжение. Во-вторых, возможна установка солнечных электростанций, а именно, так называемой фотовольтаики, однако они не обеспечивают бесперебойного потока электроэнергии, а в некоторых регионах Кореи солнечная энергетика столкнется с проблемой пыльных бурь, приходящих из Китая⁷. Здесь также стоит упомянуть, что для производства солнечных панелей требуется кремний, производство которого дает накопление 4 т крайне вредного для человека натрийалюмофторида на 1 т произведенного кремния⁸. Это никак не будет содействовать улучшению экологической обстановки, к чему стремится президент. В-третьих, говоря о ветряных электростанциях, нужно отметить, что они напрямую зависят от природных условий, характеризуются нерегулярностью поступления электроэнергии, необходимостью большого числа аккумуляторов и больших пространств для размещения установок. В-четвертых, вероятным представляется развитие использования биомассы, что не подразумевает серьезных изменений в структуре электростанций и электроснабжения, так как биомасса — это аналог традиционных источников энергии. Биомасса широко используется в Японии (4 % вырабатываемой электроэнергии)⁹ и Великобритании (10 %) ¹⁰. Основной недостаток — высокие требования к агропромышленному сектору, наличие необходимой инфраструктуры и обширных территорий для выращивания биосырья. Альтернативой может стать масштабное производство биомассы на основе переработки отходов, однако оно не сможет заменить существенную часть АЭС и улучшить экологическую обстановку в стране.

Вторая — это финансовые сложности. Сейчас в Корею действует система квот на использование ВИЭ, которые называются «Стандарт ВИЭ в энергобалансе компаний» (Renewable Portfolio Standard, RPS)¹¹. Каждая из крупнейших южнокорейских энергетических компаний в рамках этой системы получает «сертификаты» по использованию ВИЭ для генерации электроэнергии, которые она обя-

зана подавать в специальное ведомство, иначе последует штраф. При этом компания может не устанавливать ВИЭ, но покупать эти «сертификаты» на специальной бирже. В 2012 г., когда президентом Ли Мен Баком была учреждена эта система, доля ВИЭ должна была составлять 2 %, на 2017 г. её уже подняли до 4 %, планируется увеличение по 1 % в год. Это значит, что компании обязаны покупать у государства эти сертификаты либо вкладываться в развитие ВИЭ вне зависимости от их рентабельности. Скорее всего, для резкого повышения доли ВИЭ в энергобалансе этих мер будет недостаточно. Вызванное дальнейшим увеличением доли ВИЭ постепенное повышение цен на электроэнергию затронет, скорее, именно промышленных потребителей, нежели домохозяйства. И скажется оно именно на энергоёмких предприятиях, в частности химической или нефтеперерабатывающей промышленности, а не на легкой промышленности.

Третья причина — политическая. На развитие такого рода энергетики уйдут годы, энергетическая политика рассчитана на срок до 2030 года, а администрация Мун Чжэ Ина пробудет у власти еще только 4 года. Неизвестно, не придет ли после Мун Чжэ Ина некто иной, кто решит свернуть все экологические проекты Муна и начнет развивать что-то еще. В принципе, учитывая опыт Пак Кын Хе, можно с определенной долей вероятности сказать, что так оно, скорее всего, и случится. Вопрос в том, будет ли его преемник президента заинтересован в развитии ВИЭ, как и он.

Теперь рассмотрим последствия. Для поддержки новой энергетической политики требуются финансовые вливания, для чего будет использоваться либо розничный рынок электроэнергии, либо ресурсы промышленных потребителей и бизнеса, что соответствующим образом скажется на экономике Южной Кореи. Налоговая политика правительства, скорее всего, будет направлена как на поддержку ВИЭ напрямую, так и против конкурентов на рынке, т. е. обернется дополнительным налоговым бременем для энергетических компаний, помимо издержек от уже имеющихся сертификатов. Здесь стоит отметить, что дальнейший процесс формирования тарифов, в итоге, может испытывать влияние сложившихся на тот момент отраслевых лобби, которые займутся поставкой соответствующего оборудования.

Обратимся к цене для потребителей. Согласно статистике Корейской электрогенерирующей компании за 2016 г., в среднем потребитель платил 68,03 корейских вон за 1 кВт·ч, выработанный на АЭС, 73,84 — на сжигании угля, 87,01 — на ГЭС, 74,46 — на МГЭС, 116,11 — на биотопливе, 88,35 — на ветряных электростанциях, 115,68 — на солнечных электростанциях, 121,04 — на сжигании газа и 110,27 корейских вон — на сжигании нефти¹². Если сравнить эти цифры, то станет ясно, что средняя цена все-таки будет идти вверх, доходя до 20—30 % выше того, что потребители платят сейчас. В связи с разработкой дополнительных законопроектов, установкой оборудования и другими факторами цена, возможно, начнет идти вверх только к концу президентского срока нового президента.

«Зеленая энергетика» в любом случае ляжет бременем на налогоплательщиков, однако новой администрации невыгодно с политической точки зрения повышать стоимость электроэнергии для большей части электората, т. е. для розничных потребителей. Это бремя с большей долей вероятности упадет на бизнес и государство. В итоге, корейская продукция соответственно вырастет в цене, а это вызовет снижение конкурентоспособности корейских товаров на мировом рынке, что, в свою очередь, скажется на корейской экономике в целом. Чтобы избежать негативных последствий, правительство, скорее всего, будет использовать инструменты государственных субсидий на строительство ВИЭ, специфическую налоговую политику, определенным образом снижая негативный эффект перехода к более дорогим источникам энергии, что ляжет бременем уже на госбюджет.

Рассмотрим три сценария развития событий. Сценарий номер один подразумевает тот факт, что в рамках одного срока у президента просто не хватит времени и политической воли реализовать свой проект. В таком случае цена на электроэнергию практически не вырастет, и на этом новая энергетическая политика закончится. Премьер может, конечно, продолжить эту инициативу, однако это будет зависеть от политической конъюнктуры в будущем.

Сценарий номер два можно назвать «японской моделью», если Муну все же удастся существенно расширить долю ВИЭ в энергобалансе страны. Сомнительно, что это будет 20 %, может быть, 8—10 %. Вместо отказа от АЭС более вероятен отказ от угольных элек-

тростанций, где стоимость 1 кВт·ч выше, их и может заменить ВИЭ. В таком случае мы будем наблюдать повышение тарифов на электроэнергию, что может быть нивелировано налоговой политикой либо субсидиями. Однако повышение тарифов повлечет за собой повышение цен экспортных товаров и цен на внутреннем рынке, особенно на продукцию энергоемких предприятий. Для внутренней индустрии высоких технологий это, наоборот, будет полезно и выведет их на первые места на мировом рынке ВИЭ. Увеличение закупок аккумуляторов большой мощности, крайне необходимых в случае производства ВИЭ, будет на пользу ряду крупнейших корейских компаний. Также это будет полезно для судостроительной отрасли, которая сейчас находится в кризисе. Ряд проектов в сфере ветряных электростанций, в частности строительство турбин для ветрогенераторов, она вполне может осуществлять. Сейчас все это оборудование в основном европейского производства¹³.

С развитием ВИЭ увеличатся инвестиции в соответствующие технологии, в том числе и в целях экспорта. Потенциал ветряной энергетики в Южной Корее не так велик, однако без опробования у себя в стране техника не сможет эффективно продаваться за рубеж, все необходимые типы производства в Корее уже имеются на высоком уровне. Развитие ВИЭ увеличит количество рабочих мест на производстве оборудования для электростанций, создаст потенциал использования простаивающих судостроительных мощностей, но снизит количество рабочих мест в атомной энергетике, если последняя не будет активно выходить на иностранные рынки. В обратном случае, с ростом числа внешних заказов, занятость на соответствующем производстве снизится несущественно. Вопрос в том, насколько экспорт атомной и возобновляемой энергетики, а также внутренний спрос на нее в рамках энергетической инициативы покроет убытки от повышения цен на электроэнергию.

Третий сценарий будет подразумевать развитие электростанций на СПГ, что вызовет также повышение цен на электроэнергию, возможно даже большее, чем в случае с ВИЭ, так как это будет сочетаться с ростом цен на энергоносители. В рамках этого сценария администрация Муна сосредоточится на закрытии устаревших электростанций, работавших на угле, переведя их на природный газ. Последний, скорее всего, будет экспортироваться из России и Ката-

ра, что вызовет новый бум в судостроительной отрасли Кореи. Судостроительная отрасль, являясь одной из основных для Южной Кореи, сейчас нуждается в некотором толчке для развития, переживая спад в связи с понижением цен на нефть. В рамках этого сценария возможны резкая активизация экономических отношений с Россией в связи с закупками энергоресурсов, реализация инвестиционных проектов в нефтегазовой сфере совместно с Россией.

Примечания

¹ International Energy Agency Official website [Электронный ресурс] — Korea — Energy System Overview — 2016. URL: <https://www.iea.org/media/countries/Korea.pdf> (дата обращения: 08.11.2017).

² Huffington Post. 문 대통령이 탈원전을 선언할 수밖에 없는 이유 — 2017. URL: http://www.huffingtonpost.kr/Arthur-jung/story_b_17204350.html?_adtbrdg=e#cb (дата доступа: 08.11.2017).

³ Yonhapnews. [전문] 文대통령 고리1호기 영구정지 선포식 기념사 — 2017. URL: <http://m.yna.co.kr/amp/kr/contents/?cid=AKR20170619071500001> (дата обращения: 08.11.2017).

⁴ International Atomic Energy Agency Official website — Operational & Long-Term Shutdown Reactors — 2017. URL: <https://www.iaea.org/PRIS/WorldStatistics/OperationalReactorsByCountry.aspx> (дата обращения: 08.11.2017).

⁵ New York Times — Scandal in South Korea Over Nuclear Revelations — 2013. URL: <http://www.nytimes.com/2013/08/04/world/asia/scandal-in-south-korea-over-nuclear-revelations.html> (дата обращения: 08.11.2017).

⁶ KAS Journal on Contemporary Korean Affairs. Environmental Policy in South Korea. Problems and Perspectives / Konrad-Adenauer-Stiftung — 2015. (дата обращения: 08.11.2017).

⁷ 매일경제 (МК) — 이슈로 본 문재인정부 에너지 정책 | 석탄화력 기여선 미세먼지 저감에 한계 ‘제로 원전’ 비현실적... 신재생 공급 불안 — 2017. URL: <http://news.mk.co.kr/newsRead.php?year=2017&no=370141> (дата обращения: 08.11.2017).

⁸ Агентство Политических Новостей (АПН). Дмитрий Верхотуров, Илья Кирилловский. Грязное лицо чистой энергетики — 2007. URL: <http://www.apn.ru/publications/article17132.htm> (дата доступа: 08.11.2017).

⁹ International Energy Agency Official website — Japan — Energy System Overview — 2016. URL: <https://www.iea.org/media/countries/Japan.pdf>

¹⁰ International Energy Agency Official website — United Kingdom — 2016. — Energy System Overview. URL: <https://www.iea.org/media/countries/UnitedKingdom.pdf> (дата доступа: 08.11.2017).

¹¹ International Energy Agency Official website — Renewable Portfolio Standard (RPS) — 2017. URL: <http://www.iea.org/policiesandmeasures/pams/korea/name-39025-en.php?s=dHlwZT1yZSZzdGF0dXM9T2s> (дата обращения: 08.11.2017).

¹² Korea Electric Power Corporation [Электронный ресурс] — 2016 년 한국전력 통계 제86호_게시용 — 2017. URL: https://home.kepco.co.kr/kepco/KO/ntcob/list.do?menuCd=FN05030103&boardCd=BRD_000099 (дата обращения: 08.11.2017).

¹³ BBC — South Korea's drive for renewable energy — 2011. URL: <http://www.bbc.com/news/business-15984399> (дата доступа: 08.11.2017).

*Зуева Александра Георгиевна,
аспирант Центра корейских исследований
ИДВ РАН*

СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РАСШИРЕННОЙ ТУМАНГАНСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ

Аннотация. Экономические связи Республики Корея и Российской Федерации находятся в ожидании продуктивного развития. На данном этапе есть несколько направлений работ, которые могли бы быть опорными для реализации новых международных проектов в Дальневосточном регионе.

Одним из примеров экономического сотрудничества между Республикой Корея и Российской Федерацией могла бы стать Расширенная Туманганская инициатива (РТИ). История развития РТИ за четверть века существования претерпевала модификации и спад интереса к сотрудничеству в рамках проекта. Тем не менее, в 2017 г. проект в очередной раз был продлен на 3 года, сформулирована стратегия до 2020 г.

Одним из приоритетных пунктов программы РТИ является развитие логистики в регионе СВА. Реализация проекта транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2», развитие порта Зарубино и инициатива по строительству зернового терминала происходят в рамках сотрудничества РТИ.

Ключевые слова: Российская Федерация, Республика Корея, Расширенная Туманганская Инициатива, экономика, порт Зарубино, «Приморье-1», «Приморье-2».

Экономические связи Республики Корея и Российской Федерации находятся в ожидании продуктивного развития. На данном этапе есть несколько направлений работы, которые могут быть опорными для реализации новых международных проектов в Дальневосточном регионе. Однако результаты, достигнутые за период почти 27-летнего сотрудничества, можно назвать скорее «посредственными», чем оправдывающими ожидания, при той активной риторике, которая постоянно звучит на полях международных форумов и встреч между российскими и южнокорейскими представителями.

В 2016 г. товарооборот с Республикой Корея снизился еще на 16 % по сравнению с показателями 2015 г. и составил 15 млрд долл. В 2017 г. ситуация начала меняться. В первом квартале 2017 г. товарооборот увеличился на 28 % по сравнению с аналогичным периодом 2016 г., а во втором — составил 5 млрд долл., увеличившись на 72,15 % (2 млрд долл.) по сравнению с аналогичным периодом 2016 г.¹, но насколько эта положительная тенденция сохранится говорить еще рано.

Комплекс факторов, оказывающих негативное влияние на экономический диалог между Россией и Южной Кореей, — это мировые экономические кризисы, напряженная международная политическая обстановка в Северо-Восточной Азии, и особенно на Корейском полуострове. Эти причины не одно десятилетие служат оправданием для неудач экономических проектов. Действительно, влияние внешнеполитического фактора на экономику исключать нельзя, но при ориентации на улучшение внешнеэкономических связей нужно искать общие точки для возможного успешного сотрудничества при условии, что обе стороны готовы работать над решением возникающих проблем.

Одним из таких примеров могло бы стать сотрудничество между Республикой Корея и Российской Федерацией в рамках Расширенной Туманганской инициативы, которая разрабатывалась как Программа развития района р. Туманная еще в 90-е гг. XX века и реализуется до настоящего момента. РТИ является примером международной формы сотрудничества в Дальневосточном регионе. Кроме Российской Федерации и Республики Корея в проекте участвуют КНР, Монголия, а также Япония в статусе наблюдателя. История развития РТИ за четверть века существования претерпевала моди-

фикации и спад интереса к сотрудничеству в рамках проекта. Тем не менее, в 2017 г. проект в очередной раз был продлен на 3 года, сформулирована стратегия до 2020 г.

Считается, что геополитическая привлекательность района р. Туманная в регионе СВА, как коридора из Японии в Маньчжурию, была отмечена Японской империей еще в 20-х гг. XX века. Этот район был одним из участков боевых действий во время Корейской войны, а после ухудшения российско-китайских отношений в 1960-х гг. государственные границы в районе р. Туманная фактически были закрыты на долгие годы, находясь в изоляции.

Глобальные политические и экономические изменения, начавшиеся в конце 1980-х гг. в регионе СВА снова вернули интерес к территории бассейна р. Туманная в связи с перспективами международного экономического сотрудничества.

Впервые о проекте Туманган заговорили на международной конференции в июле 1990 г. Р.В. Гулидов в статье «Проект “Туманган”: вымысел и реальность» пишет: «На международной научной конференции, состоявшейся в Чанчуне (КНР) в июле 1990 г., организованной Центром «Восток — Запад» (Гонолулу, США), ПРООН и Азиатско-Тихоокеанским институтом (Чанчунь), президент этого института проф. Дин Шичен выдвинул концепцию «Золотого треугольника» в дельте р. Туманная как совместной зоны интенсивного хозяйственного освоения на стыке границ КНДР, КНР и Советского Союза. Участники конференции обратились к ПРООН за политической и финансовой поддержкой этой концепции, впоследствии известной как проект “Туманган”»².

Программа развития района р. Туманная (ПРРТ) начала функционировать с 1991 г. под эгидой Программы развития ООН (ПРООН). КНР, КНДР, Республика Корея, Монголия начали свое участие в проекте как официальные представители с 1991 г., а Российская Федерация присоединилась к проекту в статусе официального представителя в 1992 г. Япония же осталась в статусе наблюдателя, несмотря на приглашение присоединиться к проекту.

Планы по созданию свободной экономической зоны на территории ПРРТ, известной как проект «Туманган», строительство порта в устье р. Туманная остались лишь на бумаге. Активное обсуждение вопросов реализации проходило с 1991 по 1993 г. Сложный формат

многостороннего взаимодействия исключил возможность реализации амбициозных целей программы. В 1995 г. странами-официальными представителями было подписано соглашение о создании Консультативной комиссии из представителей стран-участниц для официального запуска межправительственного механизма.

В процессе реализации ПРРТ был выполнен ряд конкретных инфраструктурных проектов, открывающих оптимальные транспортные пути через порты и железные дороги российского Дальнего Востока. Среди них — международный пассажирский маршрут из г. Сокчо Республика Корея в г. Хунчунь КНР через российский порт Зарубино, грузовой маршрут из г. Акиты Япония до г. Хунчуня через российский порт Посьет³.

В 2005 г. на 8-м заседании Консультационной комиссии стран-участницы приняли решение о продлении действия базового соглашения сроком еще на 10 лет. Программа развития в районе р. Туманная была переименована в РТИ, были выделены 5 приоритетных секторов сотрудничества — транспорт, туризм, энергетика, инвестиции и экология. Обозначены и расширены географические рамки, в которых будет функционировать РТИ. Такие договорённости полностью изменили не только название проекта, но и саму суть взаимодействия стран-участниц внутри механизма, сделав его более ориентированным на интенсификацию экономического сотрудничества без привязки ко времени⁴.

В 2009 г. КНДР прекратила свое членство в РТИ и отозвала своих представителей из Консультационной комиссии в связи с осуждениями Советом Безопасности ООН проведенного ею ядерного испытания.

Следующим этапом (2007—2010 гг.) стало укрепление правовой и финансовой базы РТИ: появились отраслевые советы и комитеты — Транспортный совет, Комитет по упрощению торговых процедур, Совет по туризму, Совет по защите окружающей среды, Совет по энергетике. В 2011 г. был создан Комитет местного сотрудничества РТИ в СВА (Северо-Восточной Азии), целью которого стало укрепление регионального экономического сотрудничества и усиление взаимодействия между местными и центральными органами власти в Северо-Восточной Азии. В 2012 г. была создана Ассоциа-

ция экспортно-импортных банков Северо-Восточной Азии как финансовый механизм для поддержки будущих проектов в регионе.

На 11-м заседании Консультационной комиссии в 2010 г. было принято решение о превращении РТИ в международную организацию. Как было указано в Яньбаньской декларации РТИ от 2014 г.: «Мы достигли ясного понимания по стратегическим направлениям будущего преобразования РТИ в независимую организацию и подтверждаем осуществление юридического преобразования РТИ в целях его завершения к маю 2016 г.»⁵ Такие изменения позволят РТИ проводить полномасштабную деятельность, подписывать от своего имени соглашения, выступать в качестве юридического лица, что значительно ускорит финансовую и проектную деятельность.

В период с 2016 по 2017 г. Российская Федерация была председателем в РТИ. За указанный срок были подготовлены стратегические документы, способствующие развитию взаимодействия в рамках РТИ: «Стратегический план действий на период 2017—2020 гг.» и «Концепция развития механизма проектного офиса РТИ»⁶. Кроме того, были рассмотрены идеи создания в рамках РТИ специализированного Проектного офиса и Проектных групп, нацеленных на осуществление инвестиционных проектов. Предполагается, что реализация указанного предложения позволит вывести на новый уровень проектное сотрудничество в рамках РТИ за счет формирования эффективного механизма взаимодействия, объединяющего всех ключевых участников проектов в режиме реального времени. Также в ходе прошедшего заседания Национальных координаторов стороны проанализировали прогресс в развитии сотрудничества в РТИ по отдельным направлениям, включающим юридическое преобразование РТИ в самостоятельную международную организацию, проведение заседаний секторальных органов РТИ и определение плана работы на следующий год⁷.

Таким образом, по итогам работы 2016 — 2017 гг. можно сказать о том, что юридический процесс перехода РТИ в международную организацию с новыми вызовами и возможностями еще не закончен, сроки в очередной раз не обозначены.

Одним из основных отраслевых проектов РТИ является развитие транспортно-логистического направления в СВА. В этих рамках

стоит выделить несколько проектов, реализация которых, несмотря на систематические затруднения, продолжается.

На втором совещании Транспортного совета РТИ в июле 2012 г. в г. Сокчо Республики Корея было дано определение и составлена маршрутизация международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2». МТК «Приморье-1» подразумевает следующий маршрут: Харбин—Муданьцзян—Суйфэньхэ / Пограничный, Суйфэньхэ / Гродеково, Дуинь/Полтавка—Уссурийск—порты Владивосток / Восточный / Находка—морские линии. «Приморье-2» — Чанчунь—Цзилинь—Хуньчунь / Краскино, Хуньчунь / Махалино (Камышовая)—порт Зарубино—морские линии⁸.

По данным Дальневосточного таможенного управления за 6 месяцев 2017 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года объем грузопотока в «Приморье-1» вырос в 24 раза, в основном товары перемещались между контрагентами КНР, из Китая в Республику Корея и обратным маршрутом.

В концепции развития транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2» основным партнером в будущем видится только КНР. Такое сотрудничество можно объяснить несколькими факторами. Прежде всего, объем внешней торговли с КНР значительно превышает объем торговли с Республикой Корея. Кроме того, географически МТК давно интересуется северо-восточные провинции КНР как кратчайший выход к морю и далее в Южную Корею, Японию и другие страны АТР.

В концепции развития МТК в рамках РТИ уже не первый год находится модернизация порта Зарубино и строительство зернового терминала в нем. Порт Зарубино имеет значительный потенциал, его проектный грузооборот достигает 1,2 млн т в год, к тому же акватория надежно защищена от штормов, эффективные глубины причалов составляют 7,5—9,5 м. Благодаря железнодорожному сообщению через Ханчунь и Туманган порт имеет выход на рынки Китая и КНДР соответственно. Все эти преимущества делают порт Зарубино важным региональным транспортным узлом⁹. В порту планируется построить терминал для перевалки зерновых грузов (пшеницы, кукурузы и сои) проектной мощностью 33,5 млн т зерна в год. Терминал будет предназначен для приема и обработки судов грузоподъемностью до 91 300 т. Проект реализуется за счет средств инвестора —

АО «Объединенная зерновая компания» и его дочернего общества — ООО «Дальневосточный зерновой терминал»¹⁰.

В феврале 2017 г. после встречи генерального консула Республики Корея во Владивостоке Ли Сон Пэка с генеральным директором компании «Дальневосточный зерновой терминал» Александром Гордеевым в СМИ появилась информация о возможности южнокорейского инвестирования в строительство зернового терминала¹¹. К сожалению, намерения южнокорейской стороны не были реализованы. Интерес к порту Зарубино в очередной раз появился непосредственно в преддверии ВЭФ-2017. По словам главы департамента России и стран СНГ Международной торговой ассоциации Кореи (КІТА) Ли Гын Хва, Республика Корея заинтересована в развитии и модернизации порта Зарубино¹².

Таким образом, единственным проектом между Россией и Южной Кореей, который начинался в рамках РТИ, осталось паромное сообщение Сокчо — Владивосток, ранее Сокчо — Зарубино. На стадии разработки проекта планировалось связать паромным сообщением порты Южного Приморья, побережья Южной Кореи и морского побережья Японии. Считалось, что такие перевозки будут стимулировать региональную торговлю в СВА, благодаря увеличению мобильности людей и товаров. К концу 2008 г. удалось создать совместное предприятие «Northeast Asia Ferry Co., Ltd.» доли в компании были распределены между Республикой Корея (51 % акций), Японией (16 % акций), Китаем (16 % акций) и Россией (17 % акций). Несколько паромных рейсов было совершено в 2009—2010 г., но наладить регулярное паромное сообщение не удалось¹³. В конце 2010 г. судно, осуществляющее перевозки, село на мель и повредило винты, работа паромного сообщения была возобновлена только в 2013 г., однако в 2014 г. движение снова было прервано. Южнокорейская сторона объяснила прекращение перевозок сложностью российского визового оформления и его стоимостью¹⁴. В 2016 г. в планах со стороны Республики Корея было восстановить движение по маршруту Сокчо — Зарубино — Хунчунь в преддверии Зимней Олимпиады. Тем не менее, в 2017 г. в планы были внесены коррективы, и на данный момент пунктами маршрута обозначены Сокчо — Владивосток — Симоносеки — Майдзуру. Старт перевозкам обещают дать в конце осени 2017 г.¹⁵ Проект, который начинался как

транспортно-логистический, поменял свое направление в сторону туристического сектора.

Российская Федерация и Республика Корея были и остаются странами-участницами РТИ, но экономическое взаимодействие между ними сложно оценить как успешное, особенно на фоне сотрудничества России и Китая в рамках того же механизма. К сожалению, в очередной раз хочется отметить причины, которые приводят к таким результатам — это постоянные переносы сроков реализации договоренностей, опасения инвестирования в российские проекты и, как следствие, потерю позиций в возможном перспективном сотрудничестве. Работа стран-партнеров в рамках РТИ осложняется все еще не изменившимся юридическим статусом, но есть ли уверенность, что вместе с получением новых возможностей Республика Корея и Российская Федерация смогут найти точки для продуктивного экономического диалога или в очередной раз все останется на бумаге? Вероятно, фактором, который может положительно повлиять на работу России и Южной Кореи в РТИ, стало бы возвращение КНДР или ее частичное участие в структурных проектах, так как Северная Корея стояла у истоков РТИ и являлась важным звеном для эффективного диалога всех стран-участниц. Однако такая перспектива на данном этапе видится менее реализуемой, чем эффективное экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Республикой Корея.

Примечания

¹ Внешняя торговля России с Республикой Корея (Южной Кореей) во 2 кв. 2017 г. URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2017-08/vneshnyaya-torg-ovlya-rossii-s-respublikoy-koreya-yuzhnoy-koreey-vo-2-kv-2017-g/> (дата обращения: 23.10.2017).

² Гулидов П. В. Проект «Туманган» вымысел и реальность // *Пространственная экономика*. 2012. № 1. С. 90—108.

³ Расширенная Туманганская инициатива (РТИ) // Минэкономразвития России. 26.09.2010. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreignEconomicActivity/economic_organization/russiaun/rti/ (дата обращения: 01.10.2017).

⁴ *Бурлаков В.А.* Перспективы развития Расширенной Туманганской инициативы (геополитический аспект) Мировая система и межрегиональные отношения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 2(25).

⁵ Yanbian Declaration (2014) 15th Meeting of the GTI Consultative Commission 17 September 2014, Yanji.

⁶ Расширенная Туманганская инициатива дошла до Москвы. // Национальный координационный центр по развитию экономических отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. URL: <http://aprcnter.ru/atr-news/1796.html> (дата обращения: 20.10.2017).

⁷ Заседание Национальных координаторов Расширенной Туманганской инициативы // Дальневосточный научно-исследовательский, проектно-изыскательский и конструкторско-технологический институт морского флота. URL: <http://www.dniimf.ru/index.php/en/press-byuro/novosti-instituta/item/105-zasedanie-natsionalnykh-koordinatorov-rasshirenoy-tumanganskoj-initsiativy> (дата обращения: 27.12.2014).

⁸ Концепция развития международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2». URL: <http://static.government.ru/media/files/jqfm5NIYLGTTVhUn3AKqOAg9mJcb2Yxx.pdf> (дата обращения: 10.07.2017).

⁹ *Бурлаков В.А.* Цит. соч.

¹⁰ Компания «Дальневосточный зерновой терминал» приступила к расширению морского порта Зарубино // ПортНьюс — Информационно-аналитическое агентство. URL: <http://portnews.ru/news/245021> (дата обращения: 27.10.2017).

¹¹ Генеральный директор ООО «ДВЗТ» провел встречу с Генеральным консулом Республики Корея во Владивостоке. URL: <http://www.dvzt.ru/news/20170206.php> (дата обращения: 26.10.2017).

¹² Южная Корея заинтересована в импорте сгенерированной в России электроэнергии // ТАСС. URL: <http://tass.ru/vef-2017/articles/4537698> (дата обращения: 27.10.2017).

¹³ *Бурлаков В.А.* Цит. соч.

¹⁴ Northeast Asian local gov'ts agree to resume ferry route to northeast China // The Korea Times. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/culture/2017/05/316_212081.html (дата обращения: 28.10.2017).

¹⁵ Паромы на Дальнем Востоке не ждут // Информационно-аналитическое агентство «Восток России». URL: <https://www.eastrussia.ru/material/paromy-na-dalnem-vostoke-ne-zhdut/> (дата обращения: 29.10.2017).

*Лешакова Наталья Павловна,
аспирант ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЮЖНОКОРЕЙСКИХ КОМПАНИЙ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ

Аннотация. На российском рынке представлено более 600 компаний из Республики Корея в различных сферах деятельности. Крупные корейские ТНК занимают значительные доли рынка бытовой техники и электроники, а также автомобилестроения. Однако потенциал деятельности корейских компаний не исчерпан и даже не полностью раскрыт, так как большая часть крупных компаний, а также компаний среднего и малого бизнеса пока не вышли на российский рынок.

Чтобы оценить развитие южнокорейских компаний на российском рынке, проведено исследование основных проблем, с которыми сталкиваются корейские компании. Дана оценка торгово-инвестиционного климата в России и степени актуальности наиболее остро стоящих проблем представителями бизнеса из РК. Выявлены основные препятствия при проникновении компаний Республики Корея на российский рынок, в том числе на этапах создания юридических лиц и непосредственной работы компаний, получения информации о российском рынке в зависимости от региона.

Ключевые слова: южнокорейские компании, экономика, торговля, сотрудничество между Россией и Республикой Корея.

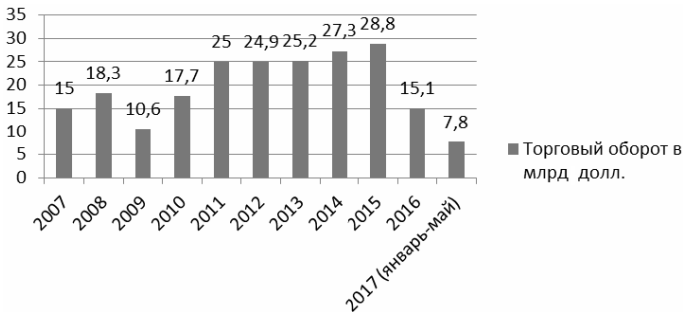
На российском рынке сегодня представлено более 600 различных компаний из Республики Корея. Рассматривая их деятельность,

необходимо отметить волнообразность всего процесса развития и расширения. От стремительного выхода на российский рынок в начале 1990-х гг. в погоне за сверхприбылью до снижения присутствия и заморозки большей части проектов в России в 1997—1998 гг., связанных, прежде всего, с азиатским финансовым кризисом и дефолтом в России. Затем динамичное, но уже более взвешенное наращивание присутствия в России в начале и середине 2000-х гг., строительство собственных производств и активная инвестиционная деятельность. И снова снижение темпов роста и замедление инвестиционной деятельности начиная с 2009 г., связанное с мировым финансовым кризисом. Период восстановления, начавшийся в 2011 г., замедлился в начале 2014 г. в связи с введением санкций против России. На сегодняшний день отношения не вышли на докризисный уровень¹.

Для того чтобы оценить перспективы развития корейских компаний в России, важно понять современное состояние торгово-экономических отношений между двумя странами. В 2017 г. РК поднялась на 7-е место среди торговых партнёров России (2016 г. — 9-е, 2015 — 9-е, 2014 — 12-е место). Однако за последние 3 года зафиксировано снижение общего объема товарооборота между РФ и РК (рис. 1).

Как отметил торговый представитель России в Южной Корее Михаил Бондаренко: «При введении экономических санкций со стороны США в прошлом году американо-российский товарооборот

Рис. 1. Торговый оборот между Россией и Республикой Корея, млрд долл.

Источник: КОТРА

снизился лишь на 5 %, в то время как товарооборот России с Кореей — на 17,5 %»². Для оценки динамики двусторонних отношений важно отметить, что структура экспорта и импорта между странами практически не поменялась с 2004 г.:

- Импорт из РК: средства наземного транспорта (HS код 87); реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства (HS код 84); электрические машины и оборудование, их части (HS код 87).
- Экспорт в РК: топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки (HS код 27); рыба и ракообразные (HS код 03); алюминий и изделия из него (HS код 76).

Несмотря на снижение общей динамики двусторонних отношений, необходимо отметить, что корейские компании, которые уже находятся на российском рынке, смогли стать лидерами своей отрасли. Это компании Samsung или Hyundai, доля последней оценивается в 10 % от всего российского рынка иностранных автомобилей.

В связи с этим важно рассмотреть причины, побуждающие корейские компании выходить на российский рынок, основные проблемы, с которыми они там сталкиваются, какие процессы вызывают особые сложности, что останавливает корейские компании от выхода на российский рынок и какие действия могут быть предприняты для снижения рисков.

В 2007 и 2008 гг. группа корейских ученых провела исследование среди южнокорейских компаний, представленных на российском рынке³. Результаты основаны на данных социологических опросов, проведенных в 46 компаниях Республики Корея, работавших в Москве и Владивостоке. В рамках данного исследования корейскими компаниями была дана оценка торгово-инвестиционного климата в России и степени актуальности наиболее остро стоящих проблем. Выявлены основные препятствия при проникновении компаний Республики Корея на российский рынок, в том числе на этапах создания юридических лиц и непосредственной работы компаний, получения информации о российском рынке в зависимости от региона.

Участникам опроса было предложено определить, насколько серьезно стоит каждая из указанных проблем. Для определения сте-

пени серьезности можно было выбрать одну из пяти категорий: 1) проблемы нет; 2) проблемы почти нет; 3) обычный уровень; 4) серьезный уровень; 5) очень серьезный⁴. Сложности, с которыми могут столкнуться компании РК, работающие в России, были распределены по 9 основным группам:

- 1) импортные пошлины;
- 2) таможенные процедуры;
- 3) технологические стандарты и сертификация;
- 4) защита авторских прав;
- 5) налогообложение, различия в правилах аудиторской отчетности, сложность и запутанность соответствующих правил и законов;
- 6) контроль качества и защита прав потребителей;
- 7) охрана окружающей среды;
- 8) правила маркировки, реклама, доступ к потребителям;
- 9) ограничения иностранных инвестиций.

Для того чтобы выявить перспективы развития южнокорейских компаний и понять динамику изменения инвестиционного и торгового сотрудничества, а также для прогнозирования деятельности корейских компаний на российском рынке, автором был проведен опрос-исследование. Оно было проведено среди 26 корейских компаний, расположенных в Москве и Санкт-Петербурге, осенью 2016 г. и базировалось на исследовании корейских специалистов, оценивалось по тем же параметрам (рис. 2).

Задача автора заключалась в выявлении изменений, которые произошли за 8 лет. В числе опрошенных компаний большинство — представители крупного и среднего бизнеса (рис. 3).

Самой серьезной проблемой в 2016 г., так же как в 2007 г., остается бюрократия. Несмотря на незначительное снижение оценки проблемы, никаких значительных изменений за 8 лет не произошло. Эту сложность отмечают не только корейские, но и другие иностранные компании⁵. Как подчеркивают специалисты, разрастаются не только сам государственный аппарат и расходы на его содержание в России, но и сферы деятельности, в которых происходит этот процесс. Государственный управленческий аппарат с 2000 по 2010 г. увеличился в 1,5 раза, однако это никак не отразилось на эффективности его деятельности. Так, согласно GRICS, индексу рассчитываемому Всемирным банком раз в год, оценивающему эффектив-

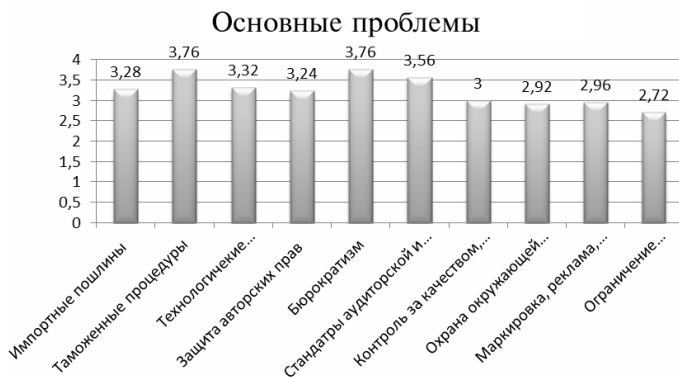

Рис. 2. Результаты опроса корейских компаний в 2016 г.

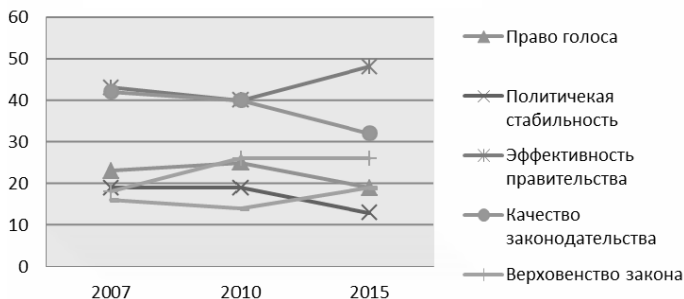

Рис. 3. Динамика актуальности проблем 2007—2016.

Источник: социологические опросы южнокорейских компаний 2007 и 2016 гг.

ность государственного управления в 209 странах, Россия находится в нижней его части (рис. 4). 100 — максимальный балл эффективности государственного управления, 0 — минимальный. Индекс состо-

Значение индексов GRICS для России

Рис. 4. Источник: Всемирный банк. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home>

ит из 6 основных параметров, среди которых: эффективность работы правительства, качество законодательства, верховенство закона и контроль за коррупцией.

Основные проблемы, которые выделяют как корейские компании, так и другие иностранные предприятия, ведущие деятельность в России, — это слабая правовая база двусторонних отношений, недостаточная прозрачность российского законодательства и судебной системы. Недоверие у корейских инвесторов вызывает крайняя корумпированность государственных органов. Отсутствие стабильной и доступной системы кредитования является основным сдерживающим фактором выхода на российский рынок компаний среднего и малого бизнеса. Помимо указанных в опросе проблем, респонденты также указали на ряд серьезных сложностей в других сферах, в частности в банковском секторе. Как отмечают корейские компании, в России существует проблема квалифицированных кадров, а также значительное несоответствие между квалификацией и заработной платой сотрудников⁶.

Среди проблем, не вошедших в анкетирование, но отдельно упомянутых респондентами, следует также отметить проблемы отсталости инфраструктуры и ограниченность доступа на внутренний рынок. Характерная особенность заключается в том, что при организации продаж на внутреннем рынке более эффективными явля-

ются прямые поставки местным компаниям, чем попытки организовать продажи напрямую самим, либо заключать соглашения о реализации с местными фирмами.

Рассматривая список проблем в динамике, можно сказать, что за 8 лет не произошло значительных изменений в структуре списка, также нет серьезных изменений в оценке возникающих проблем. Можно отследить незначительные положительные тенденции в ряде проблем, связанных со стандартизацией процессов и снижением импортных пошлин, которые тесно связаны с вступлением России в ВТО.

Подводя итоги, можно сказать, что в условиях переходной экономики в России, по мнению южнокорейских компаний, существуют проблемы в сфере государственного управления, законодательства и других областях, и не всегда условия ведения бизнеса соответствуют мировым стандартам. Однако Россия делает шаги на пути либерализации экономики и внутреннего рынка в целом. Сегодня многие корейские ТНК путем проб и ошибок уже получили достаточный опыт деятельности на российском рынке, изучили его особенности, обрели связи и способны сами определить методику ведения бизнеса, найти наилучшие пути для продвижения своих товаров.

Говоря о перспективах развития корейских компаний на российском рынке, можно выделить ряд положительных тенденций, на которых можно выстраивать двустороннее сотрудничество:

- несмотря на снижение товарооборота между странами, взаимный интерес, обусловленный взаимодополняемостью экономик двух стран, растет;
- Россия прилагает особые усилия для улучшения бизнес-климата (в рейтинге *Doing Business 2017* Россия поднялась на 35-е место, РК — на 4-м месте);
- Республика Корея входит в первую пятерку стран по инновационному развитию, поэтому сотрудничество в данной сфере в перспективе может оказаться выгодным для России;
- решение вопроса о сложной доступности информации о контрагентах как в РФ, так и в РК снимет препятствие на пути расширения сотрудничества;

- восстановление стабильности на рынке и повышение покупательской способности должны оказать позитивное влияние на расширение деятельности южнокорейских компаний в России.

Примечания

¹ A report by the World Economic Forum's Global Agenda Council on Russia — Building on the Scenarios for the Russian Federation, January 2014.

² Товарооборот между РФ и Южной Кореей упал в январе—ноябре 2016 г. на 17,5 %. URL: <http://www.tks.ru/reviews/2017/02/13/05> (дата обращения: 15.09.2017).

³ Jae-Young Lee, Sooncheul Lee. Entry Strategies to Russian Market: Korean Companies' Experiences. Korea Institute for International Economic Policy, Seoul, Korea. 2009/07/13.

⁴ Ibid.

⁵ DW статья от 23.01.2013 «Райнер Линднер: Бюрократия и коррупция в России мешают инвестициям». URL: <http://dw.de/p/17Q5N>) (дата обращения: 07.09.2017).

⁶ The Global Competitiveness report 2011—2012. World Economic Forum, 2013.

*Захарова Людмила Владимировна,
кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Центра корейских исследований ИДВ РАН*

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СЕВЕРОКОРЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ*

Аннотация. После экономического кризиса 1990-х годов социальная структура северокорейского общества стала претерпевать существенные изменения. Некогда понятное деление общества на рабочих, крестьян и служащих попало под влияние новых экономических факторов и нарастающего имущественного расслоения. Из-за неспособности государственной распределительной системы обеспечить все население продовольствием и другими предметами первой необходимости в 1990-е гг. в хозяйственном механизме негласно стали развиваться рыночные отношения, а в обществе существенно ослабла связь между официальной профессиональной принадлежностью и социальным статусом. В условиях обострившейся продовольственной проблемы в стране предпринимательские способности и возможность организовать поставки товаров приобрели приоритетное значение. После прихода к власти Ким Чен Ына в 2011 г. процессы распространения рыночных элементов в КНДР стали набирать обороты, что приводит к дальнейшей трансформации социальной структуры страны и нарастанию имущественного неравенства.

---

* Подготовлено при поддержке РФФ, проект № 17-78-10126.

Предпринята попытка описать происходящие изменения в социальной структуре КНДР, выявить их причины и перспективы развития в будущем.

Ключевые слова: КНДР, экономика, общество, социальная структура, имущественное расслоение, маркетизация.

Главная задача работы — охарактеризовать изменения в социальной структуре северокорейского общества на современном этапе развития страны. Определенный дуализм изучаемого явления обусловлен серьезными расхождениями между официально закрепленной социалистической системой отношений собственности в КНДР и реально происходящими в стране в последние годы изменениями в области экономических отношений. Многоукладность современной северокорейской экономики выражается в сосуществовании в стране социалистического, мелкотоварного и де-факто частнокапиталистического укладов при постепенно возрастающей роли последнего. Указанные процессы, а также недостаток открытой и достоверной информации по КНДР в целом порождают сложности с описанием социальной структуры современного северокорейского общества. В связи с этим ощущается острая нехватка исследований по данной теме как в России, так и за рубежом.

Статистическим источником по рассматриваемой проблематике являются опубликованные доклады Центрального статистического бюро КНДР по итогам двух всеобщих переписей населения, проведенных в 1993 и 2008 гг. При этом статистические показатели, представленные в этих докладах, не дают исчерпывающей картины социальной структуры северокорейского общества как в связи с определенной устарелостью данных, так и по причине неформальности многих знаковых процессов, протекающих в КНДР сегодня и напрямую влияющих на социальные процессы в обществе. В связи с этим автору пришлось опираться на имеющиеся аналитические работы по современному развитию КНДР, а также на собственные наблюдения от посещения Северной Кореи в 2017 г. и результаты общения с местными учеными и дипломатами.

В период правления Ким Ир Сена в рамках социалистического уклада, основанного на государственной и кооперативной собственности на средства производства, в социальной структуре североко-

рейского общества господствующее место заняли рабочий класс и кооперированное крестьянство, а также «тесно связанная» с ними народная интеллигенция¹. При этом, по оценкам зарубежных исследователей, привилегированным положением в обществе пользовались наиболее лояльные руководству страны люди (члены семьи Ким Ир Сена и его родственники, еще несколько приближенных к лидеру семей), члены Трудовой партии Кореи, демобилизованные военно-служашие и рабочие предприятий тяжелой промышленности².

До начала 1990-х гг. социальный статус и место граждан КНДР в государственной системе распределения определялись родом их деятельности. Все население страны было разделено на крестьянские семьи, рабочих и их семьи, а также госслужащих и их семьи. При этом к категории крестьян относились только члены кооперативных сельских хозяйств, а работники государственных колхозов считались «рабочими» для целей государственного планирования³.

Работоспособный возраст в Северной Корее составляет с 16 до 59 лет для мужчин и с 16 до 54 лет для женщин. Труд является обязательным для всех граждан работоспособного возраста (включая тех, кто отбывает наказание за преступления). Исключения делаются для студентов, инвалидов, а также отсутствующих на работе по причине болезни или отпуска по уходу за ребенком.

По данным первой в истории страны переписи населения КНДР, проведенной в 1993 г., население работоспособного возраста составляло около 12 млн человек, из которых 1,259 млн человек были «неработающими»⁴. Из них 465,262 тыс. женщин (в основном старше 50 лет) официально были признаны неработающими по собственному выбору, т. е. по сути являлись домохозяйками и находились на содержании других работающих членов семьи. Из 11 млн человек занятого населения 6,944 млн человек относились к категории рабочих, 2,589 млн — крестьян и 1,472 млн человек — госслужащих. В отдельную категорию были отнесены военнотружашие, проживающие в военных частях (около 691 тыс. человек)⁵.

Сфера занятости, а также пол и возраст граждан КНДР являлись определяющими для государственной распределительной системы, в рамках которой население по талонам получало базовый набор товаров, включая продовольствие. Таким образом, государство определяло и контролировало уровень потребления абсолютного большинст-

ва граждан посредством двух разных распределительных механизмов. Один из них был направлен на снабжение рабочих и госслужащих вместе с членами их семей, а другой — членов сельхозкооперативов и членов их семей⁶.

После распада мировой социалистической системы и разрыва традиционных хозяйственных связей с бывшими соцстранами северо-корейская экономика оказалась в кризисе. Он выразился в значительном сокращении объема ВВП, внешней торговли, промышленного и сельскохозяйственного производства во второй половине 1990-х гг. и привел к неспособности государственной распределительной системы обеспечить население всеми необходимыми продуктами питания. В результате граждане Северной Кореи стали искать выход на пути проявления частной инициативы.

В хозяйственном механизме негласно стали развиваться рыночные отношения, а в обществе существенно ослабла связь между официальной профессиональной принадлежностью и социальным статусом. Например, хотя партийные работники все еще сохраняли свой высокий политический статус, в условиях обострившейся продовольственной проблемы в стране и нехватки продуктов питания предпринимательские способности и возможность организовать поставки товаров приобрели приоритетное значение. В условиях нехватки электроэнергии, существенного снижения объемов промышленного производства и проблем в сельском хозяйстве уровень благосостояния рабочих государственных предприятий и членов колхозов значительно снизился. Начала формироваться специфическая прослойка «новых северных корейцев», которые смогли обеспечить себе достойное пропитание и даже некоторую роскошь (по местным меркам) за счет накопления и приумножения капитала, вложенного в торговые операции.

Те группы населения, которые ранее получали достойную оплату труда и доступ к различным общественным благам, в 1990-е гг. потеряли многие из своих преимуществ. Государственное снабжение занятых в промышленности, сельском хозяйстве, многих военнослужащих, врачей, инженеров, учителей и других специалистов стало осуществляться в номинальных масштабах. Уровень обеспеченности продовольствием в городах уступал сельскохозяйственным районам, жители которых могли выращивать продукты на неболь-

ших личных участках. При этом и члены сельскохозяйственных кооперативов почувствовали на себе влияние роста цен на товары на рынках.

Процветать стали те, кто преуспел в частной торговле. Однако этот слой был довольно узким. Среди них были корейцы, имевшие связи с Китаем и Японией, родственников за границей, что позволяло найти стартовый капитал и наладить каналы поставок. Также это были партийные работники и военнослужащие, которые участвовали в предпринимательской деятельности государства или использовали свое служебное положение для доступа к частному рынку. При этом новая социальная группа оказалась тесно связана с работниками властных структур на местном и государственном уровнях, поскольку нуждалась в политической защите, а они нуждались в дополнительном заработке. Таким образом, сформировался симбиоз «новых капиталистов» и работников властных структур, благодаря которому население смогло адаптироваться в условиях неспособности государства в полной мере обеспечить всех продуктами питания и другими необходимыми товарами.

Социальная классификация в переписи населения КНДР, проведенной в 2008 г. при поддержке Фонда народонаселения ООН, предполагала прежнее разделение граждан на классы — крестьян, служащих и рабочих. К классу крестьян относились работники государственных и кооперативных хозяйств. Под рабочими подразумевались занятые на государственных предприятиях и в государственных органах граждане, занимавшиеся квалифицированным или неквалифицированным трудом. К служащим были отнесены занимавшие высокие посты на государственных предприятиях и в государственных органах работники умственного труда⁷. Кроме того, в итоговом отчете были представлены данные международно-принятого разделения граждан по сферам занятости.

Из представленной выше таблицы видно, что большая часть трудоспособного населения (почти 4,5 млн человек) была занята в сельском, лесном и рыбном хозяйстве, чуть менее 3 млн человек — в производстве, включая легкую промышленность. В КНДР насчитывалось около 750 тыс. занятых в госуправлении, органах обороны и общественной безопасности, 500 тыс. человек — в образовании, 300 тыс. — в здравоохранении и социальной сфере, 100 тыс. — в об-

Распределение работающего населения КНДР в возрасте 16 лет и старше по основным сферам занятости

Сфера занятости	Количество человек
Всего	12 184 720
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	4 386 895
Добывающая промышленность	718 195
Обрабатывающая промышленность	2 882 982
Строительство	367 650
Оптовая и розничная продажа, ремонт моторного транспорта	557 355
Транспортировка и хранение	355 383
Электроснабжение, подача газа, пара и воздушное кондиционирование	149 569
Водоснабжение; канализация, утилизация и переработка мусора	66 713
Гостиничное и ресторанное обслуживание	141 205
Информационный сектор и связь	126 775
Финансовая и страховая деятельность	26 228
Профессиональная, научная и техническая деятельность	118 132
Административная и вспомогательная деятельность	451 336
Государственное управление и оборона; охрана правопорядка	724 178
Образование	548 132
Здравоохранение и социальная работа	330 702
Искусство, сфера развлечений и отдыха	130 582
Другие отрасли сферы обслуживания	102 708

Источник: DPR Korea 2008 Population Census National Report. Central Bureau of Statistics, Pyongyang, DPR Korea, 2009. P. 195.

ласти информации и связи, 500 тыс. административного и вспомогательного персонала. В опубликованных данных переписи отсутствуют разделы, касающиеся имущественного состояния северокорейского населения, в связи с чем мы не можем сделать выводы о социальном статусе представителей тех или иных профессий.

Несмотря на формальное сохранение в КНДР некоторых элементов государственной распределительной системы, в рамках которой ранее определялся социальный статус граждан, в настоящее время большая часть населения в той или иной мере нуждается в дополнительном получении дохода или товаров и услуг через неформально действующую в стране так называемую теневую экономику (другими словами, коммерческий сектор). На это влияет недозагрузка промышленных мощностей, а следовательно, невозможность многих предприятий обеспечить работников достойным уровнем оплаты труда. По оценкам исследователей, наибольшее распространение частный сектор получил в сфере обслуживания, транспорта и рыболовства⁸.

При этом представляется довольно сложным оценить количество занятых в теневой экономике КНДР граждан с использованием существующей статистики. По данным переписи 1993 г., в торговле было занято 508,63 тыс. человек, к 2008 г. отмечался лишь небольшой рост — до 557,355 тыс. человек.

Из-за неформальных механизмов организации распространения в КНДР рыночных отношений реальные масштабы доли населения, занятых в них, оценить можно лишь аналитически. Например, по данным переписи 2008 г., 921 191 человек, главным образом женщины, не имели официального места работы, а были классифицированы как домохозяйки. Именно они, по мнению исследователей, и являются занятым в рыночной торговле сегментом, обеспечивающим доходы для своих семей частным образом⁹. При этом уровень этих доходов может существенно превышать доходы занятых в официальном секторе граждан. Кроме того, по данным 2008 г., около 3 млн (3 147 553) человек в возрасте более 50 лет находились на пенсии, что также могло сопровождаться занятием частной деятельностью.

После прихода к власти Ким Чен Ына в 2011 г. процессы распространения рыночных элементов в КНДР стали набирать обороты, что приводит к дальнейшей трансформации социальной структуры страны и резкому нарастанию имущественного неравенства. В 2018 г. планируется проведение очередной переписи населения при поддержке Фонда народонаселения ООН, что позволит сделать выводы о некоторых статистических результатах этого процесса.

В целом, «маркетизация» северокорейского общества привела к размыванию ранее довольно четкой социальной иерархии, в которой основным дифференцирующим критерием являлись место в структуре властных отношений и профессиональная принадлежность. В настоящее время таким критерием постепенно становится имущественное неравенство, хотя место в структуре властных отношений также не утратило своего значения.

В условиях международных санкций против КНДР, когда руководству страны приходится делать ставку на внутренние факторы развития, «творческая инициатива» населения является одним из них. Следовательно, социальная структура и реальный социальный статус северокорейских граждан продолжит меняться вслед за изменениями в экономических отношениях.

Примечания

¹ История Кореи. М., 1974. Т. 2. С. 290.

² *Smith H.* North Korea: markets and military rule. Cambridge University Press, 2015. P. 165.

³ *Ibid.* P. 171.

⁴ Sung Won Hong. Analysis of 1993 Population Census Data DPR Korea. Pyongyang: Population Centre, 1996. P. 60.

⁵ *Ibid.* P. 71.

⁶ Подробнее см. *Smith H.* *Op. cit.* P. 174—175.

⁷ DPR Korea 2008 Population Census National Report. Central Bureau of Statistics, Pyongyang, DPR Korea, 2009. P. 8.

⁸ *Ланьков А.* Возрождение рыночной экономики в Северной Корее. Московский центр Карнеги. Август 2015. С. 1.

⁹ *Ланьков А.* Указ. соч. С. 6.

*Шарафетдинова Алина Исмаиловна,
кандидат исторических наук, научный сотрудник
отдела Кореи и Монголии Института Востоковедения РАН*

РОССИЯ—КНДР: СОСТОЯНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Аннотация. Рассмотрены аспекты текущего состояния российско-северокорейского сотрудничества в условиях принятия новых резолюций СБ ООН № 2371 (05.08.2017) и 2375 (11.09.2017), а также на фоне серьезного охлаждения северокорейско-китайских отношений. Дана попытка проанализировать возможные последствия для обеих сторон от введения ужесточенных «секторальных» экономических санкций против КНДР: в результате поставлено под вопрос существование таких взаимовыгодных ниш экономического сотрудничества, как совместный транспортно-логистический проект Хасан-Раджин, привлечение рабочей силы; существенно ослаблены гуманитарные связи. Признавая необходимость принятия мер со стороны международного сообщества в лице СБ ООН в ответ на ракетно-ядерные эксперименты северокорейского руководства, в то же время Россия нацелена на удержание стратегических интересов в КНДР.

Ключевые слова: КНДР, российско-северокорейские отношения, Китай, санкции СБ ООН, трудовая миграция.

В современной истории российско-северокорейских отношений были периоды как охлаждения (в начале 1990-х гг. после распада СССР), так и заметного потепления (2000, 2001 гг. — обмен визита-

ми глав государств, подписание совместных деклараций). Однако после резолюций Совета Безопасности ООН № 2371 (05.08.2017) и 2375 (11.09.2017), принятых в ответ на ракетно-ядерные испытания КНДР, и введения новых санкций возможности для практического взаимодействия между Россией и КНДР были резко ограничены, в результате чего взаимоотношения в некоторых сферах оказались под угрозой прерывания. Станут ли новые санкции очередным испытанием на прочность добрососедских отношений двух стран? Каковы перспективы сотрудничества в условиях жесткого экономического давления со стороны мирового сообщества на КНДР? Каким образом России предстоит строить отношения с приграничным государством в новых реалиях? На эти вопросы только предстоит ответить разработчикам внешнеполитической концепции. Мы остановимся на рассмотрении основных аспектов текущего состояния российско-северокорейского сотрудничества.

Остаточные явления пройденного Северной Кореей в 1990-е гг. «трудного похода», активное укрепление северокорейскими властями ракетно-ядерного потенциала в настоящее время далеко не способствуют стабильным экономическим показателям и социальным стандартам в КНДР. Следует отметить, что объём ВВП в расчете на душу населения, несмотря на его увеличение в 2016 г. на 3,9 %¹, остается низким — 1300 долл., что составляет 4,5 % от ВВП Республики Корея².

Условия для развития внешней торговли в 2016—2017 гг. изменились. Вслед за Китаем, на который приходится свыше 95 % всей внешней торговли КНДР, Россия является вторым по величине внешнеэкономическим партнером Северной Кореи (1,3 %). Последовательная политика США и стран Запада, направленная на блокирование внешнеэкономических контактов КНДР, является серьезным препятствием для развития двусторонних связей.

Еще десятилетие назад торговля России с КНДР характеризовалась положительной динамикой. Так, объем российско-северокорейского товарооборота в 2013 г. увеличился на 64,2 % по сравнению с 2012 г. и составил 112,7 млн долл., в том числе российский экспорт в КНДР — 103,4 млн долл. (увеличение на 77,0 %), импорт из КНДР — 9,3 млн долл. (сокращение на 9,1 %)³. Однако с 2014 г. происходит постепенное сокращение объемов товарооборота (на 20 % по сравнению с 2013 г.; за 2015, 2016 гг. — еще на 20 %) (табл. 1).

Таблица 1. Внешняя торговля Российской Федерации с КНДР в 2012—2016 гг. (тыс. долл.)

	Год				
	2012	2013	2014	2015	2016
Экспорт	58 428	103 426	82 157	78 267	68 051
Импорт	11 081	9291	10 032	5665	8796
Товарооборот	69 509	112 717	92 189	83 932	76 847

Источник: URL: www.trademap.org

В первом квартале 2017 г. произошел существенный рост товарооборота между Россией и КНДР — с января по март увеличился объем товарооборота на 85 % за счет поставок России в КНДР угля на сумму 26,7 млн долл. и нефти на сумму 1,2 млн долл.⁴ Вместе с тем следует констатировать, что взаимоотношения в сфере энергетического комплекса имеют негативные перспективы в связи с введением СБ ООН новых санкций, ограничивающих поставки энерго-ресурсов в КНДР.

С принятием новой резолюции СБ ООН № 2375 и введением новых «секторальных» экономических санкций создание новых объектов внешнеторгового сотрудничества де-юре запрещено. На этом фоне не только для поддержания инвестиционного взаимодействия, но и с точки зрения удержания стратегических позиций России в КНДР важным представляется обеспечение условий для продолжения функционирования транспортно-логистического проекта «Хасан-Раджин» (6 июля 2008 г. в особой экономической зоне «Расон», КНДР, было создано СП «РасонКонТранс»)⁵. Он представляет собой использование мощностей порта Раджин (КНДР) для перевалки грузов с Транссибирской магистрали по участку железной дороги Хасан/Туманган — Раджин и далее морским путем в Китай. На сегодняшний день основную долю грузооборота порта составляет российский уголь (3,5 млн т в год).

Несмотря на то, что данный проект усилиями российских дипломатов в ООН каждый раз после принятия очередных антисеверокорейских резолюций выводится из-под удара новых санкций, нет гарантий того, что это СП, даже косвенно, не испытает на себе нега-

тивных последствий от санкционного режима, особенно в том, что касается поступления новых инвестиций. В этом контексте показательна негативная реакция южнокорейской стороны на сделанное министром России по развитию Дальнего Востока А.С. Галушкой, сопредседателем межправкомиссии Россия—КНДР, в рамках Восточного экономического форума предложение о долевом участии в упомянутом проекте на ближайшую перспективу. Кроме того, экспортеры и импортеры угля могут подвергнуться «вторичному американскому бойкоту», в связи с чем они не захотят использовать северо-корейскую территорию, рискуя экономическими и репутационными издержками.

Комментируя текущее положение дел с проектом на состоявшемся в Сочи, Россия, 15—21 октября 2017 г. Всемирном фестивале молодежи и студентов, А.С. Галушка заверил, что введение санкций против КНДР не повлияет на реализацию железнодорожного проекта «Хасан—Раджин». По его словам, в целом реализуемые международные проекты с КНДР будут продолжены, однако работа над новыми пока начинаться не будет. Министр добавил, что в 2014—2015 гг. российский бизнес, посетивший КНДР с деловыми миссиями, увидел ряд перспективных ниш для сотрудничества с Северной Кореей, однако в условиях санкций говорить о дальнейших проектах преждевременно⁶.

В процессе реализации федеральных и региональных программ развития Дальнего Востока и Сибири сохраняется тенденция к увеличению численности трудовых мигрантов из КНДР. Так, в 2017 г. Минздравсоцразвития утвердил квоту для северо-корейцев в количестве 44 тыс. человек (против 33 тыс. в 2016 г.)⁷.

Северокорейская сторона, в том числе через своих диппредставителей во Владивостоке, заинтересована, несмотря на санкции, продолжать кооперацию с российскими партнерами в области рыбного хозяйства, лесозаготовок, строительства, оптимизируя методы и диверсифицируя направления данного сотрудничества.

Для перевозки северо-корейских рабочих предполагалось использовать введенный в мае 2017 г. в эксплуатацию паромный маршрут Владивосток-Расон с использованием северо-корейского судна «Мангёнбон», способного перевозить до 200 пассажиров и 1500 т груза. Планировалось до 6 рейсов в месяц⁸. Однако данные планы по

использованию северокорейского парома уже стали объектом толков среди зарубежных СМИ, убежденных в намерении северокорейских и российских властей использовать его в целях транспортировки санкционного топлива (что идет вразрез с пунктом 11 резолюции 2375) в КНДР⁹.

Спустя два месяца после открытия маршрута в августе 2017 г. перевозки на теплоходе были приостановлены из-за хозяйственного спора между ООО «Владивостокский морской терминал» и владельцем оператора маршрута «Роскора» компанией «Инвестстройтрест»¹⁰. В октябре перевозка грузов (растительное масло, соевые бобы) маршрутом Владивосток—Раджин была возобновлена. Перевозка пассажиров ввиду нерентабельности (с мая по август осуществлена транспортировка около 300 человек) перевозчиком пока не рассматривается¹¹.

Политика усилившегося давления стран Запада из-за ракетно-ядерной деятельности КНДР угрожает российско-северокорейскому сотрудничеству в такой гражданской области, как привлечение трудовых ресурсов, хотя пока это не столь ощутимо. Признавая необходимость принятия ответных мер на проведенные КНДР ядерные испытания со стороны международного сообщества в лице СБ ООН, Россия поддерживает санкционные резолюции. В то же время Россия нацелена на сохранение добрососедских экономических отношений с КНДР. На сегодняшний день, вопреки антисеверокорейским санкциям, России и КНДР удастся противостоять попыткам стран Запада ввести ограничительные меры, связанные с привлечением северокорейских рабочих в российские регионы.

Учитывая высокую заинтересованность российских компаний в дешевой и в то же время относительно квалифицированной иностранной рабочей силе, необходимо поддерживать традиционные для наших стран контакты и обмены делегациями на различных уровнях, принимать во внимание страновые предпочтения российских регионов применительно к иностранным трудовым мигрантам. Так, в Приморском крае заинтересованы в северокорейских гражданах ввиду высокого качества выполняемых ими работ, а также положительных личностных характеристик (дисциплина, организованность, аккуратность) по сравнению с рабочими из Китая или стран Средней Азии.

В ближайшей перспективе привлечение северокорейской рабочей силы в Россию, преимущественно в строительный сектор, несмотря на ее высокую конкурентоспособность, может столкнуться с серьезными препятствиями. Пункт 17 резолюции СБ ООН 2375 гласит: «ни одно государство-член не должно предоставлять разрешений на работу гражданам КНДР в пределах своей юрисдикции в связи с допуском на свою территорию, за исключением случаев, когда Комитет на индивидуальной основе заранее определяет, что наём на работу граждан КНДР в пределах юрисдикции того или иного государства-члена требуется для целей оказания гуманитарной помощи, денуклеаризации или любой иной цели, соответствующей целям резолюций 1718 (2006), 1874 (2009), 2087 (2013), 2094 (2013), 2270 (2016), 2321 (2016), 2356 (2017), 2371 (2017) или настоящей резолюции, и постановляет, что это положение не применяется в отношении разрешений на работу, письменные контракты на которые были окончательно оформлены до принятия настоящей резолюции». Иными словами, завоз новых рабочих после окончания срока трудовых соглашений станет невозможным.

В отличие от китайских властей, которые запретили въезд по рабочим визам гражданам КНДР на свою территорию с 1 сентября, Российская Федерация продолжает принимать северокорейцев, с которыми, вероятно, трудовые контракты были заключены до принятия последней резолюции СБ ООН. Не исключено, что российские бизнесмены, заинтересованные в северокорейских трудовых мигрантах, найдут легальные способы сохранить данное взаимовыгодное направление. Предусмотренные в подписанном 14 октября 2017 г. президентом России Указе № 484 «О мерах по выполнению резолюции СБ ООН 2321 от 30 ноября 2016 г.»¹² ограничения не распространяются на сотрудничество в сфере привлечения трудовых ресурсов уже зарегистрированными предприятиями на территории России. Со слов министра А.Галушки, торгово-экономическое сотрудничество России и КНДР будет продолжено в объемах, допустимых по резолюции Совета Безопасности ООН и указу президента¹³.

Тем не менее, ввиду чётко обозначенного курса Запада на полное перекрытие Пхеньяну канала валютных поступлений от использования трудовых ресурсов за рубежом, велика вероятность, что после новых ракетно-ядерных экспериментов очередная резолюция

СБ ООН может ввести полную экономическую блокаду КНДР. Такое развитие событий является крайне нежелательным не только для Северной Кореи, но и для России. Несмотря на то, что проблемы социально-экономического развития КНДР, связанные с ужесточающимся санкционным давлением стран Запада, отодвинули на второстепенный план гуманитарные контакты, в 2016 г. Россия по линии ВПП ООН смогла предоставить КНДР около 8,5 тыс. т зерна и муки, а также оказать экстренную гуманитарную помощь населению этой страны, пострадавшему в результате разрушительного тайфуна «Лайонрок»¹⁴.

Между тем, судя по публикациям в СМИ КНДР¹⁵, у северокорейцев к России и руководству нашей страны сохраняется позитивное отношение. Особенно Пхеньяну импонируют высказывания президента В.В. Путина и министра иностранных дел С.В. Лаврова¹⁶, суть которых сводится к тому, что КНДР, наученная горьким опытом трагических судеб М. Каддафи и С. Хусейна, вынуждена укреплять свою обороноспособность ввиду постоянного военного давления со стороны США и отсутствия гарантий безопасности.

Как представляется, в условиях серьезного охлаждения северокорейско-китайских отношений Пхеньян будет искать поддержку для выхода из нынешнего кризиса в лице России. Доказательством тому служат прошедшие 29 сентября 2017 г. в МИД России консультации посла по особым поручениям О.Н. Бурмистрова с директором Североамериканского департамента МИД КНДР Цой Сон Хи, а также их совместное участие в Московской конференции по нераспространению 19—21 октября 2017 г.¹⁷ В этом контексте может существенно вырасти значимость нашей страны как конструктивного посредника, повысится наш статус в процессе урегулирования проблем Корейского полуострова, который в последние годы утрачен в силу определенных обстоятельств.

Примечания

¹ Миклашевская А. Северокорейская экономика растет быстрее южнокорейской. // Коммерсант.ру 21.07.2017 URL: www.kommersant.ru/doc/3365113 (дата обращения: 31.08.2017); GrossDomesticProductEstimatesforNorthKoreain 2016 /

The Bank of Korea. URL: bok.or.kr/contents/total/eng/boardView.action?board (дата обращения: 31.08.2017).

² Lee Jiyeun North Korea's Economy Is Growing at Its Fastest Pace Since 1999. 21 июля 2017 г. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-07-21/north-korea-s-economy-rebounds-from-drought-amid-missile-focus> (дата обращения: 29.09.2017).

³ Российско-сеveroкоре́йские отношения // МИД России. URL: <http://www.mid.ru/ru/maps/kr/?currentpage=main-country> (дата обращения: 30.09.2017).

⁴ *День А*. Россия активно снабжает энергоресурсами Северную Корею // Биржевой лидер. 21 мая 2017 г. URL: www.profi-forex.org/novosti-rossii/entry1008307946.html (дата обращения: 30.09.2017)

⁵ См. подробнее на интернет-сайте СП «РосКонТранс»: URL: www.rasoncontrans.ru (дата обращения: 30.09.2017).

⁶ Галушка: санкции против КНДР не повлияют на реализацию проекта «Хасан Раджин». URL: <http://www.morvesti.ru/detail.php?ID=66638> (дата обращения: 16.11.2017).

⁷ По данным Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации.

⁸ *Мардасов А.* Япония: Россия спасает КНДР «шпионским» паромом // Свободная пресса. 25.04.2017. URL: <https://svpressa.ru/war21/article/171170/> (дата обращения: 30.09.2017).

⁹ Exclusive — From Russia with fuel — North Korean ships may be undermining sanctions by REUTERS. Last updated: 20.09.2017 URL: <http://www.euronews.com/2017/09/20/exclusive-from-russia-with-fuel-north-korean-ships-may-be-undermining-sanctions> (дата обращения 30.09.2017) .

¹⁰ Компания «Инвестстройтрест» зарегистрирована в январе 2013 г. для работы с портом Раджин. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4648160> (дата обращения: 15.11.17).

¹¹ Теплоходное сообщение между Владивостоком и КНДР возобновилось. URL: <https://novostivl.ru/msg/24943.htm> (дата обращения: 15.11.17).

¹² Указ Президента Российской Федерации «О мерах по выполнению резолюции СБ ООН 2321 от 30 ноября 2016 г.» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201710160039?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 15.11.17).

¹³ Сотрудничество с КНДР продолжится в допустимых объемах, заявил Галушка // РИА Новости. 17.10.2017. URL: <https://ria.ru/politics/20171017/1506973763.html> (дата обращения: 15.11.17).

¹⁴ Внешнеполитическая деятельность Российской Федерации в 2016 г. МИД России. С. 52. URL: <http://www.mid.ru/ru/activity/review> (дата обращения: 15.11.17).

¹⁵ МИД России осудил политику санкций США // Центральное телеграфное агентство Кореи. 04.11.2017; Осуждение жёстких санкций США // Нодон синмун. 04.11.2017; Россия заявляет, что санкции не решат проблему // Нодон синмун. 01.11.2017; Требование России к США не обострять ситуацию на Корейском полуострове // Нодон синмун. 16.10.2017.

¹⁶ *Акопов П.* Россия мешает Соединенным Штатам удушить КНДР. 12.09.2017. URL: <https://vz.ru/politics/2017/9/12/886825.html> (дата обращения: 15.11.17).

¹⁷ Международная конференция по нераспространению 2017 // Центр энергетики и безопасности. URL: <http://ceness-russia.org/rus/conf2017/about/> (дата обращения: 15.11.17).

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

---

*Яковкин Евгений Васильевич,
преподаватель общественных дисциплин
предметно-цикловой комиссии Колледжа ГБПОУ
«Колледжа олимпийского резерва Пермского края, г. Пермь*

КИО-ВА-КАЙ И РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ: 1932—1945 гг.

Аннотация. На протяжении всего времени существования Маньчжоу-Го в этой стране существовала такая организация, как Кио-Ва-Кай. Эта организация была составной частью политической доктрины Японии: «Великой Восточноазиатской сферы процветания», которая провозглашала установление нового миропорядка в Азии в 1932 — 1945 гг. Деятельность Кио-Ва-Кай пронизывала все стороны жизни подданных Маньчжу-Ди-Го, в том числе и русских эмигрантов. В пик её расцвета в ней состояло 1 млн 200 тыс. членов.

Рассмотрены история создания Кио-Ва-Кай, её организация и структура. Особое внимание обращено на идеологические основы этой организации, а также каким образом эта организация оказывала влияние на жизнь русских эмигрантов в Маньчжурии в 1930—1945-е гг.

Ключевые слова: Маньчжурия, Маньчжоу-Го, Китай, русская эмиграция.

Идея создать организацию наподобие государственной партии, которая бы охватывала все стороны жизни населения Маньчжоу-Го, зародилась в недрах «Объединения молодых патриотов Маньчжурии». 18 июля 1932 г. в столице Маньчжоу-Го в Синьцзине была создана такая организация¹, которая получила название Общество единения народов Маньчжурской империи — на маньчжурском языке общество называлось Се-Хэ-Хой (Иногда писалось полное название: Маньчжурский императорский Се-Хэ-Хой. — Прим. авт.), по-японски звучало как Маньсю — Тэй Коку Кёвакай². Первоначально в российских эмигрантских печатных издания её называли Се-Хэ-Хой, затем с конца 1930-х гг. закрепилось японское видоизмененное название, которое употребляется до сих пор — Кио-Ва-Кай.

В уставе общества было заявлено, что его задача вместе с правительством стремиться к достижению целей торжества общемировой морали. Во главе общества стоял президент, которого утверждал премьер-министр Маньчжоу-Го³. В первый период своего существования сотрудники Кио-Ва-Кай занимались пропагандой, открывали специальные курсы и школы по всей территории Маньчжурии. В 1934 г. с образованием Маньчжу-Ди-Го были внесены изменения в устав. В уставе было записано, что «общество (Кио-Ва-Кай. — Прим. автора) является единственной идеологической, культурной, политической и практической организацией, которая, охраняя дух и идеалы основания Государства, воспитывает народ к воплощению государственной идеи Маньчжу-Ди-Го». Ежегодно стали проводиться съезды Кио-Ва-Кай, которые носили статус «всеманьчжурских».

Согласно идеям Кио-Ва-Кай, управление страной должно было идти согласно принципам Ван-Дао, которые должны были объединять население в единое гармоническое целое⁴. В Маньчжу-Ди-Го принципы Ван-Дао понимались так, что нужно быть всегда лояльным к государству и императору⁵.

Структура Кио-Ва-Кай была построена так, что она пронизывала все сферы общества. Высшим исполнительным органом являлся Центральный штаб Кио-Ва-Кай. Далее по иерархической лестнице шли: столичный штаб, провинциальные штабы, городские штабы, отделения Кио-Ва-Кай (Бункай). В руководстве Кио-Ва-Кай были так называемые высшие советники, консультанты, кроме того дей-

ствовал Совещательный комитет. Высшим советником Кио-Ва-Кай был особоуполномоченный посол Японской империи и главнокомандующий Квантунской армией⁶. Руководили Кио-Ва-Кай премьер-министры Маньчжу-Ди-Го. С 1932 по 1935 г. это был Чжэн Сяосюй, а с 1935 по 1945 г. — Чжан Цзинхуэй.

В Кио-Ва-Кай принимали каждого гражданина Маньчжу-Ди-Го, начиная с 20 лет. С 1935 г. маньчжурские власти уже привлекали к работе в Кио-Ва-Кай русских эмигрантов. Численность Кио-Ва-Кай к тому времени была 1 млн 200 тыс. человек. Русских же, вступивших в Кио-Ва-Кай, было около 4000 человек⁷. Специально для руководства русскими эмигрантами был создан Биньцзянский штаб Кио-Ва-Кай, где работали русские сотрудники. Кроме того, русские сотрудники Кио-Ва-Кай работали в таких крупных центрах русской эмиграции, как Хайлар и Трехречье. Кио-Ва-Кай активно сотрудничала с Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурской империи (БРЭМ. — Прим. автора); с 1 июня 1940 г. БРЭМ было преобразовано в Главное бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурской империи (ГБРЭМ. — Прим. автора). Так, начальник Особого отдела Кио-Ва-Кай Рючи Като был советником при Бюро, а начальник Главного бюро, генерал от кавалерии В.А. Кислицин являлся членом совещательного комитета городского штаба Кио-Ва-Кай. Заместитель начальника ГБРЭМ М.Н. Гордеев также был включен в деятельность Кио-Ва-Кай⁸.

В 1938 г. были созданы юношеские и молодежные организации Кио-Ва-Кай — Сионэндан (от 10 до 15 лет) и Сейнандан (16—19 лет)⁹. Естественно, что другие молодежные организации, в том числе скаутские, не подконтрольные властям, всячески преследовались и закрывались. Путь у русской молодежи должен был быть один — в Сионэндан и в Сейнандан. Для юношества и молодежи проводились летние лагерные сборы, на которых руководство Кио-Ва-Кай проводило патриотические мероприятия в духе Ван-Дао. Посещал эти лагеря как атаман Г.М. Семенов, так и другие видные деятели российской эмиграции. О работе этих лагерей была выпущена отдельная брошюра¹⁰. Кроме того, у Кио-Ва-Кай существовало так же Женское общество государственной обороны Маньчжу-Ди-Го, которое на японском языке звучало как Мансюу Коку-

боо Фузинкай, куда могли поступить молодые девушки и женщины, дабы служить на благо государству¹¹.

В том же 1938 г. были созданы военизированные добровольческие отряды Кио-Ва, в которых служили кроме маньчжур и китайцев также и русские эмигранты. Верховным руководителем русских отрядов считался начальник ГБРЭМ¹². За все время это были: генерал от кавалерии В.А. Кислицин и генерал-майор Л.Ф. Власьевский. Деятельность Кио-Ва-Кай с каждым годом все больше охватывала жизнь российских эмигрантов в Маньчжурии. Русские эмигранты обучались на высших курсах Кио-Ва-Кай в Харбине, Хайларе и Драгоценке, где проходили военно-политическую подготовку¹³.

Активное участие русских эмигрантов в деятельности Кио-Ва-Кай было оценено руководителями этой организации и было решено разрешить русским эмигрантам участвовать и в работе Всеманьчжурских съездов Кио-Ва-Кай. Так в октябре 1941 г. на съезде побывала российская эмигрантская делегация во главе с начальником ГБРЭМ генералом от кавалерии В.А. Кислициныным. Кроме того, делегация была принята начальником Штаба Кио-Ва-Кай генералом Мияке Кодзи¹⁴.

Для еще большего контроля за гражданами Маньчжу-Ди-Го со стороны государства стали создаваться кружки соседской взаимопомощи под эгидой Кио-Ва-Кай. Эти кружки были созданы наподобие японских кружков соседской взаимопомощи Тонари — гумми. Официально объявлялось, что целью этих кружков была соседская взаимопомощь во взаимодействии с Кио-Ва-Кай¹⁵. При кружках соседской взаимопомощи в 1942 г. были созданы общества народных сбережений, куда каждый житель Маньчжу-Ди-Го ежемесячно должен был отчислять от 1 до 2 гоби в месяц. Таким образом, был установлен еще один налог для всех живущих в Маньчжу-Ди-Го. От налога освобождались только иностранные граждане, в основном это были граждане СССР¹⁶.

С началом Тихоокеанской войны в конце 1941 г. в цели и задачи Кио-Ва-Кай были внесены некоторые изменения. Прежде всего, они были связаны с государственной обороной страны и определением главных врагов государства. Ими были объявлены США, Великобритания и Коминтерн. В принципах деятельности Кио-Ва-Кай в это время писалось: «Необходимо добиться, чтобы весь народ хоро-

шо понимал значение священной войны за Великую Восточную Азию»¹⁷. Это должны были заявить и российские эмигранты, поэтому им было разрешено выступить на Чрезвычайном Всеманьчжурском съезде Кио-Ва-Кай 8—9 февраля 1942 г.¹⁸ На съезде присутствовали император Маньчжу-Ди-Го Пу И [Кан Дэ. — Прим. авт.], а также главнокомандующий Квантунской армией Умедзу Ёсидзиро. На этот съезд прибыло 2 делегата от российской эмиграции — это М.А. Матковский, на тот момент начальник 3-го отдела ГБРЭМ, и Н.П. Кобцев, также видный деятель Бюро. Матковский заявил: «Мы, российские эмигранты, — упорные и последовательные противники коммунистического интернационала, стремящегося разложить духовные и моральные начала жизни народов всего мира»¹⁹. Не мог он обойти в своей речи и тему Тихоокеанской войны, или как её называли в то время Великой Восточноазиатской войны. Он сказал: «Мы, российские эмигранты, чутко реагируем на ведущуюся сейчас борьбу, неизбежным результатом которой явится ликвидация многолетней эксплуатации восточноазиатских народов так называемыми «великими демократиями» англосаксов, мировой гегемонии которых приходит конец»²⁰.

В следующем 1943 г. деятельность Кио-Ва-Кай была сосредоточена на издании пропагандистской литературы и материалов о Великой Восточноазиатской войне. Для русских эмигрантов выпускались специальные издания. Новый всплеск пропагандистской деятельности в среде русской эмиграции был связан с призывом русских эмигрантов в российские воинские отряды армии Маньчжу-Ди-Го в конце 1943 — начале 1944 гг. Одним из последних мероприятий Кио-Ва-Кай стал Всеманьчжурский съезд, который прошел в июле 1945 г. На нем также присутствовали русские делегаты²¹. После начала советско-японской войны в августе 1945 г. Кио-Ва-Кай прекратил свою деятельность, так как многие его видные члены были схвачены советской разведкой. Многие из них попали в советские тюрьмы, где и скончались. Также судьба обошлась и с японскими, и с китайскими руководителями Кио-Ва-Кай.

Таким образом, можно сказать, что организация Кио-Ва-Кай играла большую роль в жизни населения Маньчжу-Ди-Го. Деятельность этого «общества согласия» охватывала все стороны жизни населения: образование и воспитание, культуру, печать. В то же время с

ее помощью органы государственной безопасности Маньчжу-Ди-Го, а также японская военная разведка пытались контролировать умы и следить за жизнью населения.

Примечания

¹ Кио-ва-кай — духовный светоч жизни и плот процветания Маньчжу-Ди-Го. Заявление Р. Като — начальника Особого отдела Кио-ва-кай // Голос эмигрантов (Харбин). 26.07.1942. № 31 (219). С. 9.

² Общество Единения Народов Маньчжурской империи. Устав. Перевод. Н.Д. Глебова. Изд. Биньцзянского штаба Се-Хэ-Хой. Харбин. Б.Д. С. 13.

³ Там же. С. 13—14.

⁴ ГАХК. Ф.Р. 831. Оп. 2. Д. 1. Л. 4—5.

⁵ Ю. фон Зиберг Ван-Дао — основа Маньчжу-Ди-Го // Голос эмигрантов (Харбин). 21.09.1941. № 39(174). С. 5.

⁶ Общественные добровольческие дружины Кио-Ва / под ред. В.С. Барышникова. Харбин. С. 21—25.

⁷ Като Р. Маньчжу-Ди-Го и Се-Хэ-Хой. Б.И. Харбин, 1938. С. 63.

⁸ Кио-Ва-Кай — духовный светоч жизни и плот процветания Маньчжу-Ди-Го...

⁹ Там же.

¹⁰ В лагерях. Харбин: Изд. Особого отд. Кио-Ва-Кай. Харбин, 1937.

¹¹ Общественные добровольческие дружины Кио-Ва / под ред. В.С. Барышникова. Харбин, 1942. С. 35—37.

¹² Юбилей общественных добровольческих дружин // Голос эмиграции. 26.09.1943. № 1. С. 7.

¹³ Из обзора 12-го отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР о состоянии белоэмигрантских организаций в Маньчжурии // Русская военная эмиграция 20—40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 8. Противостояние 1927—1941 гг. М., 2016. С. 755.

¹⁴ Луч Азии (Харбин). 1941. № 10 (86). С. 35.

¹⁵ ГАХК. Ф.Р. 831. Оп. 2. Д. 4. Л. 6.

¹⁶ Все должны состоять в обществах народных сбережений при кружках соседской взаимопомощи // Заря. 21.09.1942.

¹⁷ Общественные добровольческие дружины Кио-Ва / под ред. В.С. Барышникова. Харбин, 1942. С. 37.

---

¹⁸ Кио-Ва-Кай — духовный светоч жизни и оплот процветания Маньчжу-Ди-Го...

¹⁹ О его искренности говорить не приходится, так как позднее стало известно, что он советский агент, завербованный ИНО НКВД. — Прим. авт.

²⁰ Сборник Кио-Ва-Кай. Российские эмигранты и съезды Кио-Ва-Кай. № 31. Харбин: изд-во Особого отдела Кио-Ва-Кай, 1942. С. 33.

²¹ Съезд Кио-Ва-Кай 25.07.1945// Рубеж (Харбин). 1945. № 21 (862). С. 5.

*Нелидов Владимир Владимирович,
аспирант и преподаватель кафедры востоковедения
МГИМО(У) МИД России, научный сотрудник Центра японских
исследований ИВ РАН*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЯПОНО-АМЕРИКАНСКОГО ДОГОВОРА 1960 г. И ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЯПОНИИ

Аннотация. Выработка, подписание и ратификация японо-американского Договора безопасности 1960 г. сопровождалась острыми дискуссиями внутри правящих кругов Японии и охватившими всю страну протестами оппозиционных сил. Изучение этих событий приводит к нескольким выводам относительно внешнеполитического процесса в послевоенной Японии, применимость которых выходит далеко за рамки рассматриваемого исторического эпизода. Во-первых, ключевые внешнеполитические решения нередко принимались очень ограниченным кругом лиц. Во-вторых, дискуссии внутри правящей Либерально-демократической партии часто мотивировались лишь стремлением отдельных фракций и их лидеров максимизировать свой политический выигрыш. В-третьих, реальной мишенью оппозиции был не столько сам договор, сколько правительство как таковое. В-четвертых, несмотря на массовость протеста против заключения нового Договора безопасности, существенным фактором его неудачи оказалась внутренняя борьба в рядах оппозиции.

Ключевые слова: Япония, внешнеполитический процесс, внутренняя политика, японо-американские отношения, Либерально-демократическая партия Японии.

Исследование внешнеполитического процесса как процесса выработки тех или иных внешнеполитических решений на внутригосударственном уровне имеет существенное значение как минимум по трем причинам.

Первая — рассмотрение внешней политики государств, осуществляемое через призму теории и истории международных отношений, зачастую страдает от недостаточного внимания, уделяемого внутривнутриполитическим аспектам принятия соответствующих решений. Во многом это следствие подхода к государству как к единому актору, свойственного, к примеру, реалистической школе теории международных отношений. Нельзя отрицать того, что в некоторых случаях подобный подход, заключающийся в анализе внешней политики с точки зрения именно отношений между государствами при намеренно упрощенном понимании внутренней политики этих государств, действительно позволяет делать достаточно обоснованные выводы. Однако полноценное понимание внешней политики невозможно в рамках только такого, неизбежно ограниченного взгляда.

Вторая — благодаря рассмотрению отдельных примеров внешнеполитического процесса можно лучше понять структуру политической системы страны и процесса принятия политических решений в целом. Особенно это актуально при рассмотрении того кейса, которому посвящен настоящий доклад, — заключению японо-американского Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности 1960 г.¹ Более того, если учесть, что многие формальные и неформальные элементы японской политической системы в наши дни сохраняют преемственность по отношению к так называемой «системе 1955 года», т. е. периоду господства Либерально-демократической партии Японии в 1955—1993 гг., то уроки, которые можно извлечь из изучения этого кейса, окажутся в определенной мере применимы и к анализу современной японской политики.

Наконец, третья — изучение именно внешнеполитического процесса Японии, в частности, и стран Востока, в целом, как отдельного предмета исследования только начинает привлекать внимание отечественных исследователей², а потому подобный труд может иметь существенную научную и практическую значимость.

Договор 1960 г. пришел на смену японо-американскому Договору безопасности³, подписанному в Сан-Франциско 8 сентября

1951 г. в один день с Сан-Францисским мирным договором. При этом у соглашения образца 1951 года был целый ряд проблем, которые, по мнению японской стороны, требовали исправления. Во-первых, это то, что, несмотря на право США размещать войска в Японии, американская сторона не несла прямых обязательств защищать ее в случае внешнего нападения. Во-вторых, это отсутствие обязательств США консультироваться с японскими властями по поводу использования размещенных на территории Японии американских войск. В-третьих, это прописанная в ст. 1 договора 1951 г. возможность использования размещенных в Японии сил для подавления внутренних беспорядков и бунтов. В-четвертых, это отсутствие установленного срока действия договора⁴.

Инициативы относительно возможного пересмотра этого документа японская сторона начала проявлять еще в середине 1950-х. При этом недовольство договором выражали как оппозиционные левые силы, так и значительная часть правящих кругов. Так, предложения относительно его пересмотра высказывались министром иностранных дел Сигэмицу Мамору во время его визита в США в сентябре 1955 г., хотя тогда японской стороне в этом было отказано⁵. Таким образом, сама инициатива пересмотра не просто исходила от Японии, но и пользовалась поддержкой как правящих консервативных сил, так и общества в целом, хотя мнения относительно того, что именно и как следует изменить в договоре, могли различаться.

По-настоящему движение к созданию новой основы для японо-американского союза началось с приходом к власти в феврале 1957 г. правительства Киси Нобусукэ. С одной стороны, оно выступало за укрепление военно-политического сотрудничества с Вашингтоном, а с другой — было вынуждено учитывать нарастание общественного недовольства условиями договора 1951 г. Была у Киси и личная мотивация добиваться этого: решение вопроса Договора безопасности стало бы для него большой личной победой, которая, по его расчетам, обеспечила бы ему долгое пребывание у власти⁶.

О личной роли Киси в процессе заключения договора 1960 г. свидетельствует и тот факт, что именно он настоял на том, чтобы обновление юридической основы сотрудничества Токио и Вашингтона имело форму нового договора, притом, что еще в августе 1958 г. американский посол Дуглас Макартур II (племянник знаменитого вое-

начальника) предлагал японской стороне три варианта решения этой проблемы: собственно заключение нового договора, внесение изменений в действующий договор либо же сохранение договора 1951 г. при унификации его толкования путем обмена нотами, совместных коммюнике и т. п.⁷ При этом и министр иностранных дел Фудзияма Айитиро, и руководящие круги японского МИД склонялись скорее к менее радикальному варианту внесения изменений в действующий договор⁸.

Официальные переговоры по вопросу заключения нового Договора безопасности открылись в Токио в октябре 1958 г. Главой японской делегации был министр иностранных дел Фудзияма, американской — посол Макартур. Основные положения были определены довольно быстро, уже к концу ноября 1958 г.⁹, причем в самом процессе выработки текста с японской стороны участвовал очень ограниченный круг лиц — фактически, только премьер-министр, министр иностранных дел и несколько высокопоставленных чиновников МИД Японии. Более того, хотя официальные переговоры проводились в помещении МИД Японии, обсуждение наиболее существенных вопросов осуществлялось в еще более узком составе во время неофициальных секретных встреч в токийском отеле «Империал»¹⁰. Однако это не значит, что другие политические игроки не проявляли интереса к этому процессу.

Прежде всего, это относилось к правящей Либерально-демократической партии Японии (ЛДП) и различным фракциям в ее составе. Практически сразу же после начала официальных переговоров на совещании членов парламента от ЛДП было высказано настоятельное требование, чтобы окончательное решение по условиям нового соглашения оставалось именно за партией¹¹. Когда в феврале 1959 г. министр иностранных дел Фудзияма опубликовал свой проект договора (который в основном соответствовал тому документу, который был подписан в итоге), то с критикой против этого документа выступил целый ряд деятелей ЛДП. Нападкам со стороны правого крыла партии подвергались как раз те положения проекта, которые можно было считать шагом вперед с точки зрения обеспечения большей самостоятельности Японии. К примеру, критика касалась ликвидации положения о возможности использования американских войск для подавления внутренних беспорядков, а также невключения в сферу

действия договора Окинавы и островов Огасавара, в то время находившихся под административным контролем США¹². При этом, если правое крыло партии и военные круги настаивали, что десятилетний срок действия — это слишком мало и что он должен быть бессрочным, то другие партийные деятели, как, например, влиятельный член ЛДП и лидер одной из фракций Коно Итиро, наоборот, утверждали, что 10 лет — это слишком много¹³. В результате, окончательно заручиться поддержкой правящей партии относительно положений нового договора правительству удалось только в октябре 1959 г., через год после начала переговоров¹⁴.

Столь критическое первоначальное отношение многих деятелей правящей партии к позиции правительства можно объяснить тем, что основной их целью было не изменение договора само по себе. Замечания, которые высказывались, касались в основном частных и в итоге так и не оказали существенного влияния на переговорную позицию японской стороны и, следовательно, окончательный текст договора. Дело, скорее, в том, что лидеров внутрипартийных фракций интересовала не столько внешняя, сколько внутренняя политика, а именно борьба за влияние внутри партии вообще и возможность занять место премьера Киси в частности. И их несогласие с переговорной позицией, отстаивавшейся на переговорах их же правительством, было главным образом способом оказать давление на премьер-министра и его сторонников.

Эта же тенденция фракций ЛДП к тому, чтобы подвергать нападкам позицию правительства в целях максимизации собственного политического выигрыша, проявилась и после того, как договор был подписан в Вашингтоне 19 января 1960 г. премьер-министром Киси и госсекретарем США Кристианом Гертером. Договор должен был быть ратифицирован парламентом, и многие депутаты (в том числе уже упоминавшийся Коно Итиро, принадлежавший к правящей ЛДП, но возглавлявший оппозиционную по отношению к премьер-министру фракцию внутри правящей партии) настаивали на том, что у парламента должно быть право вносить изменения в уже подписанный документ. И когда в ночь с 19 на 20 мая 1960 г. в нижней палате проходило голосование по вопросу ратификации договора, отказались голосовать не только депутаты от оппозиции, но и Коно, его сторонники и представители некоторых других фракций правящей партии¹⁵.

Премьер-министр и министр иностранных дел встречали сопротивление не только со стороны своих оппонентов внутри правящей партии, но и со стороны парламентской оппозиции, прежде всего, Социалистической партии Японии (СПЯ) и Коммунистической партии Японии (КПЯ). Однако и оппозиционные силы не вполне обладали консолидированной и последовательной позицией относительно того, что нужно делать с Договором безопасности, и использовали этот вопрос скорее как оружие для борьбы лично с Киси в частности и с правящей ЛДП, вообще. Так, до официального начала переговоров с американской стороной представители СПЯ настаивали, что договор 1951 г. должен быть «пересмотрен или ликвидирован», но как только американская сторона заявила о своей готовности обсуждать пересмотр договора, социалисты стали выступать против союзного договора с США как такового¹⁶.

То, что вопрос о Договоре безопасности был для СПЯ и КПЯ главным образом средством для борьбы с консервативным правительством как таковым, подтверждается и тем фактом, что борьба с этим документом была неразрывно связана с противодействием левых сил другому неоднозначному шагу, предпринятому правительством Киси, — его попытке осенью 1958 г. добиться принятия парламентом поправок в закон о полиции, существенно расширявших полномочия правоохранительных органов. И когда под давлением оппозиции и общественного мнения правительство отступило и сняло этот неоднозначный законопроект, руководящие органы и СПЯ, и КПЯ постановили направить протестную энергию масс на новую цель — на борьбу с Договором безопасности.

Левым движениям удалось мобилизовать сотни тысяч людей на массовые акции протеста, ставшие крупнейшими за всю послевоенную историю Японии. Но и здесь, как и внутри правящего лагеря, борьба за влияние между различными силами сыграла свою дезорганизующую роль. Дело в том, что хотя организовывавшая протесты Народная конференция против пересмотра Договора безопасности была создана при участии СПЯ, КПЯ, а также Генерального совета профсоюзов Японии (Сохё), внутри движения протеста имели место конкуренция и противостояние социалистов и коммунистов¹⁷. При этом, например, КПЯ была открыто враждебна радикалам, контролировавшим крупнейшую студенческую организацию Дзэн-

гакурэн и составлявшим костяк движения протеста, в то время как СПЯ, хотя и не одобряла насильственных действий радикалов, относилась к ним с симпатией, считая их противовесом КПЯ среди молодежи¹⁸.

Сорвать подписание договора или его ратификацию левым силам, однако, так и не удалось. В общем и целом, договор был подписан именно в том виде, в котором он планировался с самого начала. Однако сам размах протестов и то, что из-за них даже пришлось отменить запланированный на лето 1960 г. визит президента Эйзенхауэра в Японию, привели к тому, что и победа премьер-министра Киси оказалась пирровой, — практически сразу после того, как договор был ратифицирован парламентом (для этого пришлось прибегнуть к процедуре автоматической ратификации верхней палатой), правительство было вынуждено уйти в отставку.

Подытоживая, можно сделать следующие выводы относительно характерных черт внешнеполитического процесса в Японии рубежа 1950—1960-х гг. Во-первых, собственно принятие решения, т. е. в данном случае определение переговорной позиции относительно желательных для японской стороны положений договора, осуществлялось достаточно узким кругом лиц, прежде всего, премьер-министром, министром иностранных дел и работавшими с ними высшими чинами МИД Японии. При этом в процесс обсуждения был вовлечен куда более широкий круг акторов. К ним относились и различные фракции внутри правящей партии, и оппозиция, и общественные движения. Но их участие мотивировалось не столько заинтересованностью в конкретном внешнеполитическом вопросе, сколько стремлением использовать этот вопрос для достижения своих целей внутриполитического характера. Следует заметить, что в рамках подобной системы, по сути, ни один из акторов так и не достиг своих целей в полной мере. Премьер Киси не только не укрепил свою позицию на японском политическом Олимпе, но и вынужден был уйти в отставку. Фракции, выступавшие против Киси, также все не обязательно смогли существенно укрепить свое влияние. Но и оппозиция, хотя и добилась отставки Киси, не смогла предотвратить подписания, ратификации и вступления в силу договора безопасности и не смогла воспользоваться этим моментом, чтобы мобилизо-

вать широкие слои населения и вырвать власть из рук у консерваторов, сохранивших свое господствующее положение в японской политической системе на десятилетия вперед.

Примечания

¹ Treaty of Mutual Cooperation and Security Between Japan and the United States of America. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/q&a/ref/1.html> (дата обращения: 01.11.2017).

² См., напр.: Внешнеполитический процесс в странах Востока / под ред. Д.В. Стрельцова. М., 2011.

³ Security Treaty Between Japan and the United States of America. URL: <http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/docs/19510908.T2E.html>

⁴ Кадзима М. Нихон-но гайко:. Како: то гэндзай : [Внешняя политика Японии. Прошлое и настоящее]. Токио, 1967. С. 73—74.

⁵ Гаймусё-но хяку нэн. Гаймусё хяку нэн си хэнсан иинкай хэн : [Сто лет Министерства иностранных дел / под ред. Комитета по составлению столетней истории Министерства иностранных дел]. Т. 2. Токио: Хара сёбо, 1969. С. 938.

⁶ Фудзияма А. Сэйдзи вага мити. Фудзияма Айитиро кайсорору : [Мой путь в политике. Мемуары Фудзияма Айитиро]. Токио, 1976. С. 61.

⁷ Гаймусё-но хяку нэн. С. 941.

⁸ Фудзияма 1976. С. 63.

⁹ Там же. С. 78.

¹⁰ Там же. С. 77.

¹¹ Гаймусё-но хяку нэн... С. 942.

¹² Aruga, Tadashi. The Problem of Security Treaty Revision in Japan's Relations with the United States: 1951—1960. Hitotsubashi Journal of Law and Politics, 13 (1985-02). P. 49.

¹³ Ibid. P. 50.

¹⁴ Гаймусё-но хяку нэн//. С. 948—948.

¹⁵ Кутаков Л.Н. Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964. С. 449—450.

¹⁶ Aruga 1985. P. 43.

¹⁷ Ibid. P. 51.

¹⁸ Ibid. P. 52—53.

*Лобов Роман Николаевич,
аспирант Центра корейских исследований ИДВ РАН*

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС КНДР ПОСЛЕ V СЪЕЗДА ТПК (1970): ПРОСЧЕТЫ И ДОСТИЖЕНИЯ

Аннотация. На первых этапах своего существования КНДР, проводя свой внешнеполитический курс, опиралась в основном на страны социалистического лагеря. Однако охлаждение отношений Пхеньяна с Москвой и Пекином привело к некоторым изменениям в северокорейской внешней политике. Конечно, балансирование между СССР и КНР, игра на противоречиях между Москвой и Пекином, оставались важной составляющей внешнеполитического курса Пхеньяна. И, тем не менее, с начала 1970-х гг. КНДР переходит к диверсификации своих дипломатических и внешнеторговых связей. В частности, важным направлением внешней политики КНДР становится развитие отношений со странами Запада. Кроме того, происходит активизация внешнеполитических контактов Северной Кореи со странами Азии и Африки, причем данное направление оказывается полем межкорейского соперничества за дипломатическое признание.

Ключевые слова: КНДР, ТПК, внешняя политика, международные отношения.

С момента своего образования и в дальнейшем в течение довольно длительного периода КНДР выстраивала свой внешнеполитический курс, основываясь на балансировании между Москвой и

Пекином. Тем не менее, на определенном этапе развития северокорейской внешней политики преимущественная ориентация на страны социалистического лагеря перестала устраивать Пхеньян. С начала 1970-х гг. в условиях стремительно меняющейся глобальной и региональной конъюнктуры в КНДР осуществляются попытки перехода к проведению самостоятельного и независимого внешнеполитического курса.

Внешнеполитические установки в материалах V съезда ТПК. Каким образом внешнеполитическая повестка дня отражалась в документах очередного партийного съезда? Во-первых, проблемой номер один, краеугольным камнем политико-идеологической риторики в КНДР того времени остается объединение страны. И Северная, и Южная Корея на данном этапе своего развития ведут активное соперничество за право представлять интересы корейского народа на международной арене, фактически — за признание собственного правительства единственным законным на Корейском полуострове. Важной частью этого соперничества стала борьба за дипломатическое признание, развернувшаяся между Пхеньяном и Сеулом в 1960—1980-е гг., и достигающая своего пика в 1970-е гг. Отсюда — привязка внешнеполитического курса КНДР к проблеме объединения страны, о чем прямо говорится на страницах партийного документа.

Во-вторых, значительное внимание уделяется политике США и Японии в Восточной Азии. В главе «За укрепление сплоченности с международными революционными силами», содержащей ряд ключевых внешнеполитических установок, которые будут воплощены в дальнейшем, обличению «агрессивной политики США» и их союзников посвящено более половины текста¹.

С точки зрения официального Пхеньяна, политика США в данный период сохраняет свою «агрессивную сущность», несмотря на все мирные инициативы, которые были выдвинуты в рамках «политики разрядки». Более того, «политика разрядки» воспринималась в Пхеньяне как «обманный трюк», который был призван прикрыть «агрессивную сущность» внешнеполитического курса США, а «мирная стратегия американского империализма» и вовсе была определена как «вывернутая наизнанку военная стратегия». Таким образом, в

КНДР открыто высказывали недоверие внешнеполитическому курсу США, делая акцент на его «агрессивной сущности».

Отражено в партийном документе и отношение пхеньянских идеологов к некоторым изменениям в политике США на дальневосточном направлении. В частности, «новая азиатская политика» Ричарда Никсона воспринимается ими как способ переложить «агрессивные притязания» США на плечи своих союзников в регионе, в том числе на «милитаристскую Японию», «возрождению» которой также уделяется большое внимание.

Суждения о японском милитаризме, в свою очередь, базируются на восприятии агрессивной политики Японии в прошлом, и, говоря о «возрождении японского милитаризма», прямо указывается на то, что «преступная история японских милитаристов» повторяется вновь. Роль Японии в данном контексте, с точки зрения официального Пхеньяна, сводится к активному содействию замыслам Вашингтонских стратегов, для чего «в крупных масштабах наращиваются агрессивные вооруженные силы»². Впрочем, даже экономическая экспансия Японии в Юго-Восточной Азии воспринимается именно в этом ключе.

Примечательно, что в тексте отчетного доклада практически не говорится открыто ни о Советском Союзе, ни о Китае. Указывается лишь, что «в международном коммунистическом движении создалась сложная ситуация», «поднял голову ревизионизм»³, что в определенной степени является отсылкой к противоречиям между СССР и КНР, которые к тому моменту перешли в острую стадию, а также к отношениям Пхеньяна с Москвой и Пекином, которые переживали не самые лучшие времена. Вместе с тем усиление противоречий в социалистическом содружестве воспринималось Пхеньяном и как вызов, и как угроза. Острота момента усиливалась тем, что на тот момент КНДР опиралась в своей внешней политике главным образом на СССР, КНР и страны социалистического лагеря. Назревала необходимость диверсификации внешнеполитических связей КНДР за счет расширения дипломатических и торгово-экономических отношений с государствами, находящимися вне социалистического содружества.

КНДР и страны социалистического лагеря в 1970-е гг. Ключевое положение в иерархии внешнеполитических интересов КНДР со-

хранялось за странами социалистического лагеря, в первую очередь — за СССР и КНР. Несмотря на определенное охлаждение взаимоотношений Пхеньяна с Москвой и Пекином, оба этих государства оставались ключевыми военно-политическими союзниками страны и сохраняли доминирующее положение в структуре внешней торговли КНДР.

Вместе с тем, как отмечает В.П. Ткаченко⁴, «взаимопонимание между Москвой и Пхеньяном оставалось на крайне низком уровне». С конца 1960-х гг. политический диалог между двумя странами ослабевает: в течение 18 лет (с 1966 по 1984 г.) Ким Ир Сен не посещал СССР, в 1973—1976 гг. он также не принял ни одной советской делегации, в том числе и на высоком уровне. За риторикой о вечной и нерушимой дружбе двух братских народов наметились признаки похолодания, которое, впрочем, стало проявляться еще с начала 1960-х гг.

Так или иначе, вплоть до 1991 г. Советский Союз сохранял свои союзнические обязательства по отношению к КНДР, а доля СССР во внешнеторговом обороте КНДР оставалась довольно высокой. Несмотря на сигналы из Сеула о готовности устанавливать отношения с социалистическими странами, сотрудничество СССР с Южной Кореей было эпизодическим и в полной мере было развернуто лишь после 1988 г. Тем не менее, необходимо учитывать, что в силу трестепенности дальневосточного направления во внешней политике СССР в годы холодной войны в Москве в течение долгого времени довольствовались сложившимся статус-кво в корейских делах.

Вторым по значению государством во внешнеполитической иерархии КНДР оставался Китай. Как отмечает ряд исследователей, в том числе А.Н. Ланьков, северокорейское политическое руководство, стремясь обеспечить себе определенные преференции, с конца 1950-х гг. избирает тактику лавирования между Москвой и Пекином в качестве одного из своих важнейших дипломатических инструментов⁵. По существу, к началу 1970-х гг. во внешней политике КНДР складывается такая ситуация, при которой Пхеньян проводит равноудаленную политику по отношению к Москве и Пекину.

КНДР держалась особняком и среди стран социалистического содружества. КНДР была одной из немногих социалистических стран, не имевших полного членства в Совете экономической взаимопомощи, довольствуясь лишь статусом наблюдателя (с 1956 г.).

В силу неразвитости системы военно-политических блоков в Северо-Восточной Азии КНДР не была членом ни одного из них, что позволило ей стать членом Движения неприсоединения в 1975 г.

«Дипломатическое соперничество» между КНДР и РК в 1970-е гг.: КНДР и Движение неприсоединения. Как уже было отмечено выше, с начала 1960-х гг. между Пхеньяном и Сеулом разворачивается соперничество за дипломатическое признание, достигшее своего пика в 1970-е гг. Основным полем борьбы за таковое становятся государства Азии, Африки и Латинской Америки, одно за другим получающие независимость от колониальных держав. Подавляющее большинство новых стран «третьего мира» практически сразу же получали статус членов ООН, что во многом и повышало их роль в глазах представителей Пхеньяна и Сеула, резонно полагавших, что чем большим будет перечень государств, признавших то или иное корейское государство, тем весомее будут позиции КНДР или РК на международной арене. Тем не менее, необходимо учитывать, что с конца 1960 — начала 1970-х гг. начинает постепенно распространяться практика одновременного дипломатического признания Пхеньяна и Сеула, причем среди первопроходцев внешнеполитического плюрализма окажутся как страны Азии и Африки, так и Европы. Так, первым государством вне социалистического лагеря, установившим дипломатические отношения с КНДР, стала Мавритания⁶ (ноябрь 1964 г.), однако, как только дипломатическое признание Пхеньяна стало свершившимся фактом, отношения между Сеулом и Нуакшотом были моментально разорваны. Так или иначе, процесс дипломатического признания КНДР был запущен. С 1964 по 1970 г. с КНДР установили дипломатические отношения Конго, Камбоджа, Гана, Танзания, Сирия, Палестина (из-за чего, к слову, до сих пор нет дипломатических отношений с Израилем, ибо Ким Ир Сен в целом придерживался панарабского курса на неприятие государства Израиль), Ирак и т. д. Если в 1964—1970 гг. Пхеньян установил дипломатические отношения с 18 государствами, то в 1971—1980 гг. Северная Корея заключает дипломатические отношения более чем с 60 государствами Азии, Африки, Латинской Америки и Европы, причем пик этого процесса приходится на 1972—1975 гг. В результате к 1980 г. КНДР установила отношения с целым рядом ведущих стран Азии и Африки, в том числе с Индией, Малайзией, Таиландом,

Сингапуром, Нигерией и Мексикой. Успехи северокорейской дипломатии на международной арене, подкрепленные значимыми экономическими успехами (а 1970-е гг. можно без преувеличения назвать временем расцвета северокорейской экономики) вкупе с интенсивной пропагандой собственных достижений, привели к тому, что КНДР в 1975 г. становится членом Движения неприсоединения.

При этом, если в Пхеньяне во главу угла ставили в первую очередь усиление собственных позиций на международной арене, то новые государства незападного мира (в особенности, Африки) находились в постоянном поиске источников экономической помощи и инвестиций. Общий объем экономического содействия Африке составил около 300 млн долл.⁷ Кроме того, в 1970-е гг. КНДР оказывала военную помощь ряду стран Африки, включая Заир (ДРК Конго), Анголу и Зимбабве.

Довольно специфическим проявлением сотрудничества КНДР с развивающимися странами становится создание многочисленных кружков по изучению и распространению идей чучхе. В конце 1970-х гг. в развивающихся странах (главным образом, африканских) действовало более 300 таких кружков, на финансирование которых КНДР ежегодно выделяла до 300 млн долл.⁸

Вместе с тем к концу 1970-х гг. активность северокорейской дипломатии на африканском направлении теряет свою былую интенсивность. Конечно, скромное по объему экономическое и военно-техническое сотрудничество между КНДР и странами Африки сохраняется и в дальнейшем, но уже не в таких объемах и без былого энтузиазма.

КНДР и развитые страны Запада: попытки «наведения мостов». Одним из важных направлений внешнеполитической активности северокорейской дипломатии в 1970-е гг. становится «первый мир», точнее — развитые страны Европы и Япония. Надо сказать, что европейской вектор внешней политики был по разным причинам «слабым местом» практически всех стран Восточной Азии. Если в случае с КНР в первые десятилетия после начала холодной войны дело было в признании практически всеми несоциалистическими европейскими странами Китайской Республики (Тайвань) в качестве единственного законного представителя интересов Китая, то в случае с государствами, у которых дипломатические отношения со

странами Европы были уже установлены, как, скажем с РК и Японией, во многом важную роль играло отсутствие интереса со стороны самих европейских стран к дальневосточным государствам.

Тем не менее, ставя задачу диверсификации внешнеполитических и внешнеэкономических связей, политическое руководство КНДР не сбрасывало со счетов и страны «первого мира». Причем капиталистические страны Европы, а также Япония оказываются в 1970-е гг. кредиторами КНДР. По данным Чарльза Армстронга, в 1970—1975 гг. КНДР заключила контракты с европейскими и японскими компаниями на общую сумму около 600 млн долл.⁹ Неблагоприятная международная конъюнктура вследствие «нефтяных шоков» привела к тому, что в 1974 г. Северная Корея объявила дефолт, главным образом, японским, французским и английским банкам и компаниям¹⁰. В конечном итоге, из-за неплатежеспособности КНДР по «западным долгам» кредитование Северной Кореи было приостановлено, и в дальнейшем был запущен переговорный процесс по проблеме северокорейской задолженности¹¹.

Первыми европейскими (здесь и далее имеются в виду капиталистические страны) странами, заключившими дипломатические отношения с КНДР, становятся Мальта (декабрь 1971 г.), Швеция (апрель 1973 г.), Финляндия (июнь 1973 г.), Норвегия (июнь 1973 г.), Дания (июль 1973 г.), Исландия (июль 1973 г.), Швейцария (декабрь 1974 г.), Португалия (апрель 1975 г.)¹². За некоторыми исключениями, с Пхеньяном устанавливают отношения те европейские страны, где пришли к власти левые правительства (скажем, левое правительство Минтоффа, пришедшее к власти на Мальте в 1971 г., или правительство Улофа Пальме в Швеции и т. д.). В дальнейшем, впрочем, новые попытки установления дипломатических отношений со странами Европы будут предприняты лишь в начале XXI в.

Заключение. Подытоживая, заметим, что 1970-е гг. внешняя политика КНДР ознаменовалась попытками расширения Пхеньяном дипломатических и внешнеторговых связей в условиях интенсивного соревнования за дипломатическое признание между КНДР и РК. Основным полем соперничества между Пхеньяном и Сеулом стали развивающиеся страны незападного мира. В указанный период времени Пхеньяну удалось закрепить свои позиции в Азии и Африки, показателем чего стало, помимо всего прочего, его принятие в Дви-

жение неприсоединения. С другой стороны, неудачной, в силу ухудшившейся экономической конъюнктуры, для КНДР оказалась первая попытка установления связей со странами Западной Европы. Хотя Пхеньяну удалось установить дипломатические отношения и внешнеэкономические связи с рядом стран Западной Европы, позиции Сеула в данном регионе были на порядок сильнее.

Примечания

¹ Отчетный доклад Центрального комитета Трудовой партии Кореи V съезду партии. // Ким Ир Сен. Избранные произведения. Пхеньян, 1972.

² Там же. С. 550.

³ Там же. С. 560.

⁴ *Ткаченко В.П.* Корея и ее великий сосед // *Корейский полуостров: время новых вызовов.* М., 2009. С. 62.

⁵ См. напр.: *Ланьков А.Н.* Август, 1956 год: кризис в Северной Корее. М., 2009.

⁶ *North Korea Handbook.* Yonhap News Agency. Seoul, 2003. P. 950.

⁷ *Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф.* Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М., 2008. С. 274.

⁸ Там же. С. 275.

⁹ Кроме того, по разным оценкам, долг КНДР перед странами ЕЭС (по контрактам 1970-х гг.) составляет до 2,80 млрд долл. См.: *Yang Moon-Soo.* North Korea's External Debts: Trends and Characteristics. KDI Review of the North Korea Economy, March 2012. URL: http://www.koreafocus.or.kr/design2/layout/content_print.asp?group_id=104047 (дата обращения: 01.10.2017).

¹⁰ *Charles K. Armstrong.* Juche and North Korea's Global Aspirations. April, 2009. URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/NKIDP_WP_1.pdf (дата обращения: 01.10.2017).

¹¹ *Yang Moon-Soo.* Op. cit.

¹² *Daniel Wertz, JJ Oh and Kim Insung.* DPRK Diplomatic Relations. URL: https://www.ncnk.org/sites/default/files/issue-briefs/DPRK_Diplo_Relations_August2016.pdf (дата обращения: 01.10.2017).

*Матвеева Елена Фёдоровна,
аспирант Школы педагогики Дальневосточного
федерального университета*

СТАТУС УЧИТЕЛЯ В АЗИАТСКИХ СТРАНАХ-ЛИДЕРАХ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР ИЛИ ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ?

Аннотация. Затронута проблема повышения статуса учителя в России. Рассмотрен опыт лидирующих в мире образовательных систем Гонконга и Сингапура. Быть учителем в этих странах означает быть уважаемым членом общества и иметь более «защищённый» статус. Это обеспечивается сочетанием социокультурных факторов, таких, как традиционные ценности, и особенностей государственной политики. Показано, что как Гонконг, так и Китай имеют ряд общих черт в направлении политики по привлечению кандидатов на учительские должности и сохранению лучших педагогических кадров, включая строгий отбор соискателей на осуществление педагогической деятельности, выплату высокой заработной платы, продуманную работу над повышением статуса учительской профессии. Обращение к опыту данных стран может содействовать выработке грамотной, целенаправленной и последовательной национальной стратегии модернизации системы образования в России.

Ключевые слова: статус учителя в азиатских странах-лидерах, привлечение кандидатов на педагогические должности, продуманная работа над повышением статуса учительской профессии.

В настоящее время немало публикаций посвящено проблеме качества отечественного школьного образования, которое, к сожалению, не в полной мере отвечает социальному запросу общества и государства. Принимая во внимание неоспоримый факт того, что «качество системы образования не может быть выше качества работающих в ней учителей»¹, проблема профессионализма педагогических работников и уровень их подготовки выступает в данной ситуации ключевой. Исследование, проведённое в двух регионах России (Санкт-Петербург и Тюмень) и направленное на определение эффективности педагогического образования и готовности молодых педагогов к профессиональной деятельности, выявило «понижение уровня подготовки за последние несколько лет», что было отмечено большинством респондентов-работодателей. Они обращают внимание на «низкую профессиональную мотивацию, неумение строить взаимоотношения с другими участниками образовательного процесса, низкую предметную подготовку и недостаток общей культуры»².

Действительно, вопрос отбора и подготовки педагогических кадров в РФ остаётся острым. Как отмечают А.П. Тряпицына и В.П. Борисенков, в стране действует «двойной негативный отбор», когда в педагогические вузы поступают далеко не лучшие выпускники школ, а затем и учителями становятся опять-таки не лучшие, а самые посредственные выпускники вузов^{3,4}.

Так, выбор выпускников школ не в пользу учительской карьеры определяет тот факт, что данная профессия является не столь привлекательной. В.А. Мелехин, опираясь на результаты проведённой пилотажной диагностики профессионально-педагогической деятельности педагогов, объясняет причины сложившейся ситуации в усложнении педагогической деятельности: усложнении содержания учебных предметов, усложнении контингента учащихся: снижении познавательных интересов, творческой инициативы и активности в учёбе, трудолюбия и др. (71,3 % респондентов, принявших участие в исследовании, отметили снижение уважительности к педагогу), мер-

кантильно-прагматичной ориентации, возросшей грубости и агрессивности учащихся⁵.

Неудовлетворительное качество подготовки кадров, отсутствие мотивации вызвано в том числе низким социальным статусом педагога и непривлекательностью условий педагогического труда (заработная плата, отсутствие возможностей для карьерного роста и др.)³.

В настоящее время Министерство образования РФ предпринимает немало усилий по модернизации системы образования страны, направленных в том числе на повышение качества педагогического труда, определение требований к профессиональной деятельности педагога и оценку качества его работы.

Так, 1 января 2019 г. вступит в силу профстандарт «Педагог» (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)», в котором закреплены требования к деятельности педагогов и который призван способствовать решению проблемы диагностики профессионально-педагогической деятельности учителя. Находится в разработке национальная система учительского роста, реформируется модель аттестации учителей, ведётся работа по подготовке наборов единых федеральных оценочных материалов для оценки квалификации учителей в России.

Однако стремление решить проблему качества образования посредством нормативной базы, а именно разработкой и дальнейшей реализацией данных документов (отражающих достаточно высокие требования к педагогу в связи с изменениями политического, социально-экономического контекста в стране), едва ли сможет дать прогнозируемый положительный результат. На наш взгляд, данные меры должны сочетаться с целенаправленной политикой государства по повышению статуса педагога в обществе, формированию (а может, возрождению) ценностного отношения к профессии учителя посредством интериоризации ценностей путём поиска, оценки и выбора ценностей. При этом ценностное отношение как категорию педагогической аксиологии, которая имеет определённые механизмы формирования, мы считаем вслед за Е.В. Чалой основой и продуктом процесса ценностной ориентации⁶.

В этом отношении для России может быть полезен опыт стран АТР, в частности Сингапура и Гонконга (Китай), образовательные

системы которых (в том числе системы отбора и подготовки педагогических кадров) являются одними из лучших в мире^{7,8}. Как отмечает А.К. Кусаинов, в азиатских стран-призёрах «наблюдается отчетливая взаимосвязь между привлекательностью учительской профессии и тем статусом, который она имеет в обществе. Когда профессия учителя приобретает высокий статус, учителями становятся более талантливые люди, что приводит к дальнейшему повышению статуса этой профессии»⁹.

Автор также обращает внимание на тот факт, что престижность учительской профессии зависит не столько от высокой заработной платы или культуры, сколько от ряда простых и на первый взгляд незначительных, но очень важных решений в области образовательной политики: организации жёсткого процесса отбора кандидатов для профессионального обучения; продуманной работы над повышением статуса учительской профессии⁹.

В рамках образовательных систем Сингапура и Гонконга осуществляется жёсткий отбор кандидатов на учительские должности благодаря использованию эффективных стратегий и механизмов. Так, там нанимают учителей из 30 % лучших выпускников школ⁴. Более того, в Сингапуре существует очень строгая процедура отсева претендентов на получение учительской профессии, которая включает в себя 4 этапа: предварительный отбор (оценка резюме кандидата), функциональные тесты и оценка грамотности, интервью и контроль достижений будущих учителей во время их первичной подготовки в Национальном институте образования.

Как в Гонконге, так и Сингапуре существует альтернативный путь к учительской профессии: получение педагогического образования лицами, имеющими высшее образование в сфере предполагаемой специализации (обладающие степенью, не связанной с педагогикой). Причём в Сингапуре именно им отдаётся предпочтение при предварительном отборе заявителей¹⁰.

В Гонконге с 2005—2006 гг. учителям предъявляется требование к уровню их квалификации — наличие как минимум степени бакалавра. В то же время растёт количество учителей с постуниверситетской степенью. В Сингапуре также отмечается устойчивое увеличение количества педагогов, обладающих степенью магистра или доктора¹¹.

Немаловажным направлением в области подготовки педагогических кадров является менторство. Так, в Сингапуре претенденты на педагогические должности получают поддержку со стороны преподавателей института не только во время прохождения практики, но и будучи начинающими учителями. Если новичок испытывает трудности, приступив к работе в школе, ему оказывается усиленная помощь коллег, администрации школы, преподавателей института. Кроме того, ему помогает закреплённый за ним руководитель — вышестоящий сотрудник по наблюдению и отчётности (reporting officer) в планировании своей профессиональной деятельности и карьеры¹².

Оценка профессиональной деятельности педагогов в обеих странах осуществляется на основе рамочных документов, регламентирующих компетенции учителя и охватывающие все аспекты его профессионально-педагогической деятельности. В Гонконге таким документом является Teacher Competency Framework (был принят в 2003 г.), а в Сингапуре — Система управления повышением качества труда (Enhanced Performance Management System) (введена в 2005 г.). Они являются основой не только для проведения оценивания и контроля за профессиональным развитием педагога, но и для оказания ему помощи в своём совершенствовании и продвижению по карьерной лестнице¹².

В обеих образовательных системах наблюдается усиленное внимание к непрерывному развитию и повышению квалификации педагогов. Так, в Гонконге учителям рекомендуется проходить курсы повышения квалификации в объёме не менее 150 ч за трёхлетний период. В Сингапуре педагогам оплачивается ежегодное 100-часовое дополнительное образование или учебные курсы. Кроме того, каждый год учителя получают от государства 400—700 сингапурских долларов для своего профессионального развития^{10, 12}.

Высокий социальный статус педагога в Сингапуре и Гонконге выражается в почтительном отношении к учителю как носителю высокой нравственности и глубоких знаний. Профессия учителя является высокоуважаемым родом деятельности. Ценности в сфере образования сохраняют в себе черты конфуцианской морали (патернализм, уважение к профессии учителя), которая оказала влияние на различные аспекты общественной жизни общества. Учение Конфу-

ция, существующее уже более двух тысячелетий, ратует за человеколюбие и управление государством и народом с помощью добродетели, делает акцент на уважении ритуала и нравственно-этических норм, в основе которых лежат почтительность сына к отцу и уважение к старшим по возрасту. Ссылаясь на мнение отечественных исследователей (Я.И. Кузьминова, В.В. Радаева, А.А. Яковлева и Е.Г. Ясина), Т.Б. Алишев и А.Х. Гильмутдинов отмечают, что серьезное отношение сингапурцев к нравственным ценностям и отсутствие цинизма являются основой институциональных трансформаций в системе образования. Сингапурская гражданственность изначально основана на конфуцианских идеях патернализма, подчинения и прилежания (дисциплины). В отношении современных граждан страны к этим ценностям не проявляется цинизма, средства массовой информации распространяют истории достижения успеха при усердной и дисциплинированной учебе и работе, которые становятся примером для подражания¹⁰.

Однако было бы несправедливо не отметить стремление ценностей в сфере образования Сингапура и Гонконга к либерально-демократическим идеалам Запада (партнёрство, уважение личности ученика/ студента, личностно-ориентированный подход в обучении). Таким образом, как Сингапур, так и Гонконг характеризует органичная связь традиционной системы ценностей, в основе которой лежит конфуцианство, и англосаксонских традиций, обусловленных влиянием Великобритании на эти страны как своих колоний. Кроме того, обе страны всегда открыты новому и готовы вобрать в свою систему образования лучшие мировые практики, разумно сочетая их с национальной самобытностью. Так, например, в Сингапуре государство приветствует частые командировки педагогов не только внутри страны, но и за границу с целью изучения нового опыта, поддерживается преподавание в учебных заведениях учителей из других стран.

Однако уважение к педагогу сопровождается определёнными требованиями к нему, как профессиональными, так и нравственными. Предполагается, что учитель должен обладать рядом моральных качеств, проявляющихся не только в профессиональной деятельности, но и в своей жизни в социуме. Так, в 1994 г. в Гонконге Советом по профессиональной этике в сфере образования (a Council on

Professional Conduct in Education) был разработан Кодекс профессиональной этики педагога (a Code of Practice). Соблюдение этого кодекса, устанавливающего нравственные нормы и социальную ответственность педагога перед обществом, является обязательным для всех педагогов¹³.

В Сингапуре, несмотря на отсутствие подобного документа, также обращается большое внимание на нравственное и этическое поведение педагога. Этот аспект, учитываемый при оценке педагогических кадров, является столь же важным, как и достижение поставленных целей в преподавании.

Большое внимание в этих государствах уделяется увлечённости и преданности учителя своему делу. Однако на этом степень ответственности педагогического работника не ограничивается. Являясь членом не только профессионального сообщества, но и всего социума, он берёт на себя ответственность за изменение общественного сознания, организацию взаимодействия между школой и обществом, воспитание поколения, стремящегося к преобразованиям в условиях глобализации.

Престижу учительской профессии способствует достойная зарплата учителей — на уровне средней среди служащих, имеющих непедagogические профессии. Более того, в этих странах действует система стимулирования педагогических работников в виде выплаты денежных премий. В Сингапуре, кроме перечисленного выше, учителям предлагается объёмный социальный пакет, механизм выплаты услуг лет и др. При этом система стимулирования начинается ещё на этапе подготовки претендентов на учительские должности: например, студенты старших курсов Национального педагогического института в Сингапуре получают стипендию, приравненную к уровню заработной платы начинающих учителей.

Таким образом, сегодня быть учителем в азиатских странах-лидерах быть престижно и почётно. Это обусловлено не только социокультурными факторами, в частности, традиционными ценностями общества, но и политикой государства, направленной на сохранение высокого статуса профессии, которая выражается в стремлении привлечь и сохранять в учительской профессии лучших специалистов. Очевидно, что такой подход к решению проблемы образования в обеспечении компетентными, ответственными перед обществом пе-

дагогами способен содействовать достижению ещё более высоких результатов на мировой арене. Обращение к опыту Сингапура и Гонконга в поддержании высокого статуса учителя, корреляции педагогических ценностей с системой ценностей общества заслуживает, на наш взгляд, пристального внимания, что может способствовать решению проблемы модернизации российского образования.

Примечания

¹ Барбер М., Мушед М. Как добиться стабильно высокого качества обучения в школах. Уроки анализа лучших систем школьного образования мира // Вопросы образования. 2008. № 3. С. 7—60.

² Соколова И.И., Пискунова Е.В., Сергиенко А.Ю. Исследование готовности молодых педагогов к профессиональной деятельности в сфере стандартов и требований работодателя // Человек и образование. 2015. № 1. С. 11—15.

³ Тряпицына А.П. Современные тенденции развития качества педагогического образования // Академический вестник Института педагогического образования и образования взрослых РАО // Человек и образование. 2012. № 3(32). С. 4—10.

⁴ Борисенков В.П. Качество образования и проблемы подготовки педагогических кадров // Образование и наука. 2015. № 3 (122). С. 4—17.

⁵ Мелехин В.А. Механизмы разработки профессиональных стандартов педагогических работников // Человек и образование. 2013. № 3. С. 43—48.

⁶ Чалая Е.В. Место понятия «ценностное отношение» в системе аксиологических категорий // Профессиональное образование. 2016. № 2. С. 141—146.

⁷ Результаты международного исследования PIRLS-2011 // Центр оценки качества образования PIRLS-2011. Институт стратегии развития образования Российской академии образования. URL: <https://goo.gl/i7OTRS> (дата обращения: 21.05.2017).

⁸ TIMSS 2011 International Results in Mathematics and Science Study // TIMSS and PIRIS International Association for the Evaluation of School Education. Boston college, Flagship Press, North Andover, MA, 2012. URL: <https://goo.gl/JC6Lf> (дата обращения: 20.08.2017).

⁹ Кусаинов А.К. Роль учителя в повышении качества образования // Человек и образование. 2016. № 1. С. 10—14.

¹⁰ Алишев Т.Б., Гильмутдинов А.Х. Опыт Сингапура: создание образовательной системы мирового уровня // Вопросы образования. 2010.

¹¹ *Ingersoll, M. R.*, et al. A Comparative Study of Teacher Preparation and Qualifications in Six Nations. Consortium for Policy Research in Education. URL: <https://goo.gl/RsLNjn> (дата обращения: 16.08.2017).

¹² *Sclafani S.* Rethinking human capital in education: Singapore as a model for teaching development. Washington, D.C., the Aspen Institute Publ., 2008.

¹³ Council on Professional Conduct in Education. Code for the education profession in Hong Kong (Extracted edition). October, 1995. URL: http://cpc.edb.org.hk/en/code_01.htm (дата обращения: 21.02.2017).

Мозоль Татьяна Сергеевна,

PhD, доцент кафедры восточных языков

Московского государственного лингвистического университета

«МЯГКАЯ СИЛА» ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: УСПЕХИ И ЗАДАЧИ НА ПУТИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Культура и образование являются одними из наиболее эффективных инструментов «мягкой силы». Университеты, отвечающие за распространение знаний и навыков, стали приоритетным направлением реализации стратегии интернационализации во всем мире. Во многих странах мира ставятся задачи по развитию высшего образования и привлечению талантливых иностранных студентов.

С учетом дефицита в сфере образовательных услуг, сокращения количества школьников и старения населения южнокорейские университеты вынуждены привлекать способных иностранных студентов с целью повышения своей международной конкурентоспособности. Всевозможные усилия по привлечению иностранных студентов реализуются на уровне правительства Республики Корея.

В данном докладе предпринята попытка изучения нынешнего уровня интернационализации южнокорейских университетов, а также основных сложностей, с которыми сталкиваются университеты на пути интернационализации.

Ключевые слова: Республика Корея, «мягкая сила», высшее образование, интернационализация.

Интернационализация высшего образования приобретает все большую значимость, поскольку высшие учебные заведения занимают одно из центральных мест в современном обществе. Дж. Най, выделяя три основных источника «мягкой силы» страны в виде культуры, политических ценностей и внешней политики, отмечает, что культура и образование являются одними из наиболее эффективных инструментов мягкой силы. «Высшие учебные заведения помогают завоевывать позитивное отношение широкой общественности к политике своего государства и его руководству»¹.

В Республике Корея (РК) на государственном уровне осуществляется планомерная разработка стратегий «мягкой силы», в том числе в области интернационализации высшего образования. Вместе со стремлением к глобализации в 1990-х гг., а также с переходом к экономике знаний в начале нынешнего столетия интернационализация высшего образования стала одним из ведущих направлений национальной политики в РК.

Нельзя не отметить, что за прошедшие годы страна достигла заметных результатов в развитии системы высшего образования. Согласно исследованию *The Soft Power 30*, опубликованному в 2017 г. международной консалтинговой компанией Portland, РК занимает 21-е место в общем рейтинге самых влиятельных государств по критерию «мягкая сила», при этом по уровню привлекательности своей системы образования РК занимает 7-е место в мире². По оценкам аналитической группы Всемирного экономического форума, РК занимает 25-е место в мире по индексу «Высшее образование и профессиональная подготовка» по состоянию на 2017 г.³ Согласно *QS World University Ratings*, за 2017 г. 4 южнокорейских университета входят в первую сотню лучших университетов мира: Сеульский национальный университет (36-е место), Корейский институт науки и технологий (41-е место), Поханский университет науки и технологий (71-е место), университет Корё (90-е место)⁴.

Выделяя внешние факторы интернационализации высшего образования в РК, следует отметить вступление страны в ОЭСР в 1996 г. В связи с этим страна ощутила на себе давление соответствовать рекомендациям данной организации. Стремясь соответствовать уровню членов ОЭСР, правительство РК также старалось улучшать показатели в области образования: индекс *Science Citation Index*, ко-

личество курсов на английском языке, количество иностранных студентов стали важными критериями в оценке деятельности университетов, необходимыми для получения государственного финансирования. Подобная мотивация к интернационализации может рассматриваться как достаточно утилитарный подход, опирающийся на стремление улучшить национальный бренд и международный имидж, однако при этом в погоне за количественными показателями есть опасность упустить качественные.

Среди основных внутренних факторов интернационализации можно отметить демографические проблемы и проблему «утечки мозгов». После Второй мировой войны корейская система высшего образования стала быстро развиваться. Количество студентов высших учебных заведений выросло с 16 тыс. человек в 1945 г. до 3,5 млн человек в 2016 г.⁵, поставив РК в ряд стран с наибольшим процентом охвата высшим образованием. Увеличение количества студентов и финансирования высшего образования давало более широкий доступ к высшему образованию и в то же время усиливало озабоченность относительно его качества. Огромная конкуренция в области образования среди корейцев стала одним из основных факторов, приведших к «утечке мозгов» и отсутствию гарантированного трудоустройства даже при наличии хорошего образования. С 1990-х гг. в некоторых университетах начали возникать сложности с набором студентов как следствие уменьшения рождаемости. Стремление повысить национальную конкурентоспособность страны в области образования и желание смягчить обеспокоенность относительно качества корейского образования, а также демографические сложности подтолкнули РК к принятию политики интернационализации как ключевой политики реформирования образования.

Рассмотрим наиболее значимые стратегии в области развития человеческих ресурсов, представляющей собой один из основных элементов интернационализации высшего образования.

1) Study Korea Project

Огромное количество выезжающих студентов стало серьезной проблемой на национальном и институциональном уровнях в РК. Как видно из табл. 1, в РК никогда не было положительного сальдо в сфере образовательных услуг. Кроме того, корейские университеты испытывают сложности с набором студентов (табл. 2)⁶.

Таблица 1. Баланс в сфере образовательных услуг

Год	Доход от обучения внутри страны, млн долл.	Расходы на обучение за рубежом, млн долл.	Платежный баланс, млн долл.
2005	15,9	2493,8	-2477,9
2006	12,6	3380	-3368,3
2007	28	4515	-4487
2008	44,9	5015,3	-4980,4
2009	54,4	4484,5	-4430,1
2010	36,3	3999,2	-3962,9
2011	37,4	4488	-4450,6
2012	56,6	4,470.6	-4414
2013	104	4306,9	-4202,9
2014	123,9	3722,1	-3598,2
2015	122,6	3741,9	-3619,3
2016	122,7	3518,5	-3395,8

Таблица 2. Набор абитуриентов

	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Общее количество мест	820 777	838 582	783 600	779 359	758 950	744 259
Количество поступивших	819 779	715 638	739 258	706 052	690 029	669 369
Коэффициент набора	99,9 %	85,3 %	94,3 %	90,6 %	90,9 %	89,9 %

В качестве одного из способов решения данной проблемы в 2007 г. был предложен запуск программы Study Korea Project, ставящей своей главной целью привлечение в Корею иностранных студентов. Иностранным студентам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры стали предлагаться правительственные стипендии, начала проводиться активная пропаганда обучения в Республике Корея, что вместе с влиянием «корейской волны» в итоге принесло значи-

тельные результаты. С 2005 по 2017 г. количество иностранных студентов в РК увеличилось в 5,5 раз — с 22,5 тыс. студентов до 123,8 тыс.⁷

2) Обучение на английском языке

Ведение обучения на английском языке представляется одной из наиболее эффективных стратегий интернационализации. В Корее также наметилась тенденция перехода к обучению на английском языке. В рамках Study Korea Project правительство стало финансировать университеты, предлагающие учебные курсы на английском языке, что способствовало дальнейшему распространению обучения на английском. Основными мотивами университетов стали получение государственного финансирования, повышение международного рейтинга учебного заведения за счет повышения уровня интернационализации, возможность привлечь большее количество иностранных студентов в целях увеличения процента набора абитуриентов, а также в определенной степени уменьшить количество выезжающих за рубеж корейских студентов.

В период между 2005 и 2010 гг. количество курсов на английском языке удвоилось и даже утроилось в отдельных университетах. Так, по состоянию на 2010 г. от 20 до 40 % лекций университетов столичного региона ведутся на английском языке (40 % — университет Корё, 34 % — университет Кёнхи, 29 % — университет Ёнсе, 26 % — университет Соган, 20 % — университет Чунан, 15 % — Сеульский национальный университет), при этом в технических университетах большая часть лекций ведется на английском языке (Корейский институт науки и технологий — 89 %, Поханский университет науки и технологий — 85 %)⁸.

3) Интернационализация научной деятельности и проект Brain Korea 21 (BK21)

В связи с переходом к экономике знаний правительство РК поставило в число своих приоритетных задач улучшение условий для ведения научно-исследовательской деятельности и развитие кадров. В качестве одной из стратегий по выведению корейских университетов на уровень мировых был принят проект BK 21. В рамках данного проекта проводится финансирование институтов для привлечения квалифицированных исследователей, формирования условий для научной деятельности. Университеты, принятые на финансирова-

ние данным проектом, должны проводить систематические реформы в соответствии с международными стандартами, при этом 70—80 % бюджета ВК 21 выделяется в форме исследовательских грантов для талантливых аспирантов и исследователей.

Проект ВК 21 внес большой вклад в увеличение количества исследователей и исследований. Корейский индекс научного цитирования поднялся с 18-го места на 12-е, удвоилось количество исследователей и зарегистрированных патентов, почти в 6 раз увеличилось число публикаций в международных научных журналах⁹.

В настоящее время интернационализация высшего образования в Корее переходит в новую стадию. На данном этапе процесс интернационализации должен строиться не только на экономических и политических интересах, но и включать в себя и другие виды мотивации, такие, как академическая и социокультурная. Увеличение количества иностранных студентов в Корее вызывает увеличение присутствия иной культуры и ценностей, обуславливая необходимость формирования межкультурного понимания и принятия культурного многообразия.

Кроме того, быстрый количественный рост показателей интернационализации в РК вызывает вопросы относительно ее качества, поскольку нередко в ходе гонки за повышением рейтингов и показателей без внимания остается качество проводимых преобразований. Так, к примеру, в ходе масштабного перехода к преподаванию на английском языке, авторитарно проведенного руководством университетов, в ряде случаев снизилось качество преподавания вследствие недостаточного владения корейскими профессорами и корейскими студентами английским языком¹⁰. Для улучшения качества преподавания на английском языке корейским университетам целесообразно рассмотреть возможности повышения знаний английского языка среди корейских профессоров и студентов, а также расширить прием на работу иностранных англоязычных профессоров. Следует, однако, отметить, что, как правило, у иностранных преподавателей нет равных прав с корейскими профессорами. Иностранцев, как правило, не принимают в штат, а предлагают им срочные контракты, используя их как краткосрочное средство повышения рейтингов университета. Подобное положение иностранных преподавателей в корейских университетах представляет

собой серьезную проблему в политике и практике интернационализации высшего образования в РК.

Языковые проблемы существуют не только в плоскости преподавания. Иностранные студенты, обучающиеся в Корее, сталкиваются с недостатком информации на английском языке: важная информация на сайтах университетов зачастую размещается только на корейском языке и не дублируется полностью на английском, в международных отделах, отвечающих за координацию иностранных студентов, зачастую не хватает владеющих английским языком сотрудников и пр.¹¹

Несмотря на то, что в РК идет активный процесс интернационализации, ее академическая культура по-прежнему строится на патриархальных конфуцианских принципах и взаимоотношениях. Наличие подобной традиционной иерархии может становиться источником напряженности между корейскими профессорами и иностранными студентами. Непонимание и неготовность принятия культурных различий может спровоцировать нетерпимость к другой культуре. В связи с этим перед корейскими университетами стоит задача формирования более демократичной и толерантной среды, построенной на принципах взаимного уважения.

РК несомненно достигла значительных успехов в развитии своей системы высшего образования. Продуманное планомерное проведение политики интернационализации и преодоление имеющихся сложностей будут способствовать интеграции с мировым сообществом, а также повышению международного престижа южнокорейского высшего образования.

Примечания

¹ Nye J. Soft power and Higher Education. Harvard University. 2005. P. 14.

² The Soft Power 30. URL: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report-2017-Web-1.pdf> (дата обращения: 30.10.2017).

³ World Economic Forum. URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf> (дата обращения: 29.10.2017).

⁴ QS World University Rankings.

URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2018> (дата обращения: 20.10.2017).

⁵ Korean Higher Education Research Institute. KHEI Statistics. 2013. N 3. URL: <http://khei-khei.tistory.com/585> (дата обращения: 20.10.2017).

Ministry of Education & Korea Education Development Institute. 2016 Brief Statistics on Korean Education. Seoul: KEDI. 2016. P. 32.

⁶ Ministry of Education & Korea Education Development Institute. 2016. P. 38. The Bank of Korea, Economic Statistics System. URL: <https://ecos.bok.or.kr/> (дата обращения: 20.10.2017).

⁷ Министерство образования. План по привлечению иностранных студентов. URL: <http://www.moe.go.kr/boardCnts/view.do?boardID=294&boardSeq=59915&lev=0&searchType=null&statusYN=W&page=102&s=moe&m=0503&opType=N> (дата обращения: 21.10.2017). Financial News. URL: <http://www.fnnews.com/news/201710021113561279> (дата обращения: 20.10.2017).

⁸ *Kim E.G.* English Medium Instruction in Korean Higher Education: Challengers and Future Directions / Fenton-Smith B., Humphreys P., Walkinshaw I. (Eds.) English Medium Instruction in Higher Education in Asia Pacific. Springer. 2017. P. 56.

⁹ Korea Institute of S&T Evaluation and Planning. URL: http://www.kistep.re.kr/c3/sub2_5.jsp? (дата обращения: 19.10.2017).

¹⁰ *Kim E.G.* 2017. P. 58—59.

¹¹ *Wang E.M.* R. Internationalization of Korean Higher Education: Impacts and Implications. MA Thesis. Korea University. 2012. P. 43—44.

*Поленова Анна Львовна,
младший научный сотрудник
Центра корейских исследований ИДВ РАН*

СТРАТЕГИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ

Аннотация. Республика Корея является одним из самых развитых государств в вопросе развития и распространения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), что делает Интернет-повестку всё более актуальной для Сеула. В то же время южнокорейский Интернет известен довольно жёсткими правилами, регулирующими публикацию контента того или иного характера. Цензурный режим сформировался ещё до бума в развитии ИКТ на базе СМИ и радио- и телевещания под влиянием таких факторов, как образование двух независимых корейских государств, развитие южнокорейской демократии и т. д. Впоследствии действие уже существовавших правовых норм было распространено и на новую, стремительно развивающуюся интернет-среду. Дана попытка выяснить, какие возможности политической цензуры режим информационной безопасности, существующий в интернет-среде в настоящее время, «унаследовал» от контентного регулирования печатных СМИ и теле- и радиовещания.

Ключевые слова: Республика Корея, информационная безопасность, политическая цензура.

Республика Корея весьма активно развивает информационно-коммуникационные технологии. В этих условиях всё более значительными становятся специфические блоки проблем, связанных со всё большим распространением доступа к сети Интернет и её всё более активным использованием — эти проблемы разделяют, как правило, на информационно-технологические и информационно-психологические, т. е. устранение идеологических, политических, ценностных и прочих угроз в интернет-пространстве.

Республика Корея сформулировала для себя основной список угроз такого характера:

- нанесение вреда национальной безопасности;
- информация, вредящая юношеству;
- распространение материалов, порочащих индивида или группу лиц;
- изображение сексуального насилия;
- кибер-преследования;
- порнографические материалы¹.

Можно заметить, что список довольно разнородный — такой вид он принял в начале 2000-х гг., «вобрав» в себя угрозы, которые были актуальны в тот или иной период южнокорейской истории сначала для цензуры печатной прессы, затем теле- и радиовещания. То, что можно обозначить как политические угрозы, представлено здесь двумя пунктами из шести, и они являются наиболее «древними».

Прежде всего, это касается борьбы с распространением материалов просеверокорейской и коммунистической направленности, а также материалов, способных подорвать авторитет южнокорейской власти: их публикация может нанести ущерб Республике Корея, вызвать общественное беспокойство или принести пользу КНДР, что может быть рассмотрено как антигосударственная деятельность согласно Закону о национальной безопасности, принятому в 1948 г. и с некоторыми поправками сохранившему силу до сих пор². Он по-прежнему может быть применён для вынесения наказания за публикацию (в том числе в сети Интернет) любых материалов, которые могут прямо или косвенно угрожать национальным интересам Республики Корея или её общественному порядку и, соответственно, отвечать интересам КНДР. Закон используется в том числе для

обоснования ограничения доступа к целому ряду северокорейских интернет-ресурсов и сайтов, которые можно рассматривать как про-северокорейские — в их число входят также библиотеки и новостные порталы. Южнокорейские пользователи также не имеют права размещать, хранить и распространять информацию, которая может быть расценена как пособствующая КНДР. Под это определение могут попадать музыкальные произведения северокорейских коллективов; записи, где положительно или с сочувствием отзываются о КНДР и т. д.

Помимо Закона о национальной безопасности свобода высказываться в Интернете по политическим проблемам существенно ограничена и другими актами, не связанными напрямую со всемирной сетью. Речь идёт о правовых актах, регламентирующих ведение предвыборной агитации, принятых ещё до бума ИКТ.

Акт о президентских выборах от 1987 г. одним из своих положений ограничил политическую агитацию — её могли вести только кандидаты на тот или иной пост или же участники официальной избирательной кампании и только в течение одного месяца до выборов. В 1994 г. пришедший ему на смену Акт о выборах государственных служащих позволил и рядовым гражданам, не связанным с кандидатами на посты или политическими партиями, в течение месяца, отведённого на агитацию, также делать высказывания в поддержку или против кандидатов.

По мере того, как использование Интернета становилось делом всё более обыденным, кибер-пространство стало ещё одной средой борьбы с информационно-психологическими угрозами — и в 1990—2000-х гг. были предложены конкретные меры устранения информационно-психологических угроз. Так, в 1996 г. в составе Акта о телекоммуникациях было принято положение о борьбе с информационными угрозами в сети Интернет³. В соответствии с ним была создана сеть центров, обрабатывающих сообщения граждан об обнаружении вредоносного контента — в том числе и материалов, которые могли попасть под действие Закона о национальной безопасности и Акта о выборах государственных служащих. После поступления в центр такая заявка рассматривалась Комиссией по этике интернет-коммуникаций, которая затем в случае необходимости связывалась с системными операторами для удаления или корректирования контента.

При этом в связи с необходимостью оперативно обрабатывать большое количество заявок к работе Комиссии привлекались группы добровольцев⁴. Список полномочий Комиссии был расширен в 2001 г. Законом о фильтрации контента в сети Интернет — теперь она могла составлять «чёрный список» ресурсов, подлежащих блокированию провайдерами, а также принимать решения о бане пользователей интернет-форумов.

Тем не менее, недостаточно прозрачный механизм принятия решений и широкие полномочия вызывали недовольство населения, и в 2002 г. в Акт о телекоммуникациях были внесены поправки. Во-первых, пользователям предоставлялась возможность оспорить решение Комиссии. Во-вторых, был составлен список информационных угроз, на устранение которых направлена её деятельность⁵.

Случай проверить, насколько хорошо работает введённая система выявления правонарушений и цензурирования, представился в 2002—2004 гг., непосредственно до и сразу после президентских выборов: агитационная кампания в поддержку Но Мухёна активно разворачивалась в том числе в интернет-пространстве. Национальная комиссия по выборам впоследствии сообщила, что в связи с её проведением было направлено больше 11 000 запросов на удаление информации и 47 просьб о начале расследования⁶. Форумы и дискуссионные площадки цензурировались в соответствии с запретом на «преждевременную агитацию». В целях повышения эффективности за три месяца до выборов был сделан дополнительный набор цензоров численностью в 1000 человек, которые должны были искать в сети материалы, ставящие под сомнение свободу выборов (а именно, материалы, которые могли повлиять на их исход, т. е. в поддержку или против кого-либо из кандидатов). В случае обнаружения потенциально вредной информации цензор связывался с администрацией сайта или хостинговым сервисом, чтобы проинформировать их о необходимости удаления или редактирования контента. При этом в каждом конкретном случае граница между реализацией права на свободу слова и незаконной агитацией определялась непосредственно цензорами. Дальнейшие поправки к Акту о выборах государственных служащих от 2004 г. создали ситуацию относительной свободы для партий и кандидатов от них — на их официальных сайтах до-

пускалась публикация материалов, которые могли бы повлиять на исход выборов, в то время как на высказывания по политическим вопросам со стороны рядовых граждан налагались весьма значительные ограничения: по решению цензора могло быть назначено наказание вплоть до двух лет тюремного заключения⁷. Поправки 2005 г. только усугубили ситуацию, сделав невозможными анонимные или псевдонимные высказывания на политические темы, обязав пользователей указывать реальные имена при регистрации на интернет-порталах.

В то же время власти обратили внимание на потенциальный вред вирусного распространения порочащей информации. Предложенное решение проблемы состояло из двух частей: 1) удаление порочащей информации и 2) получение возможности установить личности участников интернет-травли. Что это значило? Во-первых, администрациям сайтов и хостинговым сервисам предписывалось в течение 30 дней с момента вынесения постановления Комиссии по стандартам коммуникации удалять или временно закрывать доступ к информации, на которую поступила жалоба. Во-вторых, вводилось правило обязательной регистрации пользователей под реальными именами в случае использования веб-ресурсов с ежедневным числом посетителей более 100 000 человек. Таким образом, анонимность и псевдонимность высказываний на крупных интернет-порталах стали полностью невозможными. С другой стороны, данные меры, ставящие под контроль появление новостных публикаций или аналитических материалов в сети Интернет, а также во многом деанонимизирующие пользовательскую активность, можно рассматривать и как реакцию на осознание мобилизующей силы всемирной сети и лёгкости распространения информации и идей. Можно предположить также, что введение этих мер стало попыткой не допустить возможности самоорганизации народных акций посредством сети Интернет. Аргументом в пользу данной точки зрения может быть опыт, имевшийся у администрации президента Ли Мёнбака — а именно демонстрации 2008 г., связанные с решением властей о начале импорта говядины американского производства (основной причиной волнений стал ряд алармистских публикаций, указывавших на риск заражения коровьим бешенством).

В настоящий момент проверку интернет-пространства Республики Корея на наличие незаконных или же вредных материалов осуществляют два ведомства, учреждённых в 2008 г.: Комиссия по коммуникациям (обладает законотворческими и исполнительными функциями, прежде принадлежавшими к зоне ответственности Министерства информации и Комиссии по телерадиовещанию) и Комиссия по стандартам коммуникации (занимается проверкой и цензурированием контента — прежде функции Комиссии по телерадиовещанию и Комиссии по безопасности Интернета). Введена и действует по настоящее время система регистрации с использованием полных настоящих имён и номеров идентификационных карт, распространяющаяся на сайты с посещаемостью свыше 100 000 человек в сутки. Свобода высказываний в отношении кандидатов на те или иные значимые государственные посты по-прежнему регулируется Актом о выборах государственных служащих: запрещено проводить действия по предвыборной агитации в любое время, кроме дозволенного законом периода в течение месяца до выборов. Важно отметить, что до сих пор не обозначено точное определение действий по предвыборной агитации — таким образом, любое высказывание в поддержку (или, напротив, содержащее критику) того или иного кандидата во время, не предназначенное для ведения предвыборной кампании, может повлечь за собой наказание — вплоть до одного года тюремного заключения. При этом даже в течение периода, предполагающего ведение агитационной работы, на высказывания в отношении политических сил накладываются ограничения: запрет наложен на высказывания нормального характера с упоминанием партии или же кандидата лично; на любые материалы, которые могут привлечь или оттолкнуть избирателей от партии либо кандидата; на агитацию от имени общественной организации, не имеющей политической направленности. Иными словами, обсуждение деятельности политических сил в южнокорейском Интернете существенно ограничено. Правонарушения выявляет Совещательный комитет по освещению выборов в сети Интернет, уполномоченный также взывать штрафы с нарушителей и принуждать к редактированию или удалению недопустимой информации.

В целом можно заметить, что на настоящий момент фокус стратегии по борьбе с информационно-психологическими угрозами

смещён в сторону высказываний на политические темы. Борьба с распространением просеверокорейских материалов некоторое время занимала первое место в повестке дня, однако сейчас она продолжается как бы «фоном», становясь более или менее актуальной в зависимости от текущего состояния межкорейских отношений. В то же время, поскольку информационно-психологическая безопасность является в том числе состоянием защищённости от угроз политического и идеологического характера, особую роль начинает играть сохранение справедливости и прозрачности демократических процессов, в том числе в вопросах передачи власти. Таким образом, секьюритизируется механизм агитации за ту или иную политическую силу — в том числе и на просторах Интернета.

К списку актуальных угроз принадлежит также распространение порочащих сведений и клеветы. Применительно к проблеме свободы высказываний на политические темы в сети Интернет это может делать незаконными любые варианты интернет-разоблачений, деятельность анонимных информаторов, публикацию материалов, критикующих или же поддерживающих деятельность той или иной партии или кандидата на должность.

Так или иначе, у сложившейся стратегии есть определённые недочёты. Не касаясь недостатков, характерных для неё в целом, остановимся на тех, которые могут напрямую отразиться на реализации свободы слова при высказывании мнения на политические темы:

- регистрация под реальным именем на крупных и средних интернет-ресурсах вкупе с неопределённостью определений в правовых актах дают возможности для заведения «политических» дел в ходе борьбы властной верхушки со своими оппонентами;
- группы интернет-ревизоров и интернет-цензоров, часто добровольцев, в частном порядке устанавливающих правомерность публикаций во Всемирной сети, заставляют усомниться в объективности принимаемых решений;
- запрет, связанный с распространением информации о КНДР, ведёт к слабой информированности населения о процессах, происходящих в Северной Корее; очевидный ущерб наносится части южнокорейского академического и аналитического сообщества, занятой в сфере северокорейских исследований;

- неэффективность режима безопасности, который фактически сводится к принятию отдельного решения по каждому конкретному случаю; скорость обработки запросов в существующей ситуации определяется числом участников групп цензоров — таким образом, рассматривается лишь малая часть контента, который может представлять угрозу;
- осознанное устранение части пользователей от политических обсуждений в сети Интернет под давлением возможных рестриктивных мер.

При всём этом можно предположить, что современная стратегия по устранению информационно-психологических угроз реализуется не в полном объёме. Комбинация двух её ключевых элементов — идентификация пользователей и возможность широко трактовать положения нормативно-правовых актов — имеет шанс значительно подавить гражданскую активность южнокорейского общества. Тем не менее, этого не происходит — напротив, похоже, что некоторые правовые акты существуют скорее «про запас», на случай кризисной ситуации, в которой потребуются оперативное удаление и цензурирование контента того или иного рода с использованием самых широких трактовок положений закона.

В то же время эта стратегия учитывает интересы пользователей, поддерживая комфортные условия пользования Интернетом, создаёт нормативно-правовую базу для применения широкого спектра мер ограничительного характера и при этом держит в фокусе своего внимания большой перечень угроз как глобального характера, так и специфичных для региона и государства.

Примечания

¹ Акт о телекоммуникациях, ред. от 2002 г. // Информационный центр национального законодательства Министерства внутренних дел и законодательства Республики Корея.

² Акт о национальной безопасности // Информационный центр национального законодательства Министерства внутренних дел и законодательства Республики Корея.

---

³ *Peng Hwa Ang*. How Countries Are Regulating Internet Content // Internet Society. URL: http://www.isoc.org/inet97/proceedings/B1/B1_3.HTM

⁴ *West J*. A critical discourse on Korean Law and Economy. Hangeul, 2002. P. 31.

⁵ Акт о телекоммуникациях, ред. от 2002 г. ...

⁶ *Fish E*. Internet Censorship Compatible with Democracy? Legal Restrictions of Online Speech in South Korea // *Asia-Pacific Journal on Human Rights and Law*. 2009. No 2. P. 80.

⁷ Акт о выборах государственных служащих, п. 252 // Информационный центр национального законодательства Министерства внутренних дел и законодательства Республики Корея.

СПИСОК АВТОРОВ

Балданова Раджана Александровна, аспирант ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: radzhana1603@mail.ru

Вода Кристина Рудольфовна, кандидат политических наук, младший научный сотрудник ИМЭМО РАН.

E-mail: vodakris@gmail.com

Добринская Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Дипломатической академии МИД России, научный сотрудник ИВ РАН.

E-mail: doa_78@mail.ru

Дондокова Максара Юрьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель Бурятского государственного университета.

E-mail: Maksara508@mail.ru

Дьячков Илья Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО(У) МИД России.

E-mail: dyachkov@naver.com

Заклязьминская Екатерина Олеговна, аспирант Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН.

E-mail: Ekaterina.zakl@gmail.com

Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН.

E-mail: ludmila_hph@rambler.ru

Значкова Анна Павловна, аспирант Центра корейских исследований ИДВ РАН.

E-mail: ann10035504@yandex.ru

Зуева Александра Георгиевна, аспирант Центра корейских исследований ИДВ РАН.

E-mail: fedorovalex87@gmail.com

Игнатов Александр Александрович, младший научный сотрудник Центра исследований международных институтов (ЦИМИ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

E-mail: ignatov-aa@ranepa.ru

Карячкин Ярослав Игоревич, студент 1-го курса магистратуры МГИМО(У) МИД России по направлению «Зарубежное регионоведение».

E-mail: karyachkin.ya.i@my.mgimo.ru

Киреева Анна Андреевна, кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России.

E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

Кулинцев Юрий Викторович, аспирант Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС ИДВ РАН.

E-mail: kulintsv.y@ifes-ras.ru

Куприянов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИМЭМО РАН.

E-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

Лешакова Наталья Павловна, аспирант кафедры экономики и экономической географии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: Shiningn@yandex.ru

Лобов Роман Николаевич, аспирант Центра корейских исследований ИДВ РАН.

E-mail: romanlob@hotmail.com

Логиновский Егор Леонидович, студент 1-го курса магистратуры факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

E-mail: elloginovskiy@edu.hse.ru

Малашевская Мария Николаевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки СПбГУ.

E-mail: m.malashhevskaya@spbu.ru

Матвеева Елена Фёдоровна, аспирант Школы педагогики Дальневосточного федерального университета.

E-mail: Matveeva_ef@mail.ru

Михайлова Екатерина Владимировна, научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства МГУ им. М.В. Ломоносова, лаборант-исследователь ИДВ РАН.

E-mail: mikhaylovaev@yandex.ru

Мозоль Татьяна Сергеевна, PhD, доцент кафедры восточных языков МГЛУ.

E-mail: yoondanhee@gmail.com

Мокрецкий Александр Чеславович, старший научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

E-mail: 88am@mail.ru

Нелидов Владимир Владимирович, аспирант и преподаватель кафедры востоковедения МГИМО МИД России, научный сотрудник Центра японских исследований ИВ РАН.

E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Оу Кайфэй, аспирант Китайского института пограничных и морских исследований Уханьского университета (КНР).

E-mail: ou.kaifei@yandex.com

Петелин Евгений Николаевич, ведущий эксперт Центра изучения энергетической политики Института энергетики НИУ ВШЭ.

E-mail: eu.petelin@gmail.com

Поленова Анна Львовна, младший научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН.

E-mail: polenova.a.l@my.mgimo.ru

Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН.

E-mail: sazonovch@mail.ru

Семенов Алексей Александрович, младший научный сотрудник ИДВ РАН.

E-mail: alexeisemenoff@mail.ru

Синякова Анна Филимоновна, кандидат экономических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО(У) МИД России.

E-mail: annasinyakova@yandex.ru

У Цзы, аспирантка Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН.

E-mail: wendywu828@yandex.ru.

Цвык Анатолий Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений ФГСН РУДН.

E-mail: tsvyk_av@rudn.university

Шарафетдинова Алина Исмаиловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИВ РАН.

E-mail: alin5sep@hotmail.com

Яковкин Евгений Васильевич, преподаватель общественных дисциплин, Колледж олимпийского резерва Пермского края.

E-mail: yakowkin.evgenij@yandex.ru

AUTHOR'S TEAM

Baldanova Radzhana, PhD student, Lomonosov Moscow State University.
E-mail: radzhana1603@mail.ru

Dobrinskaya Olga, PhD, Senior Lecturer, Diplomatic Academy, MOFA of Russia.
E-mail: doa_78@mail.ru

Dondokova Maksara, Senior Lecturer, Buryat State University.
E-mail: Maksara508@mail.ru

Dyachkov Ilya, Associate Professor, MGIMO University.
E-mail: dyachkov@naver.com

Ignatov Alexander, Research Fellow, Center for international institutions research (CIIR), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa).
E-mail: ignatov-aa@ranepa.ru

Karyachkin Yaroslav, MA student, MGIMO University.
E-mail: karyachkin.ya.i@my.mgimo.ru

Kireeva Anna, PhD, Associate Professor, MGIMO University.
E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

Kulintsev Yury, PhD student, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.
E-mail: kulintsv.y@ifes-ras.ru

Kupriianov Aleksei, PhD, Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.
E-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

Leshakova Natalia, PhD student, Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University.
Email: Shiningn@yandex.ru

Lobov Roman, PhD student, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.

E-mail: romanlob@hotmail.com

Loginovsky Egor, MA student, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics.

E-mail: elloginovskiy@edu.hse.ru

Malashevskaja Maria, PhD, Senior Lecturer, Department of social development of Asian and African countries, Saint-Petersburg State University.

Email: m.malashevskaya@spbu.ru

Matveeva Elena, PhD student, Far Eastern Federal University.

E-mail: Matveeva_ef@mail.ru

Mikhailova Ekaterina, Research Fellow, Lomonosov Moscow State University; Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.

E-mail: mikhaylovaev@yandex.ru

Mokretskii Aleksandr, Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.

E-mail: 88am@mail.ru

Mozol Tatiana, PhD, Associate Professor, Department of Oriental Languages, Moscow State Linguistic University.

E-mail: yoondanhee@gmail.com

Nelidov Vladimir, Lecturer, MGIMO University.

E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Ou Kaifei, PhD student, Institute of Boundary and Ocean Studies, Wuhan University, PRC.

E-mail: ou.kaifei@yandex.com

Petelin Eugeni, Leading Expert, Center for Energy Policy Studies, Energy Institute, National Research University Higher School of Economics.

E-mail: eu.petelin@gmail.com

Polenova Anna, Researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.

E-mail: polenova.a.l@my.mgimo.ru

Sazonov Sergey, PhD, Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.

E-mail: sazonoich@mail.ru

Semenov Alexey, Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.

E-mail: alexeisemenoff@mail.ru

Sharafetdinova Alina, PhD, Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

E-mail: alin5sep@hotmail.com

Sinyakova Anna, Associate Professor, MGIMO University.

E-mail: annasinyakova@yandex.ru

Tsvyk Anatoly, PhD, Senior Lecturer, Peoples' Friendship University of Russia.

E-mail: tsvyk_av@rudn.university

Voda Kristina, Research Fellow, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

E-mail: vodakris@gmail.com

Wu Zi (PRC), PhD student, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.

E-mail: wendywu828@yandex.ru.

Yakovkin Evgeniy, Lecturer, College of Olympic Reserve of Perm region.

E-mail: yakowkin.evgenij@yandex.ru

Zakharova Liudmila, Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.

E-mail: ludmila_hph@rambler.ru

Zakliazminskaia Ekaterina, PhD student, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Science.

E-mail: Ekaterina.zakl@gmail.com

Znachkova Anna, PhD student, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.

E-mail: ann10035504@yandex.ru

Zueva Alexandra, PhD student, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.

E-mail: fedorovalex87@gmail.com

ABSTRACTS

The proceedings of the V International Scientific Conference of Young Orientalists, which was held at the Institute of Far Eastern Studies in November 2017, include papers on different aspects of development of East Asian countries and cooperation among them in the situation of changing world order. Part of the presentations cover current issues of political and economic development of Russia, China, Japan, South and North Korea. Special attention is paid to the foreign policies of the key regional powers as well as the potential of international economic cooperation influenced by current trends in national and global development. Some issues of historical, cultural and social heritage of Russia's Far Eastern neighbors are also explored.

Keywords: East Asia, Russia, China, Korea, Japan, security, cooperation.

Politics

Mokretskii Aleksandr (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)

About International Influence of the Chinese Security Concept

Important aspect in Chinese version of globalization belongs to national security concept. China is interested in state sovereignty, territorial integrity and core interests of development. To implement these goals the State Security Committee was established (in 2014), and the National Security Concept was adopted (July 1, 2015). The author analyzes internal (domestic) and external (international) factors, which form China's security concept, and its international meaning for the whole world.

Keywords: China, security and development, national security concept, China's security concept.

Tsyvk Anatoly (Peoples' Friendship University of Russia)

On the China's Concepts of Foreign Policy at the Beginning of the 21st Century

The article is devoted to the analysis of the conceptual basis and theories of China's foreign policy at the beginning of the 21st century. Various theories such as China's "Going-out" strategy, the Hu Jintao's theory of harmonious world, the theory of global responsibility, the China's peaceful rise/development and the theory of community of common destiny are under consideration.

The author comes to the conclusion that the community of a common future for mankind proposed by the President of the PRC Xi Jinping is to be an important step in the process of "reforming" of the system of global governance. This fact confirms China's increasing ambitions on the global level.

Keywords: China, foreign policy, community of common destiny.

Semenov Alexey (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)

Transformation of China's Foreign Policy

After Xi Jinping came to power, the Chinese leadership began discussing the need to transform the country's foreign policy. The new Chinese diplomacy begins to go far beyond the limits of traditional "tao guang yang hui" strategy (literally translated as "hide brightness, nourish obscurity", i.e. hiding one's abilities and to biding one's time). The principle of the new strategy is "fen fa you wei" (i.e. exerting yourself, striving for achievements). Beijing begins to use the whole range of diplomatic methods to implement the goals of foreign policy: from economic diplomacy to soft power. China's strategic goals are no longer limited to the economy. The ultimate goal of Chinese leaders is to bring China to the same level as the world powers that establish the rules of the game. President Xi's foreign policy agenda can be characterized as the attempt to rewrite the current geopolitical landscape, and the development of the Shanghai Cooperation Organization and the "One Belt One Road" initiative is example of such kind of ambitions.

Keywords: China, Xi Jinping, foreign policy, Silk Road Economic Belt, Shanghai Cooperation Organization.

Kylintsev Yuri (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)

Prospects of Russian-Chinese Cooperation in Asia-Pacific Region in Terms of National Interests

The article poses the brief introduction of Russian and Chinese national interests in the Asia-Pacific region in the modern era. Based on the analysis of Mos-

cow's and Beijing's geopolitical actions, the author makes an attempt to emphasize the available directions of regional cooperation for two countries on political level. A special focus is given to forecast the development of international situation in Asia-Pacific region with regard to the possible rivalry of great powers for a global leadership.

Keywords: China, Russia, national interests, Asia-Pacific region, international relations.

Baldanova Radzhana (Moscow State University)

Main Trends in China's Modern Migration Policy

This article is devoted to the main tendencies of the modern immigration policy of China — the transformation of China in the global migration order, the fight against illegal migration, the policy towards overseas Chinese, the involvement of international specialists, the attitude to refugees, the problems of migration legislation are considered in the article.

Keywords: the immigration policy of the PRC, illegal migration, foreign Chinese, high-quality specialists in China, refugees in China, migration legislation in China.

Ignatov Alexander (Center for international institutions research (CIIR) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

China, South Korea and Japan in G20: Agenda and Priorities

Nowadays the G20 is acknowledged as one of the leading negotiation platforms combined by the top-20 global economies. Due to some structural aspects, lack of permanent Secretariat in particular, the agenda of annual summits of the leaders and ministers is mostly shaped by the chair country. The leading countries of the North-East Asia — China, South Korea and Japan are the members of G20. South Korea and China held summits of the group in 2010 and 2016; Japan is expected to take the chair country position in 2019. Analysis of the previous summits' agenda and Japan's projected growth allow forecasting the list of the most probable priorities of the forthcoming Japan's chairmanship.

The article is devoted to analysis of the results of South Korea and China's chair period in G20 and forecast of the most probable priorities of Japan as a chair country.

Keywords: G20, South Korea, China, Japan.

Dyachkov Ilya (MGIMO University)

Korean Peninsula Nuclear Problem in 2017: Politics and Technology

2017 saw a sharp rise in tensions between DPRK and the US over nuclear and missile security. Exchanged threats as well as the overall tone of interaction between Pyongyang and Washington are very concerning. Although the conflict became very high-profile, the real progress North Korea has made with nuclear and missile development is rarely examined. Moreover, uncertainty is an important tool for both American and North Korean politicians.

Current events plainly show that the situation is dangerous and abnormal. The region's countries are a hostage in the game of chicken Washington and Pyongyang are playing. That is why implementing the plan set forth in the Russo-Chinese joint statement of July 4, 2017 is an extremely urgent task. Another pressing matter is building a regional peace and security system in accordance with Six Party Talks' resolutions. This would allow the concerned parties manage national and common security, start talks without prior dangerous 'tests of willpower', and secure multi-lateral guarantees for negotiated solutions.

Keywords: security, North Korea, United States, nuclear nonproliferation, Korean Peninsula nuclear problem, Six-Party Talks.

Kupriianov Aleksei (Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences)

India—North Korea Relations at the Present Stage

Indian–North Korean ties developed very successfully under the Manmohan Singh government. The DPRK supported India's claims in international organizations, India, in turn, trained North Korean nuclear physicists, military, IT and English specialists. India came in third place among the DPRK's trading partners. Having come to power in 2014, Narendra Modi first continued this course, but in the spring of 2017 surprisingly announced the severance of trade ties and the reduction of diplomatic contacts with the DPRK.

This report represents an attempt to analyze the reasons that prompted Modi to take this step, and outline possible contours of further Indian policies on the Korean peninsula.

Keywords: North Korea, India, Modi, sanctions, trade, USA, DPRK.

Loginovsky Egor (Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics)

Tehran's Relations with Two Koreas

During recent years, the scrutiny of issues concerning Iran's relations with North Korea and South Korea had risen significantly. The level of Iran's relations

with the two is constantly growing, although North and South had got the most valuable achievements in different fields of their relations with the former. DPRK and Iran regard themselves as outstanding political partners on the mutual basis. South Korea's most profound gains in Iran track down to the field of economy. The events that have taken place during the last ten years prove Iran's leading role in Iran-South Korea relations.

One hardly may designate Iran's stance towards Korean peninsula issues as the active one because the official statements are by no means ample and candid. Additionally, there are no Iranian official pronouncements dealing with the nuclear issue in Korea. As a rule, Iran's research institutes never provide commentaries for Korea-related statements by the state leadership. There are only a few attempts to elaborate on such a topic among Iranian scholars, and these works indeed give Tehran a helping hand in analyzing the events in Korea and thus performing the actual tasks outlined by the Iranian leadership.

Keywords: Iran, DPRK, ROK, bilateral relations, Korean studies.

Znachkova Anna (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)

Military-technical cooperation of the Republic of Korea with the countries of Southeast Asia.

The development of technology, its testing and implementation is quite expensive, even for such a developed country as the Republic of Korea. For this reason, Koreans invite foreign partners to cooperate for the most expensive projects and sell licenses for the domestic arms and technologies that had already proven its effectiveness and known in the world.

This article describes the cooperation of the Republic of Korea with the Southeast Asian countries in the development, production and arms trade through the example of combined contracts for the development and supply of weapon systems and military equipment as well as the impact of such cooperation on Korean defense industry's development. The author believes that consideration of the MTC of the ROK with the Southeast Asian countries may be interesting in the context of opening up new markets for military products and strengthening partnership in the arms market. South Korea and the countries of Southeast Asia are consolidated in some aspects of the production, purchase and sale of arms and military equipment, which in turn can serve as a motive for uniting efforts in achieving the goal of changing the stable status of the importing country of arms and military equipment to a new exporting country.

Keywords: South Korea, Southeast Asian countries, weapons and military equipment, defense industry.

Kireeva Anna (MGIMO University)

Russia's and Japan's Interests in Improving Bilateral Relations and Limitations of Russian-Japanese Rapprochement

The paper aims to assess the current stage of Russian-Japanese rapprochement since May 2016. It analyzes Russia's and Japan's interests in improving bilateral relations in politics, security and economics. The paper examines the limitations of rapprochement in terms of both countries. It touches upon political and security cooperation, peace treaty and territorial dispute issues, economic interaction, joint economic activity on the Kuril Islands, public opinion and others.

Keywords: Russia, Japan, Russia-Japan relations, Shinzo Abe, East Asia, Russia's Far East.

Dobrinskaya Olga (Diplomatic Academy; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

Key Directions of the Evolution of the Japan-U.S. Security Alliance

Japan-U.S. alliance is a solid structure which has for more than 60 years played a key role in ensuring Japan's defense and regional stability. During all those years the alliance has been going through considerable transformations, especially evident after the end of the cold war. Its geographical scope is expanding and its role as a core of multilateral security cooperation in the region is increasing. The alliance not only covers a wide spectrum of issues of Japan's security but also connects the two countries' relationship as a structure based on shared fundamental values.

Keywords: Japan-U.S.alliance, security, defense, regional stability, East Asia.

Voda Kristina (Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences)

Think-tank Networks in Asia

In the beginning of the XXI century, think tank networks have spread in Asia. Most of these networks were created in support of regional frameworks such as APEC, ASEAN Plus Three, ARF, etc. Asian think tank networks depend on a number of "core institutions" that regularly host events and ensure continuity of the agenda.

The report analyzes recent trends in the development of think tanks with drawing conclusions on the potential of Russia's influence on ideological and political processes in the Asia-Pacific region.

Keywords: think tanks, Asia-Pacific region, APEC.

Malashevskaja Maria (Department of social development of Asian and African countries, Saint-Petersburg State University)

Japanese-Mongolian Economic and Security Interaction in “Big Eurasia” Journal in the 2000—2010s

The paper examines engagements between Japan and Mongolia in two decades of the 21st century in the field of economic and security cooperation. Economic cooperation started from the ODA, one-way trade and sectoral industrial engagements at the beginning of the millennium has raised to the Strategic partnership and EPA agreements at the beginning of second decade of 21st century. Security and military cooperation has been developed from the middle 2000 and to the 2017 two countries involved in joint military exercises, triangular ties with USA against North Korean nuclear threat. This paper observes essential features and meaning of the mentioned cooperation fields between Japan and Mongolia taking into account Eurasian factor and forming of a new megaregional space for bilateral and multilateral interaction of these countries.

Keywords: Japan-Mongolia relations, DPRK, triangular ties, EPA, Eurasia, US-Japan Security Alliance.

Economics

Zakliazminskaja Ekaterina (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Science)

Current Issues on China Tourism Statistics

The article analyzes the current issues on Chinese tourism statistics, its comparability with international standards, specifics of the accounting of the compatriots from Hong Kong, Macao and Taiwan, features of the accounting of visitors (tourists and excursionists), the problems of the methodology for calculating tourism expenditures, the problems of «double-counting» and the measures taken by China National Tourism Administration to improve tourism statistics on the current stage.

Keywords: tourism, China, tourism statistics, domestic tourism, national tourism, tourism economics.

Petelin Eugeni (Center for Energy Policy Studies, Energy Institute, National Research University — Higher School of Economics)

China's Natural Gas Consumption Development and Opportunities for Russian Companies

China's economic growth slowdown and structural changes in industry are having significant impact on its energy consumption growth rate decrease. How-

ever, natural gas occupies only 6 % in China's energy consumption mix, which is why it has a potential to replace other sources of energy (such as coal) and grow much faster than energy consumption in general. By 2020 China is planning to consume 360 bcma of natural gas, by 2030 — around 550–600 bcma. As far as internal gas production potential is limited, import dependence will grow significantly.

As a result, after 2020 the country will have a demand for uncontracted volumes of LNG (10 mln tones per year will be imported as spot deliveries). Besides, there will be a deficit up to 10 mln tones per year by 2025 and 30 mln tones per year by 2030. The spot as well as contracted LNG import can be covered by LNG projects of Russian companies.

Keywords: China, energy, natural gas consumption, LNG.

Mikhailova Ekaterina (Lomonosov Moscow State University; Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)

Endogenous and Exogenous Challenges of Cross-Border Cooperation on the Sino-Russian Border: the Case of Blagoveshchensk and Heihe*

* The publication was carried out with the financial support of the Council for Grants of the President of the Russian Federation for the state support of young Russian scientists (project No. MK-2007.2017.6).

The article introduces a typology of cross-border cooperation challenges: by origin they are divided into endogenous (caused by internal factors) and exogenous ones (caused by external environment). Based on fieldwork carried out in 2013 and 2017 and literature review (both academic and newspaper articles were used), the author names key cross-border cooperation challenges for Blagoveshchensk and Heihe — two adjacent settlements on the Sino-Russian border. Chief endogenous challenges include 1) limited authority of cross-border cooperation partners; 2) unbalanced distribution of cooperation benefits and 3) inadequate infrastructure (poor quality of cross-border infrastructure and its insufficient capacity). The most significant exogenous problem is lack of investments.

Keywords: cross-border cooperation, Sino-Russian border, Blagoveshchensk, Heihe.

Dondokova Maksara (Buryat State University)

The “Road of Grassland” and its Tourist Importance for the Baikal Region

“The Road of Grassland” which was proposed by Mongolia and supported by China has very good prospects for the Baikal region. The article researches the main questions of tourism development in the Baikal region, in particular in

Buryat Republic, including all its advantages and actual problems. After considering the situation from different angles, the author concludes that “the Road of Grassland” provides particular opportunities for tourism development in the Baikal region.

Keywords: the Road of Grassland, tourism, Baikal region, one belt one road.

Ou Kaifei (Institute of Boundary and Ocean Studies, Wuhan University, PRC)
East Asian Countries in the Arctic: Competition or Cooperation?

In 2013, at the Arctic Council Ministerial Meeting in Kiruna, Sweden — China, Japan and South Korea received the status of observers of the Arctic Council. The countries of East Asia have their interests in this region related to the development of Arctic hydrocarbon fields, the development of navigation along the Northern Sea Route, the conduct of scientific research and the protection of environment. China, Japan and South Korea have basis for cooperation in the Arctic, and such cooperation has already begun. This article attempts to analyze the interests and policies of East Asian countries in the Arctic and concludes that both competition and cooperation exists among the above countries in this region.

Keywords: East Asia, Arctic, NSR, competition, cooperation.

Wu Zi (PRC), **Sazonov Sergey** (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)

The Russian-Chinese Cooperation in the Arctic Transport Development

Today the cooperation between Russia and China in the field of Arctic exploration expands rapidly because both countries are interested in the development of the navigation along the Northern sea route and extraction of hydrocarbons in the region. Russia is interested in attracting the Chinese investments and technology and Russia may provide China with access to the resources and Northern traffic artery. In the field of Arctic research the Russian research vessels and Arctic stations will play significant assistance. In its turn China in cooperation with Russia could expand its role in the Arctic Council, elaborating its national Arctic policies.

Keywords: Russia, China, the Arctic, cooperation, natural resources' exploitation, Northern sea route.

Sinyakova Anna (MGIMO University)

President Park Geun-hye: Promises vs. Achievements

This article will provide an insight into results of short, infamously discontinued presidency of the Park Geun-hye. As the point of reference of the study the au-

thor chose the inaugural speech of Park Geun-hye, namely specific goals indicated in the speech by the president and statistical data that shows execution of each of the above goals by the end of the presidency. Economy is pointed out as the first priority. President Park promises economic recovery and a new “Miracle on the Han River” based on creative economy i.e. science, technology and IT. Statistical analysis of GDP, GNI, research and development expenditure gives the opportunity to estimate the results achieved. Happiness of the nation is highlighted as the second priority. Culture prosperity that the president associates with the Korean wave is considered to be the third priority. President Park does not forget about traditional issues of safety and trust on the Korean peninsula. Current international situation shows the results achieved.

Keywords: Republic of Korea, president Park Geun-hye, inaugural speech, Korean economy.

Karyachkin Yaroslav (MGIMO University)

Moon Jae-in's New Energy Policy Outlook

South Korea's newly elected President Moon Jae-in has decided to focus on the development of renewable energy sources pivoting away from nuclear energy that generates nearly 30 % of the nation's electricity. Government decided to accomplish the goals by withdrawing the existing plans to build new nuclear power plants and not extending the lifespan of nuclear power plants. The article takes a look at possible consequences of South Korea's drive to the renewables, real abilities to accomplish these goals and the possibility that new administration can fulfil its promises during Moon Jae-in's term. Making hasty decisions on this issue may entail irreversible consequences, including the increase in the prices of goods and services produced in the territory of the Republic of Korea, caused by the increase in the electricity prices. Anyway this decision will make Korea pay for this drive to the “green energy”. The only question is what price it is going to pay.

Keywords: South Korea, energy, economy, Moon Jae-in, renewable energy, nuclear energy.

Zueva Alexandra (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)

Cooperation between the Republic of Korea and the Russian Federation at the Current Stage of Development of the Greater Tumen Initiative

Economic ties between the Russian Federation and the Republic of Korea are still waiting for productive development. There are several areas of cooperation

that could contribute to the implementation of new international projects in the Far Eastern region.

One example of economic cooperation between the Republic of Korea and Russia could be the Greater Tumen Initiative (GTI). The history of its development has undergone considerable changes and recession in the past twenty-five years. However, the project was extended for 3 years once again and its strategy until 2020 was formulated.

Developing logistics in Northeast Asia is one of the top priorities in the course of the GTI implementation. Creation of international transport corridors called Primorye-1 and Primorye-2, development of Zarubino Port and construction of a grain terminal at Zarubino take place within the framework of GTI cooperation.

Keywords: Russia, Republic of Korea, Greater Tumen Initiative (GTI), economy, Zarubino Port, Primorye-1, Primorye-2.

Leshakova Natalia (Institute of Asian and African studies of Moscow State University)

The Development Prospects of South Korean Companies at the Russian Market

Currently about 600 of South Korean companies are presented at the Russian market. Most of them are large conglomerates or transnational companies that occupy a significant market share of household appliances and electronics, as well as automotive sector. However, the potential of the Korean companies has not been exhausted and not even fully disclosed, as a large number of small and medium-size enterprises have not entered the Russian market yet.

The author held a survey to evaluate activities of the Korean companies at the Russian market. In this study, people working in the Korean companies made assessment of the trade and investment climate in Russia. They identified the most serious problems and basic obstacles that the companies are facing doing business in Russia including the stages of legal entities registration, the efficiency of business operations, availability of the market information.

Keywords: South Korean companies, trade, economy, cooperation between Russia and Republic of Korea.

Zakharova Liudmila (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)

Changes in the Social Structure of the North Korean Society

After the economic crisis of the 1990s, the structure of the North Korean society has been going through significant changes. The once clear division into work-

ers, peasants and officials fell under the influence of new economic factors and increasing social inequality. Due to the inability of the state distribution system to provide the entire population with food and other basic necessities in the 1990s, market relations began to develop in the economic mechanism, and the link between official occupation and social status significantly weakened. With the aggravated food problem in the country business skills and the ability to organize the supply of goods became very important. After Kim Jong Un came to power in 2011, market elements in the DPRK has kept spreading, which leads to further transformation of the country's social structure and growth of social inequality.

The report attempts to describe current changes in the social structure of the DPRK, identify their causes and outlook for the future.

Keywords: DPRK, economy, society, social structure, social inequality, marketization.

Sharafetdinova Alina (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

Russia-DPRK Cooperation Following the Latest UN Sanctions.

The article considers different aspects of the Russian—DPRK cooperation under the strengthening sanctions imposed on North Korea by the UN Security Council (resolutions 2371 (5.08.17), 2375 (11.09.17)), and also against the background of deteriorating China—DPRK relations. The author analyses possible implications for the both sides of the expansion of sectoral economic sanctions against the DPRK which may frustrate the important segments of Russian economic relations with North Korea such as Rajin-Hasan railway project, employment of North Korean workforce in Russia as well as cooperation in humanitarian fields. Recognizing the need of taking measures by the UN Security Council in response to North Korea's nuclear and missile experiments, at the same time Russia is keen to defend its strategic interests in the DPRK.

Keywords: North Korea, Russia-DPRK relations, UN Security Council, China, labor migration, sanctions.

History and culture

Yakovkin Evgeniy (College of Olympic Reserve of Perm region)

Concordia Association and the Russian emigration: 1932—1945.

In Manchukuo there was an organization called Concordia Association. This organization was part of the political doctrine of Japan: “Greater East Asia

Co-Prosperty Sphere”, proclaiming the establishment of a new world order in Asia from 1932 to 1945. The activities of the Concordia Association covered all aspects of life in the regions of Manchukuo including the Russian immigrants. At the peak of its prosperity it numbered 1 million 200 thousand members.

This paper focuses on the history of the creation of Concordia Association, its organization and structure. Special attention is paid to the ideological basis of the organization and how the Association has affected the lives of Russian emigrants in Manchuria in 1930–1945.

Keywords: Concordia Association, Manchukuo, Russian emigration, China, Manchuria.

Nelidov Vladimir (MGIMO University; Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences)

The conclusion of the 1960 Japan-U.S. Security Treaty and Characteristic Features of the Foreign Policy Making Process in Post-war Japan

The preparation, signing, and ratification of the Japan-U.S. 1960 Security Treaty were accompanied by heated discussions within Japan’s ruling circles and opposition protests that spanned the entire nation. The study of these events produces several conclusions about the foreign policy making process in post-war Japan, the applicability of which goes far beyond the particular historical episode. First, the key foreign policy decisions were often taken by a very limited number of people. Second, the discussions within the ruling Liberal Democratic Party were frequently motivated merely by the desire of different factions and their leaders to maximize their political gains. Third, it was not the treaty itself, but rather the government itself that served as the real target of the opposition. Fourth, despite the scale of protests against the conclusion of the new Security Treaty, internal strife within the opposition’s ranks was an important factor of the protest’s failure.

Keywords: Japan, foreign policy decision making process, domestic politics, Japan-U.S. relations, The Liberal Democratic Party of Japan.

Lobov Roman (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)
DPRK’s foreign policy after the 5th Congress of the WPK (1970): failures and achievements.

During the first decades, DPRK was realizing its foreign policy mainly with reliance on relations with socialist states. However, DPRK’s cooling relations with Moscow and Beijing resulted in some changes in the North Korea’s foreign policy. Of course, balancing between USSR and China, playing on contradictions between Moscow and Beijing were key part of Pyongyang’s diplomacy. Nevertheless,

from the 1970s DPRK continued policy on diversification of diplomatic and trade ties. In particular, main direction of DPRK's foreign policy became extension contacts with Western countries. In addition, there was a further activation of North Korea's relations between Asia and Africa countries that were an area of Inter-Korean rivalry for diplomatic recognition.

Keywords: DPRK, WPK, foreign policy, international relations.

Matveeva Elena (Far Eastern Federal University)

Teacher Status in Asian Countries: Sociocultural Factor or State Policy?

The article deals with the problem of raising the status of teachers in Russia. The author refers to the world-leading education systems, those of Hong Kong (China) and Singapore. Teaching is considered to be a stable and honorable profession in these countries. This is due to the combination of sociocultural factors, such as traditional values, and the features of the state policy. The research undertaken found out that both Hong Kong and Singapore have some similar features in their policy direction aimed at attracting candidates to teaching and retaining excellent educational personnel, including high standards for selecting intended teachers, paying high salaries, planned policies on raising the status of teachers. Leveraging the experience of these countries can be helpful for the development of a proper, object-oriented and consistent national strategy of education system enhancement in Russia.

Keywords: teacher status, Asian countries, attracting candidates to teaching, planned policies on raising the status of teachers.

Mozol Tatiana (Department of Oriental Languages, Moscow State Linguistic University)

Soft Power of South Korean Higher Education: Achievements and Challenges of Internationalization

Culture and education come to be one of the most effective soft power instruments. As the key providers of knowledge and skills, universities have become a main focus of the internationalization strategies of governments throughout the world. All over the world, countries are focusing on expanding the higher education industry and attracting international students to secure talents.

Considering the expenditure deficit in study abroad, the decline in school age population, and the population aging trends, South Korean universities need to attract outstanding foreign students to boost their international competitiveness. The government of the Republic of Korea is making multiple efforts to lure international students.

This report represents an attempt to examine the status of internationalization of Korean universities and the main challenges they confront pursuing internationalization.

Keywords: Republic of Korea, soft power, higher education, internationalization.

Polenova Anna (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)

South Korea's Internet Policies: Opportunities for Political Censorship

Holding top positions in most indices of ICT and Internet development makes Internet agenda quite topical for South Korea. However RoK is known as a state with a stalemate regime of content regulation in the Net. This regime was first built in the sphere of printed media and broadcasting prior to the period of rapid ICT development based on RoK's historic and political experience such as peninsula division, securitization of the election process et+c. Afterwards the effect of the accepted laws was transmitted to a new emerging sphere that was Internet.

This report represents an attempt to analyze the opportunities that the existing strategy of Internet content regulation provides for political censorship.

Keywords: Republic of Korea, society, Internet policies, political censorship.

Научное издание

**Восточная Азия
и изменение глобального миропорядка**

**Доклады, представленные
на V международной конференции молодых востоковедов
в Институте Дальнего Востока РАН
(Москва, 16—17 ноября 2017 года)**

Редактор *М.А. Кириченко*
Корректор *М.А. Кириченко*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 16.06.2018.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 18,0. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.).
Заказ № 12

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru.

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.